
КУРЬЕР
ТЕМНАЯ НОЧЬ ДУШИ
АЛЕКСЕЙ
ЗОРИН

Annotation

По засыпанной песком Москве идет курьер Алена. В поисках своего брата ей предстоит преодолеть нелегкий путь через мертвый город, подвалы которого наполнены кровожадными созданиями, а поверхность, превратившаяся в пустыню, таит еще большие опасности. Но главные испытания ждут ее внутри собственного подсознания. Это ее Путь. Ее Темная Ночь Души.

*Темная Ночь Души - понятие из Свитков Мертвого моря, означающее прохождение наиболее тяжелого и трансформационного этапа в жизни человека.

Курьер: Темная Ночь Души

Глава 1. Миллиметры

«Пустыня в тебе свернулась кольцами змеи, За каждым твоим движеньем пристально следит…»Маргарита Пушкина

Пространство было искажено до неузнаваемости. Прямо по центру Ленинского проспекта, слизав с растрескавшегося асфальта песчаные барханы, зияла чернота размером с пятиэтажку. Казалось, она вкручивалась сама в себя, неумолимо всасывая все окружающее и меняя до неузнаваемости вид привычного Ленинского. Асфальт вокруг вздыбился, и по его осколкам можно было представить, как в момент появления Черной Дыры он, вместе со всеми окружающими предметами, был втянут внутрь непонятной, неумолимой силой. Здания вокруг причудливо изогнулись, и по этим изгибам можно было понять, где заканчивается зона притяжения Дыры. Бетонные балки и кирпичи были выкорчеваны из стен, и те, что попали под влияние неведомой силы давно исчезли в прожорливой пасти. Все, что попадало в зону притяжения Дыры поглощалось ей навсегда. Она втягивала в себя вездесущий песок, куски зданий, асфальт, землю, даже солнечный свет. Мир вокруг тускнел градиентом, возвращаясь к нормальной яркости лишь по мере удаления от центра Дыры.

Алена и Ваня опасливо замерли на почтительном расстоянии, и теперь безмолвно наблюдали за этой темной бездной. Тьма была притягательна. Тьма манила. И вместе с тем было ясно — Тьма есть сама смерть.

Внезапный порыв ветра поднял у ног ребят несколько песчинок и, швырнув их на несколько метров ближе к дыре, утих. Но песчинки продолжили жить своей жизнью — они уже попали на границу зоны притяжения Дыры. Алена видела, как они едва заметно задрожали, сначала немного, но с каждой секундой увеличивая амплитуду. В какой-то момент сила трения, благодаря которой они удерживались на месте, начала проигрывать силе притяжения Дыры, и песчинки медленно начали ползти к своей неминуемой гибели. Теперь ничто не могло вырвать их из лап могучей силы — это было последнее, неотвратимое движение.

Алена подумала, что люди сейчас словно эти песчинки, оставшиеся от бескрайних барханов. Продолжают цепляться изо всех сил за жизнь, хотя путь их определен и ничего не изменить. Они стремительно несутся в бездну, подобную этой страшной черноте. Никто не знает откуда она появилась, никто не знает, что там. Ясно одно: путь человечества завершится подобной пустой тьмой.

Песчинки быстро набрали скорость, и, вместе с блекнущими лучами света, исчезли в пасти Дыры. Ваня и Алена не сговариваясь сделали шаг назад, завороженно наблюдая эту картинку. От Дыры веяло вселенской жутью.

Алена тихо ругнулась. Черной Дыры не было здесь еще неделю назад, когда она доставляла посылку на Театральную. И сейчас нужно вновь менять маршрут, а это снова потеря времени.

— Обойдем дворами, — хмуро бросила девушка и накинула на плечи лямки рюкзака. Ваня вздохнул, но послушно поплелся следом, загребая ногами. Дыра мрачно смотрела бездонным глазом им вслед.

***

Снова вездесущий песок. Он лежал под ногами, кружился вихрями в воздухе вместе с потоками горячего ветра, скрипел на зубах. В песке утопали сталинские высотки, стоящие по обеим сторонам Ленинского проспекта, засыпанные кое-где до второго этажа; опустевшая «Пятёрочка», библиотека № 169, в которой давно уже никто не читал книги, кофейня с покосившейся вывеской «24 часа». Пустыня поглощала все, до чего могла дотянуть свои иссохшие культи. Алена даже подумала, что, если долго стоять на одном месте — пустыня поглотит и ее.

Полуденное солнце грозило сжечь дотла. Жар, словно расплавленный воск, лился с неба, отражался от выгоревших стен домов, поднимался снизу от раскаленного песка и растрескавшегося асфальта, обнаженного в тех местах, где особенно свирепствовали ветра. Ноги словно погружались в расплавленный металл, жар которого чувствовался даже сквозь толстые подошвы туристических ботинок. Можно привыкнуть ко всему, подумала Алена. К тому, что теперь на доставку уходило раза в два больше времени из-за песка, засыпавшего дороги. К тому, что ранее многолюдный город практически полностью вымер — хотя это знание давалось с трудом, особенно когда Алёна попадала в какой-нибудь двор, где провела

беззаботное детство. Привыкаешь даже к постоянной опасности, которой грозит каждый без исключения темный подъезд, каждый двор и каждый новый изгиб дороги. В конце концов, человек привыкает ко всему, как бы тяжело ему это ни давалось.

Но к жаре, к этой чертовой испепеляющей жаре, привыкнуть невозможно.

Где-то там, под метровыми залежами песка, словно под сгоревшим слоем пирога, забытым нерасторопной хозяйкой в раскаленной печи, лежала земля. Истосковавшаяся по воде, иссохшая, покрытая трещинами. А может, там, внизу, били живительные ключи.

Последнее время было все меньше желающих выходить на поверхность. Ночью ни один человек в здравом уме на улицу не сунется. Днем палящее солнце грозило если не сжечь, то высушить до дна, словно опустевший сосуд. Ходить по раскаленному песку такое себе удовольствие, да к тому же можно нарваться на банду мародеров, хотя их тоже почти не стало. Курьеров грабить — себя не уважать, потому что случись что — сам воспользуешься их услугами. А в дома, магазины и вообще любые помещения рисковали заходить только самые отчаянные и изголодавшиеся. Уж лучше умереть голодным, чем…

Алена поправила солнцезащитные очки. То, что раньше было модным аксессуаром, теперь были жизненной необходимостью — если, конечно, ты не хотел ослепнуть от осточертевшего песка, отражающего солнечные лучи. Голову Алены обвивал длинный платок, закрывающий от обжигающих лучей шею и плечи. Потертые куртка и футболка не примечательного серого цвета дополняли повседневную одежду. Прошли времена, когда у курьеров была форма, выдаваемая на работе. Больше не было начальников, теперь каждый был сам за себя. А лучшей формой была та, что удобна и незаметна, чтобы в случае чего затеряться в грязно-желтых песках или у серых стен домов от ненужных взглядов.

Лямки натирали плечи, тяжелый баул с полу стёршейся надписью «экспресс-доставка» бил по спине. «Надо бы подшить лямки» — подумала Алена, и сама себе усмехнулась. Лямки растянулись уже как пару месяцев, и каждый раз, когда она выходила на доставку, рюкзак напоминал о себе отбитой спиной. Но приходя на очередную точку, после целого дня путешествия по занесенному песками городу, Алена

забывала обо всем кроме одного — сон и еда. Она скидывал надоевший рюкзак, совершенно забывая о лямках, и в следующий раз вспоминала о них только когда надо было уже собираться в дорогу и перешивать что-то было поздно.

Обычно она доставляла от одного убежища в другое бытовые вещи — лекарства, семена для посадки, инструменты, детали непонятных ей механизмов. Впрочем, она никогда и не интересовалась тем, что покоилось в рюкзаке за ее спиной. Курьеров осталось мало, и тем, кто еще готов был выходить под палящее солнце, платили хорошо.

Работа была нелегкая, но уж лучше так, чем гнить заживо под землей. Алена терпеть не могла спертый воздух темных бункеров, узкие коридоры, приглушенные всхлипывания соседей. В убежищах экономили всё, особенно свет и воду, поэтому зачастую приходилось передвигаться в темноте, а ее Алена не любила. С детства она не могла оставаться одна, и когда мама выключала свет и закрывала дверь в ее комнату, начинала плакать. Сейчас, конечно, такого уже не было, но при мысли о том, чтобы остаться одной в темноте у нее начинало сосать под ложечкой. А мысли о маме откликнулись глухой тоской в груди. Захотелось прижаться к ней, обнять, уткнуться в золотистые волосы и ни о чем не думать.

Алена быстро одернула себя — не время расслабляться. Мало того, что в этом мире вообще надо все время быть начеку, так теперь ей еще надо постоянно думать за брата. Она оглянулась — Ванька тяжело волочил ноги по песку, повесив голову, с носа срывались крупные капли пота. Алена вздохнула.

В абсолютной тишине, повисшей в горячем воздухе, солнце нещадно жарило, ноги порой увязали в песке — там, где ветер не разогнал его с растрескавшегося асфальта. Ленинский проспект занесло особенно сильно. Пустыня наступала с юга, и широкий проспект образовывал прямой коридор для захвата песком центра. Здесь часто бывали сильные ветра и даже пару раз случались пылевые бури.

Все же днем хоть как-то можно было передвигаться. Человек приспосабливается ко всему. Но последнее время появились Светляки, и теперь перемещение, работа, а значит и сама жизнь под угрозой. За два года доставки посылок по мертвому городу Алена не встретила ни одного Светляка, но последнее время участились слухи об их

появлении и исчезновении людей. Возможно, они были и раньше, просто был один нюанс — до сих пор не было никого, кто пережил бы встречу с ними.

Дождя не было уже 328 дней. Утром Алена сделала эту пометку в самодельном календаре как делала вчера, и каждый день до этого. Двадцать третье сентября. День осеннего равноденствия. Сегодня свет равен ночи. Уже завтра день начнет становиться все короче, уступая место тьме. Алена нахмурилась. Времени на дневные переходы будет все меньше, придется брать меньше заказов. А это ей не нравилось. Она не собиралась провести в городе еще одно лето. За зиму нужно было накопить достаточно денег чтобы выбраться отсюда.

Сегодняшняя доставка была из разряда экспресс, ее надо было доставить вне очереди. Нервный человек, передающий ей лекарства в убежище сорок два строго увещевал ее нигде не задерживаться. Впрочем, задерживаться на маршруте мог разве только самоубийца. Нет места более губительного на свете, чем поверхность современной Москвы.

Оплата за экспресс-доставку была выше, и это подняло ей настроение — мечта, на которую она копила последние месяцы, после выполнения этого заказа станет еще ближе. Только вот она никак не ожидала что придется тащить на себе Ваньку. Алена сжала зубы. Все из-за тетки, которая не захотела лишней ответственности и скинула ей мальца.

Сегодня вообще день с утра не заладился, подумала Алена. Она пока не могла объяснить, что именно не так. Возможно, она нервничала из-за Ваньки, и это чувство заставляло ее быть особенно настороже.

Алена остановилась в тени, нависшей над ней девятиэтажки, смахнула пот со лба и достала бинокль. Высохшие деревья не загораживали обзор, и широкий проспект отлично просматривался. Не заметив ни единого движения впереди, она потянулась за флягой. Открутила крышку, но пить не спешила, подождала пока Ванька добредет до нее.

— Будешь? — она протянула ему флягу. Конечно будет! Парень стянул с лица арафатку, обнажая белую кожу, и жадно примкнул губами к фляге, но она уперлась в козырек его бейсболки. Алена развернула козырек назад и Ванька начал пить, делая большие глотки.

Щуплый, невысокого роста, с наивными детскими глазами в свои двенадцать лет он выглядел еще младше.

— Не пей много, а то не хватит на весь путь.

На доставку она брала воды ровно столько, чтобы дойти от одного убежища до другого. Во-первых, вода была в дефиците. Во-вторых, плечи не железные, больше возьмешь воды или еды — меньше груза, меньше получишь денег. Придется больше ходить и больше расходовать драгоценную воду. Это было не рационально.

Вода уходила все глубже, и добывать ее было все сложнее. Электростанции давно остановились, колодцы и водоемы пересохли. Спасали только солнечные батареи, которыми были отделаны крыши любого уважающего себя убежища. Энергии, вырабатываемой таким способом с трудом, хватало на поддержание работы насосов, качающих воду из недр земли, которые словно огромные комары, впившиеся своими носами-жалами в тело умирающей планеты, тянули из нее последние соки.

Вода была самым ценным товаром, особенно здесь, наверху, под палящим солнцем, где организм терял влагу стремительно быстро. Передвижение без дела по поверхности считалось пустой тратой воды и было попросту недопустимо.

Ванька с трудом оторвался от фляги и снял огромные, в пол лица, очки.

— Дооолго ещё? — жалобно протянул он.

— Не ной, почти пришли.

— Алена, я устал…

— Ну оставался бы в бункере с остальными! — огрызнулась она. И так жарко, еще на нервах весь день — одно дело самой бродить по пескам, а тут еще за него отвечать…

— Я не хочу с остальными, я хочу с тобой! — Ванька преданно заглянул в глаза Алене. Этот взгляд мог бы растопить лед, если бы эта форма воды еще осталась в этом мире.

— Тогда не ной, — уже тише сказала Алена.

— Давай отдохнем? — просяще протянул Ванька.

— Хочешь, чтобы Светляки тебя сцапали? — взорвалась Алена. Ванька испуганно замотал головой. — Тогда пошли, нам не так много осталось!

Ванька покорно кивнул, и, обреченно опустив голову, побрел вперед, но внезапно остановился и повернулся к Алене.

— А ты покажешь Гагарина? — в глазах огоньки надежд, как будто и усталости нет.

— Конечно, я же обещала!

Ваньке этого хватило. Может, сил не прибавило, но настроение у него явно поднялось.

Они старались идти в тени зданий, но не сильно приближаясь к зияющим черными ртами провалам окон и подвалов. Пустота улиц вовсе не означала что здесь безопасно — слишком обманчива была эта тишина, готовая в миг наполниться предсмертными криками, стоило нарушить Главное Правило. Алена знала это, и Правило не нарушала — держалась на расстоянии от окон и подъездов. Но жара стояла невыносимая, огненный шар солнца висел в зените, и чтобы держаться в тени нужно было приближаться к домам.

Пронзивший небо стрелой застыл неподвижный башенный кран - окаменевшее изваяние неведомого доисторического чудища. Он завис над недостроенной высоткой, словно скелет, не успевший обрасти кожей. Здания вокруг были похожи на уснувших великанов с пустыми, черными глазницами. Когда-то полные жизни, сейчас… впрочем, некоторые и сейчас полны жизнью, если это можно так назвать, только другой. «А точнее смертью» — подумала Алена. Любая жизнь рано или поздно становится смертью.

Черные глазница окон молча наблюдали за ними. Дома, казавшиеся заброшенными, были такими лишь на первый взгляд. Это было похоже на ровную гладь океана. Смотришь на нее, и на какой-то миг забываешь, что там, внизу, в ледяной тьме, бесшумно скользят быстрые смертоносные тени. Алена вспомнила историю времен второй мировой войны, прочитанную на каком-то сайте, когда после крушения военного корабля тысячи моряков были растерзаны акулами. Оставшиеся в живых спасались на плотах, но даже это не помогло — в памяти всплывала история выжившего про то, как морской хищник утащил его друга прямо с края спасательного плота. Алена опасливо покосилась на пустые окна. Здесь не океан, да и там не акулы. Но то, что притаилось во тьме этих домов было гораздо опаснее.

— Тут жутко… я хочу домой, — шепотом проговорил Ванька.

— Дома больше нет, — холодно ответила Алена, глядя прямо перед собой. Ванька потупился.

Какое-то время шли молча. Ванька старался успевать за сестрой, но ноги его были покороче, и ему приходилось ускоряться, смешно переваливаясь с бока на бок. Алена сбавляла темп, но вместе с тем злилась — путешествие грозило затянуться. Она привычно рассчитала время исходя из своей скорости, не учтя, что Ванька медленнее, и теперь мысленно ругала и его, и себя. Остаться на поверхности земли с наступлением заката было равносильно самоубийству.

— Я её понимаю, — тихо сказал Ванька, глядя под ноги. — Ей своих детей надо кормить…

— Да она просто сука, — сквозь зубы бросила Алена.

— Мы выживем?

— Обязательно. А она, надеюсь, нет.

— Она не виновата…

— Ну конечно. Никто ни в чем не виноват. Только она обещала нашей маме что будет следить за тобой. А как только прижало — так сразу на попятную! Как мне теперь работать? Я с тобой иду в два раза медленнее! Куда тебя девать?

— Я тоже буду как ты носить мешок! — виновато промолвил Ванька.

Ванька, хрупкий, как цветок, непонятно как выросший в пустыне. Какой мешок носить, его самого носить надо. Алена ухватила за козырек его бейсболки и натянула кепку ему на глаза.

Из-за верхушек сухих деревьев показалась голова Гагарина — и Алена поняла, что они на верном пути. Массивный памятник, ранее олицетворявший победу человечества над космосом, теперь возвышался над засыпанной песком площадью словно немой укор и напоминание о том, как в итоге природа одержала верх.

Алена подошла к подножию памятника, отметив, что уровень песка поднялся почти на полметра за… когда она последний раз здесь была? Неделю назад? Да, когда доставляла посылку на театральную. Такими темпами скоро она будет ходить по барханам над крышами Москва-Сити.

Девушка скинула с плеч надоевший рюкзак и принялся расчищать песок. Вскоре показалась тяжелая железная дверь. Откинув от нее песок, Алена на всякий случай проверила задвижку. Гостей не было, да

и кому придет в голову искать в песке дверь, ведущую по узкой тридцатиметровой лестнице в голову Гагарина?

Тяжелая дверь поддалась на удивление легко, словно впуская в себя давно не заходившего хозяина дома. Лезть в темное место было грубейшим нарушением ей же установленных правил, но в данном случае опасности внутри не было. Но Алена все же замерла на входе и обернулась к Ивану.

— Помнишь главное правило? — то ли при слове «правило», то ли от осознания почему оно вообще существует Ваня поежился и как-то немного осунулся.

— Не лезть туда, где темно…

— Верно. Сюда — можно, но только сюда.

Ваня кивнул. Конечно, он помнит его наизусть, как и все остальные выжившие. Но лучше лишний раз убедиться, чтобы у ребёнка не появилась смертельно опасная привычка вот так открывать любые двери во тьму.

Алена осветила фонарем пространство, уходящее вертикально вверх, еще раз проверив отсутствие сюрпризов. Луч света вырвал из темноты ржавую, но вполне пригодную для использования лестницу, ведущую наверх.

— Я первая, как только долезу доверху — дам знак. — Ванька молча кивнул, но было видно, что ему некомфортно оставаться одному в этой трубе.

Прикрыв за собой дверь и заблокировав ее задвижкой, Алена первая полезла вверх. Внутри было душно — солнце раскалило металлическую трубу. Лезть в узком пространстве было не особо удобно, но привычно — она часто бывала здесь. Руки уверенно цепляли арматуры-ступеньки. Вскоре она добралась до верхней площадки.

Песок плохо удерживал тепло, и, несмотря на дневную жару, ночью на город часто опускался холод. И то ли от перепадов температур, то ли еще от чего — половина головы памятника отвалилась еще год назад. Получилась отличная площадка, с крышей над головой, тенью и прекрасным обзором в сторону Сити. Алена осмотрелась. Вокруг было тихо, и она негромко свистнула в трубу — кричать лишний раз не стоило, чтобы не накликать внезапную беду. Ванька тяжело запыхтел снизу — начал подниматься. Он лез

медленно, но верно. На последних ступеньках Алена подстраховала за куртку на всякий случай. Ванька вылез на площадку, оглянулся и ахнул от увиденного. Им, детям подземелья, редко выдавалась возможность забраться куда повыше.

Вдаль уходило полузасыпанное песком полотно «третьего транспортного кольца». Тут и там из-под песчаных барханов виднелись остовы машин, с которых ветер и песок словно шкуркой содрали краску. По краям дороги высились все те же кирпичные многоэтажки с пустыми окнами-глазницами.

Ванька неотрывно следил за тем, как ветер гоняет песок по безлюдной дороге, и Алена поймала себя на мысли о том, что она знает о чем он сейчас думает. Снизу город выглядит по-другому. Ты не видишь километров брошенных машин и пустых домов, с обвалившимся крышами. Такие просторы не привычны. Внизу твой обзор ограничен, и, хотя это и не понимаешь умом, но где-то внутри теплится пусть глупая и необоснованная, но надежда. Надежда на то, что где-то там, за домами, за очередным поворотом дороги, возможно все иначе. Там есть жизнь, зеленые деревья, живые люди. А где-то, наверняка — не может быть иначе! — идет дождь и бегут звонкие ручьи, резвясь, сталкиваясь и разбегаясь потоками живительной влаги. И если прислушаться — в его журчанье можно услышать смех детей.

Но здесь, сверху, было отлично видно — город мертв.

***

Солнце слегка отклонилось к западу. Скоро жара перестанет быть невыносимой, и можно будет продолжить путь. Главное — не переждать и успеть до темноты. Потому что с закатом все муравейники закрываются, а муравьи, не успевшие домой, становятся добычей.

— А Светляки нас здесь не достанут? — испуганно спросил Ваня. Они только что пообедали скудными запасами, прибережёнными Аленой в тайнике, которых хватило только чтобы слегка утолить вечно терзающий голод, и теперь лежали посередине площадки головы памятника великого космонавта, который стоял посреди некогда великого города.

— Не переживай. Здесь нас никто не достанет.

— Я слышал, — боязливо протянул Ваня, — что Светляки похищают души людей…

Алена залилась звонким смехом.

— Кто тебе сказал такую чушь?

— Петька из соседнего убежища… Он говорит, что его папку забрали, он тоже курьером был, как ты… Он говорит, что Светляки призраки…

— Ну да, это из серии историй про друга моего друга… Ты слушай больше Петьку, еще не такого расскажет, — буркнула Алена и отвернулась. Говорить не хотелось.

На самом деле никто доподлинно не знал, что делают Светляки, так что может малой и прав, просто пугать его не хотелось. О Светляках не было известно ничего, кроме того, что из всех, кто с ними сталкивался — обратно не вернулся ни один.

— А правда, что Светляки не убивают людей, а похищают? — снова спросил Ванька.

— Не знаю, отстань. — отмахнулась Алена. Еще не хватало сейчас думать о призрака, бродящих по мертвому городу.

Правда, больше походило на то, что это они сами превратились в призраков. Скитаются среди безлюдных переулков, боясь хоть кому попасться на глаза. Мы просто исчезаем, становимся тенями, подумала Алена и на всякий случай взглянула на свою руку — не исчезает ли она, не становится прозрачной? В этом безумном мире она бы не удивилась такому исходу. Кожа руки была сухая и жесткая от обезвоживания. Без воды все умирает. Так и люди стали сухими и жесткими, только вот от отсутствия воды ли?

Ванька дотронулся до металлической стенки и отдернул руку — обжегся о раскаленный солнцем металл. Он подул на палец и вздохнул.

— Эх, сейчас бы мороженого! — мечтательно прошептал Ванька, глядя в бездонное небо.

— Да ну тебя, Ванька! — Алена сглотнула слюну. Какое там мороженое! Еды бы нормальной… — И так несладко.

Ванька бросил виноватый взгляд на сестру, и Алена очередной раз мысленно себе напомнила, что надо быть с братом помягче. В этом мире и так осталось слишком мало любви — как будто ветром выдуло вместе с песком. Но одно дело — подумать, а другое — сделать. Этот мир кого хочешь превратит в черствый сухарь. Вот и она, несмотря на юный возраст и миловидность, уже успела очерстветь под вечно палящим солнцем.

Ванька достал из кармана спичечный коробок с неаккуратно проделанными дырочками и легонько потряс его. Изнутри послышался шелестящий звук. Ванька открыл коробок и аккуратно вытряхнул себе на ладонь жука. Жук лежал почти неподвижно, лениво шевеля усами и даже не пытаясь расправить крылья. Это был Ванькин друг, найденный в песках. Парень нашел его лежащим на спине, и думал, что он уже помер, но жук оказался живым. Алена закатывала глаза и нервничала, понимая, что они теряют время, пока Ванька реанимировал жука и искал в рюкзаке для него коробку. И вот теперь жук потихоньку оживал в его маленькой руке.

— А что едят жуки?

— Не знаю. Наверное, других жуков, — пожала плечами Алена. Ванька задумчиво смотрел на нее.

— Всегда чтобы жить надо кого-то есть?

— Так устроен мир, Вань. Либо ты, либо тебя.

Они молча смотрели как жук тихонечко оживал на Ваниной ладошке. Он вяло шевелил неуклюжими лапами, словно не был приспособлен к этой жизни. Как древний динозавр, дошедший до финальной стадии эволюции своего вида, и теперь вынужденно уступавший место под солнцем другим, более совершенным видам.

— Знаешь, во времена динозавров на месте Сахары был океан. Там плавали древние предки китов и, возможно, именно оттуда впервые на землю вышли первые млекопитающие. Так что наши предки из пустыни, можно так сказать.

— А теперь Москва как Сахара… — промолвил Ванька, задумчиво глядя на жука.

— Есть такое дело… А знаешь, как жители Сахары называют пустыню? — спросила Алена.

— Как, скажи?

— Океан без воды. Ведь правда похоже на океан!

— А дома — как затонувшие корабли! — воскликнул Ванька.

— А знаешь кто такие корабли пустыни? — Ванька помотал головой. — Верблюды!

Ванька засмеялся. Он представил верблюда с парусом и засмеялся еще громче.

— А еще жители пустынь закрывают лицо паранджой, чтобы злые духи не похитили их душу.

— Светляки тоже злые духи?

— Не знаю, Вань. Наверное.

Они задумчиво смотрели на океан песка, простиравшийся под ними. С высоты можно было представить, что город вновь полон людей, вообразить звук машин, несущихся по ленинскому, завывания далеких сирен, сигналы клаксонов нервных таксистов. Алена достала бинокль и медленно обвела взглядом пустые улицы. Ни движения. Она и сама не знала, что хотела там увидеть. Другого курьера? Банду мародеров? Группу охотников? Или Светляка? Внутри было странное чувство тоски, смешанное с затаенной надеждой заметить движение на одной из безлюдных улиц, и вместе с тем страх. Потому что встретить человека в мертвом городе опасно. Никогда не знаешь, что у него на уме.

— Дай посмотреть! — попросил Ванька. Алена приставила бинокль к его глазам.

— Вау! Там близко! А что за высокие дома вдалеке?

— Это Сити. Элитный жилой квартал. Был. У меня друг-альпинист там работал, окна мыл. Когда все случилось, они даже веревки снять не успели, так там до сих пор и висят.

— Красиво! А мы когда-нибудь сходим туда?

— Нет, Вань, — Алена забрала у него бинокль. — Это одно из самых опасных мест в городе.

— Там живут они? — шепотом спросил Ванька, расширив глаза.

— Да. Там их очень много. Так говорят. Так что не вздумай даже близко туда подходить!

Ванька с готовностью закивал. Алена поняла, что основные уроки он усвоил — судя по его испуганным глазам парень теперь будет Сити обходить за версту.

— Ален, — тихо сказал Ванька, — мы же не станем… как они?

— Конечно нет! Почему ты спрашиваешь?

— Я не хочу стать таким.

— Не станешь.

— Почему ты так думаешь? — Ванька пытливо посмотрел на сестру.

И действительно — почему? Алене нечего было ему ответить. Потому что любой ответ был бы ложью.

Никто не знал почему люди *меняются*. Все исследования не дали ответа на этот жизненно важный вопрос. Изменения происходили не после физического контакта, это не передавалось по воздуху, это не было даже вирусом. Просто в какой-то момент человек начинал терять свой облик. Постепенно, шаг за шагом, превращаясь во что-то… иное.

Никто не знал почему вообще все это началось. Просто сначала долго не было дождя. Потом в воздухе появился песок, и температура стала расти. А через несколько недель, когда было уже трудно дышать, из подвалов полезли полулюди-полузвери, залившие город кровью. Никто не мог понять кто они и откуда взялись, но все быстро уяснили — аппетит у них отменный, благо, появляются они только по ночам или там, где живет тьма. Позже стали появляться Светляки — новая напасть. Про них вообще ничего не ясно до сих пор. Если от Зверей ещё можно попробовать хотя бы теоретически спастись, то после встречи со Светляками, как говорят, выживших не бывает. Никто даже не мог описать как они выглядят.

Светляки и Звери, словно договорившись, поделили время охоты. Звери, облюбовавшие подвалы и тёмные этажи заброшенных зданий, выходили на охоту по ночам, по неизвестной причине боясь дневного света. Светляки же, насколько было известно по слухам, появлялись исключительно днем, словно тьма была им опасна. Времени для людей в этом мире не осталось.

А уже совсем недавно стали появляться Чёрные Дыры. Казалось, кто-то решил, что человечество больше не венец творения, и на этой Земле ему места нет. И теперь людей выживают отсюда всеми способами, и, надо сказать, успешно.

- А Черные Дыры – откуда они взялись? – словно послушав мысли Алены спросил Ванька. Алена только вздохнула.

Про космические черные дыры она читала еще в школе, но это где-то там, в далеком космосе, в вакууме, в совершенно других физических условиях. По всем законам физики такое просто не могло существовать в земных условиях. Но по тем же законам не должно существовать и Зверей, и Светляков…

Судя по описанию космических черных дыр, эта вела себя также — всасывала все, даже солнечный свет, только размером была несравнимо меньше. Алена подумала, что, если одна такая Дыра когда-нибудь увеличится в размерах раз этак в сто — Москвы не станет.

Впрочем, ее и так уже практически нет… И в нынешних условиях человечеству остается только одно — выживать. И уж точно не стоит лезть к этим дырам и пытаться что-то понять. Не стоит заигрывать с неведомыми силами.

Алена сбросила наваждение. Неизвестно, ждало ли это их всех, умрут ли они от жажды или заберет Светляк. Одно было ясно — человечеству в новой цепи эволюции была отведена роль пищи.

— Не забивай голову, — буркнула она в ответ.

Ванька перевел задумчивый взгляд на город, превратившийся в океан песка. Не хватало только кораблей, но их заменяли торчащие из барханов серые тела домов.

— А ты была на море?

— Была.

— А там правда много воды?

— Правда.

— Как раньше в Москве-реке?

— Больше, гораздо больше.

— А как это — больше? — Ванька не мог понять как воды может быть больше, чем в канале Москвы-реки. Учитывая то, что последний водоем исчез с лица города года полтора назад, для него сейчас и лужа за море сойдет.

— Представь, что весь этот песок — это вода. Это и есть море.

— Так бывает?

— Бывает

— И ты отвезешь меня туда?

— Обязательно!

— На Ковчеге?

— Да, Вань. Вот только денег заработаю.

Алена не знала, правда ли это, но говорили, что некие умельцы смастерили корабль, способный передвигаться по пескам. Они назвали его Ковчег. Конечно, наверняка это был вовсе не корабль, но это было не важно. Важно было то, с наступлением зимы они планировали покинуть умирающую столиц и отправиться на север, к морю, куда, говорят, пустыня еще не добралась. На Ковчег можно было попасть, но очень за дорого, да еще надо было найти кому эти деньги заплатить, да не нарваться на мошенников. Когда Алена узнала об этом, она твердо

решила: они с Ванькой уедут отсюда. Она будет брать больше заказов, заработает денег, и они покинут эту осточертевшую пустыню.

— А какой он, Ковчег? — спросил Ванька.

— Не знаю, глупенький! Я же сама не видела, — пожала плечами Алена. — Говорят, что он большой, на солнечных батареях.

— Как корабль?

— Да, только он плавает не по морю, а ездит по песку.

— И он возьмет нас с собой? — с надеждой спросил Ванька.

— Конечно.

— И увезет к морю? Настоящему?

— Я тебе обещаю! — Алена посмотрела брату в глаза. В его глазах теплился лучик надежды, то, чего она давно не видела в глазах людей этого города.

— Клянешься?

— Клянусь!

Она достала из рюкзака лист бумаги и принялась складывать в замысловатую фигуру. Ванька с любопытством заглядывал через плечо, но Алена игриво прятала поделку, пока не закончила.

— Покажиии, что там? — протянул Ванька. В глазах такая жажда увидеть неведомое чудо, что хоть водой не пои. Алена достала из-за спины бумажный самолетик.

— Можно я! Можно я! — закричал Ванька.

— Тс! — испуганно шикнула Алена. — Чего разорался!

Ванька тоже испугался и продолжил уже шепотом, но также настойчиво:

— Можно я! Можно я!

Алена с улыбкой отдала ему бумажную фигурку.

Самолетик вылетел из головы Гагарина, блеснув на солнце белым бумажным боком, сделал замысловатый узор и, подхваченный внезапно налетевшим горячим ветром, вместе с частичками песка взмыл в воздух. Алена провожала его взглядом, и ей слышался гул моторов реактивных самолетов, пролетающих над городом. Словно репетиция Дня Победы, которую она как-то случайно застала. Она никогда не любила парады, но сейчас многое бы отдала за то, чтобы вновь оказаться среди толпы незнакомых людей и задирать голову, жмурясь от солнца, складывать руки козырьком, улавливая взглядом мелькающие над крышами домов крылья.

Она вспомнила, как впервые попала в это место. Тогда голова Гагарина была еще целая, Москва еще не превратилась в пустыню, а ее жители — в добычу.

Ее ладонь сжимала горячая ладонь Дениса, он тащил ее вперёд, они бежали и весело смеялись. Была теплая майская ночь, звезды светили откуда-то сверху, словно улыбаясь, и верилось, что так будет всегда.

Денис — одноклассник, хулиган и сорвиголова — позвал застенчивую отличницу Алену играть в приключенческую игру «Дозор». Она понятия не имела что это, но даже если бы Денис предложил тогда прыгнуть в пасть дьявола — она без раздумья согласилась бы, как и многие ее одноклассницы. Он был сильный, свободный, за ним хотелось идти, бежать или лететь, и не все ли равно — куда?

Он подошел к ней после уроков, когда она складывала книги в рюкзак.

— «Сахара»… — прочитал Денис название одной из книг и улыбнулся: — Значит, вот что ты читаешь вместо математики! Интересно?

Алена кивнула и застенчиво улыбнулась. Она до сих пор не понимала, почему он тогда подошел именно к ней. Может, почувствовал в ней тягу к адреналину?

До этого она ходила в школу скалолазания — они гоняли на скалодромы, учились лазать по зацепкам, работать с веревкой, и даже один раз выезжали в Крым на скалы. Руководитель клуба Толик работал промышленным альпинистом, и рассказывал истории, от которых у молодых экстремалов кровь приливала к вискам, а глаза восторженно расширялись — о том, как они мыли окна Москва-Сити и попали в ураган, или как попали в грозу в абхазских горах на высоте две с половиной тысячи метров. Потом началась учеба, времени на клуб стало меньше, но адреналина в обычной жизни не хватало. И когда Денис предложил поиграть в «ночные экстремальные игры» она не стала отказываться.

Так она оказалась в Дозоре. Они всю ночь бегали по городу, разгадывали какие-то коды, залезали в заброшки. Было страшно весело и интересно, а адреналину добавляло то, что все это было не совсем легально. Денис рассказывал, что недавно на одном закрытом

заводе, куда они пробрались в поиске очередного спрятанного организаторами игры кода, по ним из ружья стрелял сторож.

— Из настоящего! — спокойно сказал Денис, но видно, что его распирало от гордости. Алена в восхищении смотрела в его красивые глаза. — Я слышал, как пуля срикошетила о металлическую балку. Ну, мы убежали понятное дело! — Денис смеялся, Алена смеялась с ним, а звезды ласково смотрели на них сверху.

Последним заданием в ту ночь было забрать код в голове Гагарина. Точнее, сначала надо было угадать что он именно там.

— А как же мы туда попадем? — удивленно спросила Алена.

— Не боись! Это заигранная лока, я там уже был! — усмехнулся Денис и подмигнул ей: — К тому же это мое любимое романтическое место.

Заигранная лока, как поняла Алена, означало что локация уже была использована в какой-то из предыдущих игр. Но ее волновало не это. «Это мое любимое романтическое место…» Сердечко учащенно забилось в груди.

Так как позади была напряженная ночь, большая часть команды отказалась лезть на высоту тридцать метров.

— Не парьтесь, мы с Аленкой снимем код. Так ведь, Ален? — подмигнул ей Денис.

— Угу! — только и смогла ответить она, и они остались вдвоем. Ночь укрыла их теплым звездным пледом. Звезды еще сияли на небосводе, но уже тускнели к востоку, когда они добрались до Ленинского проспекта. Над площадью возвышался величественный тридцатиметровый Гагарин. Денис залез на основание памятника.

— Давай руку! — Денис протянул свою широкую ладонь. Алена нерешительно протянула свою, их пальцы встретились, и она вздрогнула. Его рука была мягкой и теплой. — Какая у тебя горячая и сухая ладонь! Я буду звать тебя Сахара!

— Почему Сахара? — удивилась Алена.

— Ну ты же любишь пустыни!

Алена нерешительно улыбнулась.

Она очень хорошо помнила, как Денис показал ей люк в основании Гагарина.

Как она впервые лезла в темноте по лестнице внутри памятника. Как искали код. Как сомкнулись руки Дениса на ее талии. Она

чувствовала его горячее дыхание, его бездонные глаза так близко, а до губ оставались считанные миллиметры… Которые так и остались навсегда непреодолимым расстоянием. Их разорвал отчаянный женский крик, словно донесшийся из другого мир, в который так не хотелось возвращаться. Именно в тот момент, когда самый красивый парень из класса собирался поцеловать Алену в самом романтичном месте из всех, что она могла вообразить, начался апокалипсис.

Много ли это — несколько миллиметров? Для нее — да. Очень много. Для нее это было невообразимое расстояние, которое навсегда отделило ее от детства и счастливой жизни, оставив на губах горький привкус недосказанности.

Алена открыла глаза, которые вдруг начали слезиться — наверняка от ветра, все также сдувавшего песок с крыш полузасыпанных автомобилей. Солнце еще немного отклонилось к западу. На лицо Алены упала тень — видимо, от заслонившей солнце многоэтажки.

— Вставай. — Голос Алены был отстранен, и Ваньку словно ледяными иглами обдало. — Пора.

Ванька не стал канючить, чувствовал, что сейчас не время. Пытался заглянуть в глаза сестры, но та прятала взгляд. Он был еще очень мал, но уже понимал, что вместе со взглядом она прятала где-то очень-очень глубоко кусочек личной боли.

***

Тени становились длиннее. Солнце скрылось за высотками и больше так не пекло. Алена выбирала маршруты в обход как больших проспектов, так и тенистых двориков, стараясь прокладывать путь через возможные укрытия.

— Вань, — позвала Алена. Ванька вынырнул из своих дум. — Как мы ходим?

— Безопасно! Чтобы было куда убежать, — откликнулся тот. Алена кивнула.

Молодец, учится потихоньку. Вообще правило звучало как «всегда прокладывать маршрут, учитывая возможные пути отступления», но и так сойдет — главное что усвоил. Иначе в этом мире не выжить. Те, кто использовал старые правила и привычки очень быстро погибали. Мир менялся — и заставлял меняться вместе с ним. Кратчайшая дорога больше не была в приоритете, и если бы сейчас кто-то решил

выпустить навигатор, опция «безопасный маршрут» с избеганием туннелей, узких темных подворотен и дворов-колодцев была бы на вес золота. Вот только эту самую безопасность предсказать заранее очень сложно, здесь без чутья не обойтись. Конечно, опыт подсказывал какие дороги выбирать, в какие подворотни не соваться, но Алена могла бы поклясться, что иногда какое-то внутреннее звериное чутье наперекор логике кричало ей: «Туда нельзя!». И она слушалась. Она доверяла своему чутью, ибо больше доверять было некому.

Сейчас они держались ближе к середине дороги — подальше от темных подъездов, но по прямой не шли — переходили от укрытия к укрытию.

Внезапно чья-то тень стремительно пересекла дорогу. Алена одним движением сгребла Ваньку в охапку и прыжком метнулась за ближайший остов машины. Еще в момент движения она осознала, что это тень птицы, но адреналин уже выплеснулся в кровь, и сердце бешено колотилось. Наверное, так себя чувствует какой-нибудь пустынный грызун, увидев мелькнувшую в небе тень орла.

— Что это, Алена? — тихо шепнул Ванька. Алена приложила палец к губам и нахмурила брови. Тень снова пронеслась по дороге. Алена подняла голову — метрах в ста впереди в небе проплыл силуэт большой птицы, на мгновение заслонив собой солнце. Огромные крылья беззвучно рассекали горячий воздух.

— Стервятники, — тихо сказала Алена. Откуда эти птицы взялись в Москве она не знала. Но в последние годы мир так переменился, что она вряд ли бы удивилась, увидев верблюда в центре города. Одно она знала точно — стервятники в небе не предвещают ничего хорошего. В воздухе запахло смертью.

Ванька словно почувствовал ее настроение.

— Там что-то случилось? — прошептал он.

Алена кивнула. Надо обходить, но это значит уходить в тенистые дворы и менять маршрут, снова терять драгоценное время.

— Может там кому-то нужна помощь? — озабоченно спросил Ванька.

Судя по тому, что в небе кружило несколько этих хищных птиц, вряд ли там кому-то еще нужна помощь. Стервятники были знаком того, что все самое страшное уже закончилось. Сейчас там максимум пара мертвых тел. Впрочем, Ваньке и это видеть не стоило бы.

— Пойдем, только очень осторожно. Когда я скажу — закроешь глаза. Понял?

Ванька кивнул, и, кажется, побледнел.

Один из стервятников сделал очередной круг и приземлился недалеко от Алены и Вани, подняв тучу песка огромными крыльями. Птица озабоченно смотрели на ребят бегающими глазами, видимо воспринимая их как хищников-конкурентов. Загнутый клюв поворачивался из стороны в сторону, вслед за бегающими черными иглами глаз. Во все стороны торчали взъерошенные перья, едва прикрывал тощую плоть птицы. Стервятники питались трупами, но сейчас у них были весьма прожорливые конкуренты. Надо было успевать съедать до вечера, иначе к утру от добычи останутся разве что обглоданные кости.

Алена обошла стервятника стороной, не забывая поглядывать вокруг, но никого не было видно. Узкая улочка, занесенная меньше других — даже видны подъездные двери в домах. На дороге тут и там были разбросаны полузасыпанные песком остовы машин.

Стояла абсолютная тишина, в которой изредка были слышны хлопки крыльев приземляющихся стервятников. Они уселись чуть в стороне, наблюдая за путниками. Значит, тело где-то рядом. Алена чувствовала на себе взгляд птиц, и от него мороз пробирал по коже — она понимала, что их с Ванькой рассматривают как потенциальную еду. Ванька крепче сжал ее руку.

Дорога была пуста. Если здесь и были следы, то их уже занесло. «Неужели заполз в дом?» — мелькнуло у Алены. Тогда точно самоубийца. Алена вгляделась в подъездную тьму сквозь распахнутые двери, но там не было ни движения.

Внезапно из-за одной из машин послышался негромкий стон. От неожиданности Ванька впился в руку Алены еще сильнее. В полной тишине посреди мертвого города меньше всего ожидаешь услышать отзвуки человеческого голоса, пусть даже такого. Алена медленно обошла машину, стараясь держаться поодаль.

На песке с теневой стороны, прислонившись тщедушным телом к горячему металлу, полулежал человек. По его внешнему виду Алена сразу поняла — этот человек никогда раньше не выходил на поверхность. Он был одет в потрепанный балахон, в которых часто ходят жители убежищ, на ногах рваные кеды, явно не предназначенные

для переходов по пескам. Морщинистое, обожженное лицо обрамляла седая борода, на голове не было ни арафатки, ни другого головного убора, который уберег бы от смертоносных солнечных лучей. Рядом лежала холщовая котомка - судя по всему, почти пустая.

Человек медленно повернул голову на звук, и Алена увидела полные страдания глаза.

— Воды! — прошептали потрескавшиеся губы. Человек попытался протянуть к ним руку, но это давалось ему с трудом.

Алена молча смотрела на него. Одежда странника лучше слов рассказала его историю, и перед Аленой развернулась картинка. Старый, ненужный человек, от которого уже нет пользы. Котомка, в которую вряд ли положили еду и воду, молчаливые взгляды бывших сожителей, стальная дверь бункера, захлопывающаяся за спиной и оставляющая наедине с пустыней. Ошеломляющий простор и ослепительный песок, раскаленный до нельзя. Наверняка старик не видел неба все эти два года, и вот теперь он мог насладиться им сполна — в последний раз.

— Воды… — прохрипел старик. Ваня сжал руку Алены.

— Алена… Надо дать ему воды! — он смотрел прямо в глаза, и его зрачки были расширены от ужаса. Ваня видел такое в первый раз.

Алена молчала. Она смотрела в глаза старика и видела в них смерть. Он еще пытался двигаться, говорить, но все уже было решено. Ему оставались считанные часы. Если жажда и солнце не прикончат его, то с наступлением ночи это сделают Звери.

— Алена! — прошептал Ванька, умоляюще глядя ей в глаза. Она молча покачала головой. Тратить на старика воду, которая на вес золота, которую она несла для Ваньки, было бессмысленно.

Внезапно Ванька выдернул руку из ее руки, и она не успела опомниться, как почувствовала, что с ее пояса срывают флягу. Парень мгновенно оказался возле старика, опустился на колени перед ним, и пока Алена стояла, открыв рот от удивления, отвинтил крышку с фляги. С ее фляги. Следующее, что она увидела — поток живительной воды, так старательно сберегаемой ей, течет по подбородку жадно пьющего, захлебывающегося старика. Алена рванулась вперед и выхватила флягу, которая за пару мгновений успела опустеть наполовину.

Не веря своим глазам, Алена смотрела на полуопустевшую флягу, но Ваньку это не волновало. Он неотрывно смотрел на старика, который закашлялся и откинулся на присыпанную песком дверь старенького ленд крузера.

— Спасибо тебе, дитя, — прохрипел старик. — Ты сделал хорошее дело!

Конечно хорошее, подумала Алена. Считай выкинул пол литра воды, все равно что на песок вылил. Старик все одно умрет, к чему такие расходы?

Старик смотрел на них из-под полуприкрытых глаз. Они уже затуманивались, и Алена подумал, что разум его тоже уже затуманивался, готовясь отойти в мир иной.

— Что вы тут делаете, дети? — голос старика был негромкий, надтреснутый, но на удивление достаточно четкий.

— Мы курьеры, — нехотя ответила Алена.

— Так это вы те самые отчаянные храбрецы, доставляющие посылки! — старик попытался улыбнуться, но ссохшиеся губы не желали растягиваться в улыбку. — Пока не окажешься на поверхности, в полной мере не осознаешь всю важность вашей работы! И ты тоже курьер, юный герой?

Ванька молча кивнул. Он неотрывно смотрел на старика.

— Мы поможем вам дойти до убежища! — горячо сказал Ванька.

Старик вновь попытался улыбнуться ему, потом посмотрел на Алену. Они молча поняли друг друга. Это был диалог без слов, потому что Ваньке такого слышать не надо было.

— Спасибо, дитя. Мне помогут другие. Я жду друзей, они вот-вот подойдут.

Алена сглотнула комок, неожиданно появившийся в горле.

— Нам надо идти, — внезапно охрипшим голосом сказала Алена. Ванька озабоченно посмотрел на старика.

— Вам точно помогут?

— Не сомневайся, юный герой! Все будет хорошо.

Они поднялись на ноги. В паре десятков шагов от них еще один стервятник взгромоздился на дверь машины, скрипнув загнутыми когтями по ржавчине. Остальные птицы медленно кружили в воздухе. Рука старика схватила ногу Алены, и он зашептал, срываясь на хрип.

— Грядёт великая тьма! Береги мальца!

Алена рефлекторно отдернула ногу.

— Пойдем, — она взяла Ваньку за руку. Тот неотрывно смотрел на старика.

Старик с тихим стоном откинулся на дверь ленд крузера и закрыл глаза.

— Не оборачивайся, — шепнула Алена Ваньке, когда они отошли несколько шагов.

— Почему? — Тот чуть шею не свернул, крутя головой.

— Плохая примета.

Они шли вперед, оставляя в песке глубокие следы. Песчинки почти беззвучно пересыпались под их ботинками, неумолимо отмеряя мгновения жизни. Стервятники сделали еще один круг над их головами, прежде чем всей стаей опуститься к ржавому ленд крузеру.

***

Ленинский проспект казался бесконечным. Алена подумала, что без жителей город становится однотипным. Одинаково серые дома, нескончаемый желтый песок, покосившиеся фонарные столбы. Из песка торчали скрученные стволы деревьев, полностью высохшие. Такое ощущение что там, под слоем песка, были похоронены огромные существа, в отчаянном порыве высунувшие из могил обожженные солнцем руки, моля небо о дожде.

— Иван, ты никогда не должен делать того, что сделал.

— Что сделал? — непонимающе переспросил Ванька. Солнце припекало. Позади остался еще один километр песка, ржавых машин и мертвых подъездов.

— Ты не должен никому отдавать нашу воду!

— Но он же хотел пить! — В голосе Ваньке слышалось удивление, почти возмущение.

— Все хотят пить, что теперь — всех поить будем?

— Все и не просят… — тихо сказал Ванька.

— Вот и здорово! А то ты все отдашь. Самому что останется?

Ванька не ответил. Алена знала, что он так бы и сделал. Отдал бы все.

— Ален?

— Что?

— Тот дедушка… про какую тьму он говорил?

— Не слушай байки выжившего из ума старика.

— Почему ты так говоришь про него?

— Потому что так и есть.

— Он не выжил из ума, ему просто было очень плохо!

Еще бы ему было хорошо, подумала Алена. Под палящим солнцем, без воды, когда тебя выгнали из дома, и ты знаешь, что жить тебе осталось не больше пары часов.

— Мы должны были оставить ему воды!

— На весь путь на одного человека уходит литр воды. У меня два литра, литр тебе и литр мне. А теперь еще меньше, по твоей милости. Чью воду я должна была ему отдать?

— Мою…

— А ты бы что пил? — Алена пытливо посмотрела на Ваньку, но тот лишь потупил глаза. — Эх ты, добрая душа!

Какое-то время шли молча. Ванька достал из кармана коробку со скарабеем, открыл ее и изучал жука.

— Почему мир такой? — внезапно спросил Ваня.

— Какой такой?

— Ну такой… злой.

— Не знаю, Вань. Просто так все устроено. Хищник ест травоядного. Сильный слабого, — Алена пожала плечами. — Такова жизнь.

Ванька нахмурился.

— Я так не хочу.

— А тебя никто не спрашивает. Жизнь — это не то же самое, что посылку отнести. Здесь ты можешь выбирать пойти тебе направо или налево. В жизни такого нет. Ты просто идешь туда, куда получается и стараешься выжить.

— Почему так? Ведь раньше было по-другому!

— Да всегда так было. Просто теперь все стало контрастнее, понимаешь? — Ванька помотал головой в ответ. — Раньше можно было ошибаться, сворачивать не туда. А теперь нельзя. Иначе закончишь как тот старик. И никто о тебе не вспомнит.

— Я о нем вспомню… — тихо сказал Ваня, остановился и посмотрел в глаза Алене. — Он ведь будет жить?

Алена с трудом выдержала взгляд. Очень хотелось его отвести и промолчать.

— Да. Конечно выживет.

— И мы выживем?

— Да, Вань. Обязательно выживем.

— И ты отвезешь меня на Ковчеге к морю?

— Конечно. Я же обещала.

— Скажи еще раз — какое оно?

— Бескрайнее. Как песок, только мокрое. Синее, как небо, но не обжигает, наоборот — дарит прохладу.

— А его можно пить?

— Нет, глупыш, оно соленое! Но, говорят, люди приспособились делать фильтры. Представляешь, бесконечный запас воды!

Ванька мечтательно закатил глаза и заулыбался. Алена тоже не смогла сдержать улыбку, глядя на него. Когда Ванька радовался — ей тоже становилось хорошо.

На песке что-то блеснуло. Ванька нагнулся, смахнул ладонью верхний слой, извлек оттуда погнутую табличку и сдул с нее песчинки.

— Улица Ва… вилова, — прочитал он вслух. — Кто такой этот Вавилов?

— Ученый. Много ездил по экспедициям, в том числе по пустыням. Я читала что он мог неделю в пустыне питаться одной саранчой.

— Какая гадость! — фыркнул Ванька. — Я бы не смог съесть даже одну саранчу!

Алена промолчала. Она понимала, что не так много осталось человечеству, чтобы перейти и на такой корм. Это если ничего не изменится, а судя по событиям последних лет, измениться все может только в худшую сторону.

— Съешь, если жизнь заставит.

— Ни за что, Алена!

Краем глаза она заметила мелькнувший блик у соседней пятиэтажки. Еще не успев повернуть голову, она поняла — это к беде. Это могло бы быть отражение солнца в окне дома или зеркале заднего вида машины, но это что-то явно двигалось, а все что двигается, представляет опасность. Все это Алена поняла еще до того, как раздался негромкий свист.

Шагах в ста от них на солнце блеснул ствол автомата. Из пыли и жара бесшумно возникла небольшая группа людей в разношерстном песчаном камуфляже. Они явно заметили ребят, наставили оружие и

молча приближались, понимая, что те никуда не денутся. Алена быстро метнула взгляд по сторонам. Справа — сталинская пятиэтажка, слева широкая улица с несколькими куцыми полу высохшими деревьями. Прятаться негде, разве только в темный подъезд, но это в самом крайнем случае — уж лучше отдать посылку и еду, чем быть заживо съеденными. Вот дура, подумала она про себя, дура, дура! Отвлеклась на Ваньку и забыла про безопасность. Казалось бы, расслабилась всего на секунду, но в суровом мире секунды могли решить твою судьбу. Или миллиметры…

— Алена, кто это? — испуганно проговорил Ванька. Табличка с названием улицы выпала у него из рук.

— Не дергайся, — негромко проговорила Алена. — Курьеров обычно не трогают.

— А я тоже курьер? — с надеждой в голосе произнес Ваня.

— Да.

— Кто эти люди? — повторил Ваня.

— Пока не знаю. Главное не дергайся, там разберемся.

Группа с оружием на изготовке быстро приближалась, беря их в полукольцо и контролируя все направления. Лиц не видно, затянуты платками — чтобы песок в дыхательные пути не попадал, ну или чтобы не узнали. По слаженности и движениям видно: это сработанные профессионалы, и Алена слегка успокоилась. По крайней мере не дикие мародеры, от которых можно ждать что угодно. Эти, судя по оружию и камуфляжу, более серьезные ребята, возможно охрана или охотники, привязанные к одной или нескольким общинам, тогда они в курсе кто такая Алена и проблем быть не должно. Хотя полностью гарантировать это невозможно — на пустынных улицах мертвого города закон уже не властвовал.

— Вы че тут шаритесь? — грубо выкрикнул шедший впереди. — В районе Октябрьской Светляк час назад охотника сцапал.

— Мы курьеры! — Алена на всякий случай медленно повернулась полубоком, чтобы отряд увидел желтую сумку за ее спиной.

— Курьеры, говоришь? А мы вас чуть не пристрелили, думали мародеры! — группа подошла ближе, и говоривший снял маску. Алена сразу узнала — это был Хобот, один из дневных охотников. Его близко посаженные глаза, быстро рыщущие по окрестности в поисках

наживы, говорили о хозяине больше слов: все, что интересовало Хобота, это нажива.

Мужчины неспешно приблизились и обступили Алену и Ваню. Они стянули маски и Алена узнала еще нескольких. Самый молодой из них был Кирилл, едва ли не ровесник Алены. Обычный добродушный парень из глубинки, каких полно было в вузах столицы, когда они еще функционировали. По мнению Алены, Кириллу больше бы подошла жизнь в деревне, нежели в мегаполисе, в который он как-то не вписывался. И уж точно он был лишним среди бывалых охотников.

Егор — здоровяк под два метра ростом, с глуповатой ухмылкой на лице. Бывший сиделец с погонялом Сиплый, вечно говорящий с хрипотцой – то ли от непомерного количества выкраиваемых сигарет, то ли ещё от чего. Угрюмый узкоглазый старик-тувинец по кличке Шаман, и вожак группы — Волк, от одного взгляда на которого почему-то в жилах стыла кровь, несмотря на жару. Рядом с ним, словно в его тени, держался Лаки — мерзкий тип. Он, ухмыляясь подошел к Алене поближе. Блик солнца блеснул на автомат Лаки, который он держал наготове, но хоть на ребят не направлял.

— Куда идешь, курьер? — грубо спросил Лаки.

— В сорок второй бункер. Посылка у меня для них.

— Что несешь? — поинтересовался Хобот.

Алена напряглась еще больше. Она и сама не знала, что лежит в ее рюкзаке. Но то, что это что-то ценное, что не против прикарманить Хобот, она не сомневалась.

— А ты что, таможенником раньше работал?

— А она ничего, с чувством юмора, — усмехнулся Лаки. — Мне такие по душе!

— Никак на билеты на Ковчег зарабатываешь? — хохотнул Хобот. — А знаешь, есть более быстрый способ!

— Значит вечером встретимся! Мы сегодня в сорок втором обход завершаем! — мерзко хихикнул Лаки. — Ты вечером свободна?

— Я всегда занята, — хмуро ответила Алена.

— Это чем же? А то не хочешь в рестик сходить? — нагло ухмылялся сталкер. — Эх, раньше такая хинкальная рядом была!

— Лаки, отстань от нее, — вмешался Кирилл.

— Ой, а что такое? Тебе баба приглянулась?

— Она курьер, а не просто баба. Прояви уважение.

— А я с полным уважением! Но от природы-то зачем отказываться?

Алена понимала двоякость ситуации. С одной стороны, она этих ребят знала, а они знали ее. К тому же она курьер, т. е. не просто шатается словно рейдер в целях легкой наживы по улицам мертвого города, а делом занимается. К тому же Алена как-то доставляла груз и для их компании. А с другой — она одинокая девушка (Ванька не в счет) посреди пустого города, где нет ни правил, ни законов. А они — голодные до женщин мужики, вооруженные до зубов и уверенные в своей силе и правоте. И в этой ситуации нужно быть очень осторожной, тщательно следить за словами и жестами. С ними как со стаей диких матерых псов: лишние движения руками лучше не делать, но и слабину давать нельзя. Чуть что не так — порвут горло и разорвут на куски, моргнуть не успеешь. Возможно, потом будут сожалеть, но в моменте если дикие инстинкты захватят — мозг отключится.

Лаки она не боялась. Он был мерзкий, с самодовольной ухмылочкой, тощий мужик лет сорока. Абсолютный ноль в прежней жизни, почуявший власть — самый опасный тип людей. Говорят, раньше он занимался ловлей и отстрелом бродячих животных. Несмотря на возраст, в этой стае он скорее напоминал шакала, который прибился к более сильным псам, и всячески подлизывался к вожаку, пищя при случае «Акела промахнулся!».

Гораздо большие опасения у Алены вызывал их мрачный молчаливый главарь по кличке Волк. Ему, как никому другому, это прозвище подходило идеально. Сама собой напрашивалась ассоциация с одиноким серым хищником, молча, но неумолимо преследующим жертву в ночном лесу. И хотя кличка его появилась самым нетривиальным образом — фамилия главаря была Волков — она подходила ему в самый раз. Никто не знал кто он и откуда. Просто однажды израненный Волк приполз на порог бункера сорок два. Его выходили, а когда он отлежался, так никому ничего и не рассказав, организовал группу охотников из сомнительных, но опытных типов. Теперь уже никого не интересовало откуда он появился — настолько органично вписывался Волк в роль лидера дневных охотников, ежедневно рискующих своими жизнями ради относительного порядка и пропитания выживших, что никто и не задавался вопросом — а

какое у него на самом деле имя? Единственное, что о нем знали – вожак группы головорезов люто ненавидел Зверей.

— Спиногрыза на хрена тащишь? — хмуро спросил Волк.

— Оставить не с кем.

Алена смотрела в сторону. Она не могла заставить себя поднять глаза на Волка — от него исходил какой-то животный ужас. Она практически чувствовала запах звериной шерсти, ночной погони и свежей крови из разорванной аорты жертвы. Ей казалось — подними взгляд и загляни в его глаза — сразу превратишься в эту жертву. Сердце начнет биться чаще, кровь застучит в висках, дыхание с хрипом будет вырываться из груди, как будто стая волков несется за тобой по пятам по темным подвалам, ещё миг — и вцепится в горло. И было очень легко представить, что он и есть один из этих хищников. Огромный, с узлами-мышцами под почерневшей от солнца и пыли кожей, казалось, ему тесно в человечьем обличье. Словно несовершенный скафандр человеческого тела не способен сдержать мощь его звериной натуры, и ему нужно вырваться из него. Но что больше всего пугало Алену — что-то в Волке ее притягивало.

Алена мотнула головой, сбрасывая наваждение. Волк был одним из лучших охотников и постоянно имел дело со смертью. Это не могло не наложить свой отпечаток.

— Сдохнет он. Хилый слишком, — равнодушно произнес Волк и сплюнул под ноги. Сделал шаг к Ваньке (Алена напряглась, на всякий случай приготовившись к атаке — против Волка она, конечно, ничего бы не смогла сделать, но инстинкты сработали), пальцем приподнял его подбородок, и прищурившись посмотрел в глаза. Лоб Ваньки обрамляли светлые волосы, из-под них выглядывали чистые наивные глаза, словно распахнутое небо.

— Сдохнет, — повторил он. — Слишком… — Волк поморщился, подбирая слова: — слишком добрый для этого мира. Такие долго не живут.

— Да-да, не живут, — поддакнул Лаки. — Таких только и ждут в темных подвалах Звери, чтобы вцепиться в эти щечки!

— Смотри чтобы Звери в тебя не вцепились, — мрачно сказала Алена.

— Ты договоришься, девчонка! — оскалился Лаки, — Когда-нибудь мы с тобой останемся вдвоем, и тогда посмотрим, как ты

запоешь!

Лаки сделал шаг к Алене, но споткнулся о брошенную Ванькой табличку, да так, что чуть не растянулся на песке. Охотники захохотали.

— Нашему удачливому опять не везет? — послышался голос Сиплого. Лаки метнул на него злобный взгляд.

— Остынь, Лаки, — Волк остановил своего бойца, но Алена не была уверена, что это сделано из-за заботы о ней. Возможно, просто им надо было идти.

— Ладно, пошли, туареги. — окликнул вожак своих, и не глядя на Алену, словно она перестала существовать, пошел вперед. Алена вдруг осознала, что действительно перестала существовать в этот момент для Волка, как не существовала и пять минут назад. Просто появилась в поле его зрения, дальше несколько мгновений на классификацию: враг-добыча-посторонний предмет. В том что Волк решил, что она безопасна еще до того, как она их заметила, Алена не сомневалась. Потому что, если бы он расценил что она представляет опасность или может являться добычей — она бы ничего не заметила. Просто не успела бы. Мимо, позвякивая плохо закрепленной на спине флягой, прошел Кирилл и дружески подмигнул. Хороший парень, сейчас такие редкость. Алена смотрела как фляга на его спине подпрыгивает и бьется о поясной ремень — видно, что вояка молодой, странно что Волк еще на дал по голове за то, что вот так снаряжение болтается и лишние звуки издает. Впрочем, сама хороша, подумала Алена, вспомнив про лямку рюкзака. Надо бы не забыть пришить.

— Так что насчет вечера? — мимо проходящий Лаки на секунду задержался около нее. — Может, отметим нашу встречу?

— Лучше уж со Светляком, чем с тобой, — презрительно бросила Алена. С Лаки тоже шутить не стоило, конечно, но уж слишком ее бесили его слюнявые намеки.

— Ух, строптивая, сучка! Люблю таких! Ну ничего, еще увидимся! — он мерзко хохотнул и растворился в колышущимся от жары мареве.

Алена взяла Ваньку за руку и быстро затерялась в переулках. Не хватало ждать чтобы кто-то из них передумал быть добреньким и вернулся за легкой наживой — ребенком и молодой девчонкой. Словно призраки, они растворились в безмолвных переулках мертвого города.

***

— Алена, а кто такие туареги?

— Воины пустыни, — не отрывая взгляда от дороги бросила девушка.

— А почему у них повязки на лицах?

— От песка защищаются. Или чтобы не узнали. А вообще туареги таким образом защищались от злых духов.

— От Светляков? — округлив глаза спросил Ванька.

— Да-да, от Светляков, — отмахнулась Алена. Ванька тут же натянул арафатку по самые глаза.

Когда Алена посчитала, что опасность миновала, они сели в тень. Девушка достала карту и машинально отстегнула с пояса флягу, и уже по весу поняла, что воды почти не осталось. Она выругалась еще раз.

— Иван, я хочу поговорить с тобой.

Ванька внимательно посмотрел на Алену. Ясные глаза, чистый взор. Господи, как он выживет в этом мире с такими чистыми глазами?

— Мы никому не должны давать нашу воду. Ты понял?

— Даже если человек просит?

— Да! Даже если очень просит!

— А если бы мы ему не дали воды, и он бы умер?

— Да он умрет в любом случае, если вообще еще жив! — сорвалось у Алены.

Ванька замер. Бездонные голубые глаза наполнились ужасом.

— Значит надо было оставить ему больше воды!

— Эта наша вода! Наша! — Алена схватила Ваньку за рукав и притянула к себе. — От нее зависит твоя жизнь, понимаешь?

— Ну и пусть! — Ванька рванулся назад, вырвав рубаху из пальцев Алены. Ее переполняла злость на Ваньку, на старика, а главное на себя, за то, что позволила этому произойти. Если бы было можно вернуться в прошлое, она бы вытрясла эту воду из старика.

— Никогда так не делай, понял меня? Слышишь?

— Что будет с тем дедушкой?

— Да он умрёт! Ты понял? И ты умрёшь, и я. Все умрут! Другого исхода нет.

Ванька смотрел на нее безумными глазами.

— Это тебе не детский сад! Здесь, наверху, жестокий, очень жестокий мир! Да и там внизу не лучше! Этого старика выкинули как

ненужную вещь! Так что хватит витать в облаках! И не хлюпай носом, размазня!

Ванька утер одинокую слезу обиду, скатившуюся по щеке.

— Ты злая! — крикнул он и закрыл лицо руками.

— А ты типа добренький? Знаешь где сейчас все добрые? Здесь, под песком! Ты жить хочешь или добреньким быть?

Ванька молча всхлипывал. Повисла тишина, в которой зной висел в воздухе, а капли пота, срываясь с разгоряченных лиц, падали на песок, и казалось могли вызвать эхо, отражаясь от стен покинутых домов. Высотки обступили ребят и смотрели на них пустыми глазницами, то ли сочувствуя Ваньке, то всем своим видом показывая, что им безразлично все происходящее здесь.

— Мама была доброй…

— Мамы больше нет, а я тебе не мама, — жестко сказала она. Наверное, даже слишком жестко, но Ванька растет слишком мечтательным и добрым — нельзя таким быть в этом мире. Потом сам ныть будет что пить хочет. Правильно сказал Волк — не протянет. И пусть лучше Ванька будет считать ее злой, пусть будет меньше любить. Пусть. Главное — чтобы жил.

— Пошли, солнце скоро сядет, — не глядя на Ивана сказала Алена. Она не хотела смотреть в его глаза, полные слез. — И хватит реветь.

***

Во дворах теней от зданий было гораздо больше, горячий воздух висел плотной пеленой. Тени удлинялись, принося с собой тревогу и ощущение, что время песком утекает сквозь пальцы. Алена всегда планировала запасные маршруты, но сейчас это оказалось достаточно неожиданно. С Ванькой не получалось двигаться так быстро, как одной, да и встреча с группой Волка отняла время. Все это в совокупности заставляло Алену нервничать. Она ощущала время словно жгут, который натягивался каждую минуту. Казалось, еще немного — и он завибрирует от легкого прикосновения ветра, издавая низкий, тревожный звук. Алена и раньше не любила опаздывать — на работе за это штрафовали. Сейчас же штрафом была смерть. Не хотелось думать, что будет если они до темноты не доберутся до убежища.

Как на зло, из Ваньки словно ушла энергия — он плелся еще медленнее, чем раньше. Алена пару раз рыкнула на него, он спохватывался, но заряда хватало ненадолго. Алена ругнулась про себя и свернула к засохшему дереву на пересечении улиц, которое давало небольшую тень.

— Привал 5 минут, — бросила она Ваньке. — Потом надо будет ускориться. Слышишь?

Ванька обреченно добрел до дерева, молча кивнул, не глядя на Алену, и бухнулся в тень. Он по-прежнему не разговаривал с ней. Ну ничего, переживет. До места доберемся, там поспит, а к утру, глядишь, забудет обиду. А когда-нибудь он поймет, почему Алена иногда жестка с ним. Не может не понять.

Алена развернула бумажную карту. Казалось бы, не так много лет прошло с тех пор, как они вышли из обихода и человечество почти полностью перешло на смартфоны и навигаторы, самих себя сделав рабами этих девайсов. Теперь же, без электричества, все эти телефоны и ноутбуки оказались ненужным хламом, и приходилось перемещаться по памяти, да по бумажным картам. Благо, Алена хорошо знала центр, но лишний раз визуально оценить маршрут да пометить, где возникла Черная Дыра лишним не будет.

Девушка планировала переулками добраться до Серпуховской, но так как из-за задержек они свернул с Ленинского слишком поздно, пришлось очередной раз корректировать маршрут, а это Алена не любила. Солнце скатилось слишком низко к западу, и высотки отбрасывали на широкую улицу длинные черные тени, погружая улицу во мрак. Алена понимала, что опасности пока нет, но еще одно правило звучало так: между быстрым и безопасным маршрутом выбирай второе. Уж тем более с Ванькой! Алена закрыла глаза, прислушиваясь к внутреннему чувству — какой маршрут выбрать? Зачастую нечто, скрытое где-то глубоко внутри, подсказывало верное решение, а точнее четко говорило, как делать не надо. Это был язык чувств и эмоций, язык мурашек по спине или спокойствия в животе. Этот иррациональный диалог с чем-то внутри себя Алена считала звериным чутьем, доставшимся ей от далеких предков, живших в пещерах и выходивших на охоту за мамонтом. Как выследить добычу в густых лесах или каменистой местности, где не остается следов? Как самому не стать добычей? Алена доверяла своему внутреннему зверю

и верила: он спасет ее и подскажет правильный путь. Вот и сейчас она внимательно слушала — что там, внутри?

Внутри продолжал медленно и неотвратимо натягиваться тугой жгут тревоги. Алена постаралась отогнать все мысли и почувствовать, что конкретно не так, но вокруг жгута был вакуум — полная тишина и пустота. Скорее всего это из-за изменений в маршруте и медленной скорости, решила Алена. Впрочем, это ее нисколько не успокоило. Она очень не любила это чувство липкой тревоги, медленно поднимающееся из глубин подсознания, налипающее на все, к чему прикасалась, притупляя звериное чутье.

Мир быстро научил Алену — страх смертельно опасен. Точнее, вот такой страх, который обволакивает разум, притупляет чувства. Есть еще другой, страх в моменте, который выбрасывает в кровь адреналин, и на определенный промежуток времени делает тебя сильнее и быстрее — это полезный страх, страх дикого зверя, он помогает выжить. Но этот был другой — не звериный, а человеческий, липкий страх. Он опасен — затуманивает разум, сковывает мышцы, увлекает в бездну отчаяния. Поддашься ему — считай пропал.

Алена стряхнула наваждение. Посмотрела на солнце, медленно, но неотвратимо падающее за город, оценила удлиняющиеся тени.

— По Садовому пойдем, — сказала она сама себе, но голос прозвучал неуверенно.

***

Когда они добрались до пересохшего канала, все еще было светло. С западного берега Москвы-реки солнечным лучам ничто не создавало препятствие, и они нещадно поливали набережную. Еще пару лет назад здесь катались на велосипедах, звучал смех детей, а вечерами гуляли влюбленные парочки. Сейчас же здесь гулял только ветер, гоняющий песок по выщербленным беговым дорожкам, да забредали такие, как Алена.

Дно реки было сплошь засыпано песком, тут и там виднелись барханы — от воды здесь остались одни воспоминания. Ржавый остов теплохода с облупившейся надписью «Москва» завалился набок, полузанесенный песком. Словно мертвый кит, выброшенный на берег, он являл собой призрак былой роскоши цивилизации. В какой-то момент Алене показалось что порыв ветра принес запах реки, а с теплохода заиграла знакомая популярная мелодия, но она уже знала —

это обман. Каждый раз, когда девушка бывала здесь, память оживляла картины прошлого. Никакой реки давно нет, все водоемы в городе пересохли. В памяти вспыхнула яркая картинка теплого летнего вечера: разноцветные огни фонарей, плывущий по реке пароход, запах молотого кофе из соседней кофейни и свежеиспеченных круассанов с миндалем… За то, чтобы вновь вдохнуть этот божественный аромат, Алена многое бы отдала. Чтобы вновь ощутить, как его поджаренная корочка нежно хрустит на зубах, за тот взрыв вкуса, когда на рецепторы языка попадает начинка — нежный крем. И после этого сделать глоток бодрящего капучино…

Алена сглотнула слюну и отогнала прочь видение. Да уж, подумала она, так и до беды недолго — настолько погрузиться в воспоминания! Определенно, вредная привычка.

Перед мостом Алена объявила привал и устало опустилась в тень рекламного транспаранта. Не бог весть что, конечно, но куда безопаснее чем искать прохладу в одном из многочисленных зданий. Ванька отошел чуть в сторону, найдя другую тень, и бухнулся на песок.

До цели осталось совсем чуть-чуть — нужно было пересечь канал и пройти дворами с километр, и там можно будет скинуть натерший спину рюкзак. Там приют, там люди, там отдых, сон и вода. Алена поглядела на Ваньку — он снял бейсболку и обмахивался ей как веером. Ветер, дующий вдоль канала, мгновенно растрепал его белокурые волосы, вырвал бейсболку из рук и отбросил в сторону. Ванька подхватился, побежал за ней, но ее сдуло еще на пару метров. Наконец, он догнал ее и победно водрузил на голову, погрозив верту кулаком. С волос посыпались белые песчинки.

Предстояло оценить ситуацию чтобы решить, как лучше перебираться на тот берег. Алена не любила мосты — слишком открытое пространство у всех на виду, путей отхода считай нет. Вот и топай по нему, словно по шведскому столу… Нет, так Алене было не по душе. С другой стороны, песок с моста почти полностью сдувал ветер, и идти там было проще. По дну бывшей реки пересекать канал было крайне неудобно — наносы песка скрывают многолетний ил, и мало того, что идти очень сложно, при каждом шаге вытаскивая ногу из песка, так еще можно и в зыбучие пески попасть ненароком. Скоро

вся Москва покроется песком, но пока есть возможность — Алена предпочитала асфальт.

Краем глаза Алена заметила упавшую рядом длинную тень и мгновенно вскочила. Рядом никого не было. И Ваньки тоже.

— Алена, смотри, где я! — послышалось сверху.

Алена в ужасе подняла глаза и увидела Ваньку на краю моста. Какого черта он туда залез!

— А ну слезай быстро! — рассвирепела она. Но Ванька как будто не слышал.

— Я король горы! — раскинув руки он подставил лицо ветру.

Порыв растрепал полы его одежды. В голове Алены пронеслась мысль что сейчас она поднимется на мост и задаст такую трепку брату, чтобы он навсегда уяснил что от нее нельзя отходить ни на шаг! Но она не успела сдвинуться с места.

Внезапно солнце стало настолько яркое, что начало слепить. Ваньку прямо-таки заливал свет, и вместе с этим светом в голове раздался оглушительный высокочастотный писк, такой, что заложило уши. Внезапно накатила такая тоска, что захотелось выть волком. Время как будто замедлилось, и Алена ясно видела, как медленно развиваются на ветру волосы брата, залитые слепящим золотым светом.

Неужели слепота? Холодный пот прошиб Алену. Она как-то слышала историю про курьера, много дней проведшего в пустыне, и в итоге подхватившим что-то типа снежной слепоты — от постоянного созерцания отражающего яркий свет песка он ослеп. Правда, говорят, что зрение возвращается после нескольких дней отдыха, но только не в этом случае. Потеряв зрение, курьер пытался ползти на ощупь, но с наступлением темноты из нор-подвалов повылезали Звери и устроили кровавый пир. Потерять зрение, вывихнуть ногу или просто упасть в обморок от жары в этом мире означало смерть.

Но уже в следующий момент Алена поняла, что все гораздо, гораздо хуже.

Над Ванькой сформировалось яркое световое пятно. Оно было ослепительно белым, и в нем можно было угадать размытый человеческий контур. Жгут тревоги внутри натянулся до предела и лопнул со звуком выстрела. «Светляк!» — пронеслось в мозгу Алены. Она осознала эту мысль уже в движении — ноги сделали мощный

толчок, взрывая песок под подошвами ботинок, направляя тело в сторону лестницы. Скорее на мост, защитить Ваньку! Чертов песок, не дающий развить максимальную скорость, чертово время, которое внезапно превратилось в кисель и ни в какую не желающее идти с нормальной скоростью! Алена видела, как Ванька медленно, словно в кошмарном сне, обернулся. Она видела, как яркое пятно двинулось к брату.

Яркая вспышка на мгновение ослепила мир. Давление в ушах достигло предела. Алена стремительно неслась к пешеходной лестнице на мост. Ваньку она больше видеть не могла, его скрыла арка моста.

Внезапно все кончилось. Время вернулось к своему нормальному течению, писк в ушах исчез. В считанные секунды Алена взлетела на мост, но он был абсолютно пуст. Ни Ваньки, ни Светляка. Алена нагнулась вниз, заметив на песке небольшой предмет. Спичечный коробок. Она приоткрыла его, и на ладонь девушки безвольно выпал жук.

— Ваня! — истошно закричала Алена.

Порыв ветра бросил к ее ногам бейсболку брата, а эхо унесло крик вглубь мертвого города.

Глава 2 Город сорок два

«…И когда настал час шестой, тьма наступила по всей земле до часа девятого, так как не стало солнца. И в девятом часу возопил Иисус громким голосом: Элои, Элои! Лама савахфани? Что в переводе значит: Боже Мой, Боже Мой! Зачем оставил Ты Меня?»Евангелие от Марка, 15, 33—34.

В убежище царил мрак. Серые холодные стены тускло освещались редкими лампами. Здесь, под землей, было существенно прохладнее, чем наверху. Попадая сюда, Алена каждый раз вспоминала, как в детстве в деревне бабушка экономила электричество, чтобы лишний раз не платить по счетчикам, поэтому выходя из комнаты свет нужно было гасить, да и вообще лишний раз не зажигать.

Электростанции давно не работали, электричество добывали с помощью огромных солнечных батарей на поверхности. Но их все равно с трудом хватало на поддержание жизнеобеспечения огромного подземного города. Основные мощности уходили на насосы, качающие воду из недр земли. Вода уходила все глубже, и люди, словно черви, все дальше и дальше зарывались в землю. Сверху убежище постепенно засыпал песок. Через сколько лет человеческий вид забудет о том, что когда-то он жил на поверхности и считал себя королем этого мира? Впрочем, чтобы что-то забыть через несколько лет, до этого момента надо бы дожить, а вот с этим была проблема.

Алена лежала на жестких нарах в полутемной комнате и бездумно смотрела в потолок с облупившейся краской. Пространство было заполнено безмолвным ничем. Пустота снаружи отражала пустоту внутри Алены, в совокупности порождая вакуум. Почему-то вспомнилась идиотская детская считалочка про то, как А и Б сидели на трубе, и кто-то там упал. В конце был вопрос — что осталось на трубе? Ничего не осталось. Пустота.

С потолка еле светила тусклая лампа, с трудом разгоняя мрак. Почему мир так устроен, что маленькая лампочка вечно борется

против такого огромного пространства тьмы? И хочешь не хочешь — когда-нибудь она перегорит, и никогда не знаешь, когда это случится.

В дверь постучали. Алена не ответила. Скрипнув ржавыми петлями, дверь немного приоткрылась.

— Я думал, ты спишь, — услышала она знакомый голос.

— Тогда зачем пришел? — не глядя на вошедшего ответила Алена.

— Хотел поговорить с тобой. Узнать, как дела.

— А то не знаешь как мои дела?

В ответ послышался тяжелый вздох. Алену хорошо знали во всех ближайших убежищах. Люди редко выходили на поверхность, ничего нового внизу обычно не происходило, поэтому курьеры были основными источниками информации, особенно когда ломался радиопередатчик. Новости внутри разносились мгновенно, поэтому, как только Алена переступила порог бункера, весть о ее пропавшем брате моментально облетела весь подземный город.

Город сорок два образовался стихийно. Когда песок стал засыпать улицы Москвы, а люди превращаться в кровожадных зверей, остатки выживших покинули свои дома. Теперь элитные высотки, древние хрущевки и старинные усадьбы были заселены другими жителями, жадными до плоти соседей. Люди баррикадировались, создавали завалы, укрепляли стены и двери - но Зверей это не останавливало. С приходом ночи они выбирались из своих берлог, и начинался хоровод смерти, наполнявший город предсмертными криками. Но и день не приносил облегчений — Звери передвигались по подвалам, веткам метро, канализациям, прогрызая ходы в жилые пространства в поисках пищи. И люди переселились в подземные бомбоубежища. За их толстыми бронированными дверьми на глубине десятков метров выжившие могли чувствовать себя в относительной безопасности. Ночью отсиживались, днем выходили на поиски еды и воды, но вскоре искать стало негде. Те дома, что не были заняты Зверьми, были обысканы и выгреблены подчистую, но в большинстве зданий кишмя кишели Звери, словно паразиты, занявшие тело города.

Только отряды охотников могли позволить себе зайти в небольшое темное пространство, в котором могла быть пара особей, и то по острой необходимости — никто не хотел стать жертвой острых зубов и когтей.

А потом появились Светляки, и постепенно люди практически перестали выходить на поверхность. Замерли, словно испуганные мыши в норах, безропотно ждущие, когда пробьет час их смерти.

В подземных городах начали появляться лидеры. Они сплотили людей, наладили производство еды, сформировали бригады рабочих по добыче воды, организовали порядок и торговлю между убежищами. Вновь появилась работа, какие-никакие развлечения, и даже церковь.

Алена не первый раз была в убежище сорок два, и по голосу поняла, что к ней в гости пожаловал святой отец Игорь. Впрочем, внешне сложно было догадаться о его святости, и вполне можно было спутать с любителем тяжелого металла. Игорь был одет в косуху, под которой носил внушительного размера крест. На ногах его были кожаные штаны, украшенные цепью. Говорят, в прошлом он был заядлым рокером, пел в какой-то известной группе, но потом подсел на наркоту и долгое время реабилитировался. Потерял все — славу, деньги, здоровье и молодость, но, по его словам, нашел нечто большее - правда Алена никак не могла понять что. Несколько лет бывший рок-идол прожил в монастыре, и вот теперь внезапно возглавил местную подземную церковь. Здоровый, под два метра ростом, с печальными глазами, Игорь напоминал ей сам город — некогда величественный и могучий, а ныне сломленный и осунувшийся.

Игорь присел на металлический табурет рядом с кроватью.

— Что ты чувствуешь? — спросил Игорь

— Пустоту. Боль. Ненависть.

— Ты должна принять это, Алена. Я знаю, это тяжело, но рано или поздно тебе придется пойти внутрь себя и принять.

— Что принять? – хмуро спросила девушка.

— То, от чего ты бежишь.

— Откуда тебе знать, от чего я бегу?

— А я и не знаю. У каждого свой путь, у каждого свой бег. Я не могу проникнуть внутрь тебя и познать твою боль. Но у меня есть своя.

— Так от чего бежишь ты?

— От зла. Я не умею принимать его. Я боюсь зла. Боюсь, что не справлюсь, что оно поглотит меня. И тогда — какой я священник?

— Мне не от чего бежать, - отстраненно ответила Алена. - Чтобы от чего-то бежать, нужно чего-то бояться, чего-то хотеть, на что-то

надеяться. А на что надеяться мне? В мире для меня больше нет ни света, ни надежды. Осталась только тьма.

— Если есть тьма, должен быть и свет. Если есть ненависть — есть и любовь.

— Ванька был моим светом…

— Свет внутри тебя, Алена. Сейчас он глубоко внутри, и ты его не видишь. Наберись смелости заглянуть туда! Для этого тебе придется пройти долгий путь, но, если ты будешь верить — ты придешь.

— Да откуда ты знаешь, что там внутри? – не выдержала Алена. - Там тьма, пустота, там пустыня, выжженная огнем. Ничего больше не осталось — ни любви, ни жалости.

— Не заливай это чувство гневом, - смиренно ответил Игорь.

— А чем еще? Чем? У меня больше не осталось желаний кроме одного — отомстить!

— Знаешь, что отличает нас от Зверей? – неожиданно спросил Игорь. И видя, что Алена молча смотрит на него, сам ответил: - Право выбора. Мы можем выбирать.

— Да ничего мы не можем! — сорвалась Алена. — За нас уже все выбрали! Где, где здесь выбор? Я не могу выбрать пойти мне сегодня вечером в кафе или спрятаться в грязном бункере, боясь быть съеденной заживо! Я не могу выбирать отдыхать мне или работать, потому что, если я не буду доставлять посылки мы с братом умрем с голоду! А теперь я не могу даже выбирать заботиться о брате или нет, потому то его больше нет, понимаешь? Его нет!

В комнате повисла тишина.

— Я не могу выбирать между любовью и ненавистью, потому что кроме ненависти этот мир не оставил мне ничего другого.

— Это твоя Темная Ночь Души.

— Что?

— Это время, когда душа человека пребывает на дне. Когда чаша страданий переполнена и утягивает вниз. Это хорошее время.

— Что же в нем хорошего?

— В том, что дальше дна двигаться некуда. И теперь только ты делаешь выбор — остаться на дне или оттолкнуться и всплывать на поверхность.

— А если не видишь смысла всплывать? — спросила Алена. Игорь загадочно улыбнулся.

— Смысл всегда есть. Именно за ним ты и погрузилась на дно.

Здесь, на дне, не было смысла. Здесь не было ничего. Абсолютная пустота, заполненная злостью — на себя, за то, что не уберегла Ваньку. На мир, за то, что стал таким. На Игоря, за то, что все это ей говорит.

— Самый темный час перед рассветом. Поверь мне. Я тоже проходил свою Темную Ночь Души.

Глядя на Игоря в это можно было поверить. Но вот в то, что он выбрался с этого дна Алена не верила.

— Мне от твоей философии не хуже и не лучше. Все это не имеет смысла, — безэмоционально произнесла Алена.

— Не хорони себя, — сказал Игорь и добавил: — ты нужна нам.

— Как кто? — без единой эмоции спросила Алена. Игорь помялся.

— Как человек. Как часть нашего сообщества. Как курьер, в конце концов.

— Сообщество? Это так ты называешь медленно умирающие остатки выживших? — усмехнулась Алена.

— Не юродствуй! Все в руках Божьих! Но и мы должны постараться, чтобы не пропасть.

— Уже постарались.

— Значит, старались без веры. Ты готова попробовать еще раз?

— Что попробовать? — не поняла Алена.

— Нам нужна твоя помощь.

— С этого и надо было начинать, — брезгливо поморщилась Алёна. — А не с бессмысленных разговоров о спасении души. Значит, я вам нужна как человек?

— Не вини меня, — замялся Игорь. — Я должен заботиться о своей пастве. Но я готов позаботиться и о тебе…

— Как кто? — посмотрев в глаза священнику резко сказала Алена.

Игорь опустил глаза, вздохнул и молча встал. У двери он остановился и бросил, не оборачиваясь:

— Как отдохнешь, ждем тебя у Сидоренкова. Дело важное. Приходи. Возможно, ты еще можешь увидеть брата.

***

В подземном городе царила суета. Это было похоже на муравейник, в котором тысячи суетливых муравьев совершали какие-то действия, на взгляд Алены бессмысленные — они лишь оттягивают свою кончину. Бетонные стены отражали топот сапог и эхо голосов. Все явно к чему-то готовились, но Алену это не интересовало.

Происходящее вокруг было для нее лишь фоном, а голоса возникали как помехи.

Алена спустилась на нижний этаж и открыла дверь, ведущую в комнату мэра подземного города.

Помещение красноречиво говорило о характере владельца. Просторный зал освещали яркие лампы — мэр не жалел на себя драгоценной энергии. Алене бросился в глаза советский плакат, висящий на стене, годов восьмидесятых. Яркая надпись гласила: «Остановим опустынивание плодородных земель!» На плакате желтые барханы обступили одинокое засохшее деревце, которое было не в силах противостоять натиску песков. Алена как-то прочитала в книге про пустыни, что деятельность СССР по изменению руслу рек на юго-востоке страны привела к опустыниванию тысяч квадратных километров, в том числе к гибели Аральского моря. Песок захватывал все новые пространства, с ним боролись десятилетия. Борьба была проиграна. Теперь оставшимся выжившим приходилось ютиться в темных бункерах.

Правда, судя по комнате мэра, он не чувствовал себя обделенным. Обстановка была богатой, но ее сложно было назвать уютной - скорее она подчеркивала статус хозяина. Тут и там на полу лежали дорогие ковры, вынесенные из элитных квартир, оставшихся без хозяев. На коврах стояла антикварная мебель, посредине зала, освещенный лампами, стоял резной стол.

За столом сидели двое. Алена хорошо знала их. Крепко сбитый статный мужчина лет пятидесяти с маленькими бегающими глазками, выглядящий немного полнее других, что было довольно необычно среди худых жителей подземной Москвы — мэр Сидоренков. На нем держалось все подземное сообщество. Говорят, раньше он был какой-то мелкой чиновничьей шишкой и отлично умел находить брешь в сложно сплетенных коридорах людских взаимоотношений. Казалось, он знал все и про всех, в том числе и то, что многие хотели бы забыть. А Сидоренков помнил, и при случае использовал эту информацию, как

ни странно — на благо города. Ему верили, люди шли за ним. В тени недалеко от него расположился верный телохранитель мэра — острый взгляд его подозрительных глаз Алена почувствовала кожей.

Напротив владыки подземного города сидел профессор Зиновьев. Он носил очки в толстой оправе и старомодный жилет. Насколько Алена помнила, он был заслуженный профессор физики или что-то типа того. Для убежища была удача получить настолько ценного жителя — именно Зиновьев проектировал насосы для добычи воды, солнечные батареи и все, что могло хоть как-то помочь выжить бывшим москвичам. Ему можно было дать от сорока до шестидесяти в зависимости от его настроения. Когда дела у Зиновьева шли хорошо, он прямо-таки излучал жизненную энергию и способен был работать сутками напролет, словно молодой студент. Если же дела не ладились ли процесс ему наскучивал, он вдруг превращался в старика, недовольно бубнящего себе под нос. Сейчас профессор был явно в приподнятом настроении, но при этом заметно нервничал, словно взбудораженный новым открытием.

Свет потолочной лампы падал на их лица, бросая тень на скулы и пряча глаза, придавая их выражениям таинственный и заговорщический вид.

Чуть в стороне от громоздкого стола стоял Игорь.

— Заходи, Алена, у нас здесь почти что тайная вечеря, — добродушно проговорил Игорь.

— Богохульствуете? — живо среагировал Зиновьев, — Думаете, бог под землей не увидит?

— У меня хорошее освещение, увидит, — подхватил Сидоренков. Они с Зиновьевым заговорщически перемигнулись — видно было, что они не гнушаются лишний раз подколоть священника.

— Неразумно смеяться над верой, — укоризненно ответил Игорь. — Придержали бы коней, хотя бы из уважения к горю Алены.

— Что насчет моего брата? — перебила Алена. — Ты говорил, что ты что-то знаешь?

Алена прошла к столу, глядя в упор на Игоря. Сидоренков откашлялся, словно перед важной речью.

— Мы понимаем горечь твоей утраты и разделяем ее. Каждый из павших на поверхности навеки останется в наших сердцах. Но сейчас

у нас нет времени скорбеть. Сейчас мы должны объединиться перед лицом новой опасности, чтобы спасти тысячи невинных жизней!

— Можно без предвыборных речей? — поморщилась Алена. Она ни на секунду не верила, что судьба двенадцатилетнего мальца, которого мэр ни разу не видел, может его волновать. Это же не относится к власти и его социальному статусу. — Я все равно не собираюсь за вас голосовать.

Мэр обвел взглядом присутствующих, словно ища поддержки. Такой реакции он явно не ожидал.

— А она дерзкая, — с ухмылкой произнес Сидоренков, ни к кому не обращаясь, и в его глазах блеснул недобрый огонек. — Твой статус курьера дает тебе некую неприкосновенность, но не забывай, где ты находишься.

— У Алены траур, ее можно понять, — вступился Игорь. — Алена, мы действительно скорбим о твоей утрате. Но выслушай нашего мэра, мы не просто так тебя позвали. И постарайся не перебивать, пожалуйста.

— Попробую, — бросила Алена.

— Зиновьев, поясни ей, — кивнул мэр профессору. Тот с готовностью придвинулся к Алене и торопливо заговорил.

— Ты знаешь, насколько город зависит от электричества. Сейчас вся наша надежда на солнечные батареи. Они не вырабатывают достаточно энергии чтобы ее можно было запасать в аккумуляторах, хватает только на свет, бытовые нужды и на самое главное — насосы.

— Проблема в том, что вода уходит глубже, ее мало, мы и так ужимаем пайки, — подтвердил мэр, нервно барабаня пальцами по столу. — Запасов нет.

— Если что-то случится с батареями, — продолжал Зиновьев. — Городу конец. Не хотелось бы повторить судьбу тринадцатого бункера.

— Можно было и не вспоминать об этом! — поморщился Сидоренков.

В комнате повисла мрачная тишина. Все знали историю бункера номер тринадцать. Это случилось года два назад, когда вся эта история с песком и Зверями только начиналась и никто не знал, как правильно действовать. Отключились солнечные батареи, на энергии которых работали пневматические двери в убежище, и они не закрылись с закатом. Ночью в бункер ворвалась стая Зверей и устроила кровавый

пир. Несколько сотен мужчин, женщин, стариков и детей — в живых не осталось никого.

Гнетущую тишину нарушил робкий стук в дверь. В комнату вошел приземистый мужичок в строительной робе, на ходу снимаю с головы кепку, словно крепостной крестьянин, собравшийся отвесить поклон барину.

— Потапов! — зычно гаркнул мэр. — Ты проверил насосы?

— Да, все в порядке, — произнес мужичок, не глядя на мэра. — Зинченко и Петракова отправлял только вот вчера.

— Солнечные батареи?

— В полном.

— Проверь еще раз! Впереди выборы, и мне сейчас нельзя терять голоса! — с нажимом сказал мэр. Мужичок мялся. Мэр побагровел. — Что-то не так?

— Так вчера ж только проверяли! Все ж нормально… — Потапов мял в мозолистых руках кепку и смотрел в пол. — Чего людей гонять почем зря? На батареях жара страшная, да и Светляки эти еще…

— А что тебе Светляки?

— Да бояться их все… Непонятные они. Призраки, али кто…

— Бояться надо не призраков, а живых людей, — сказал мэр назидательно. — Если ты понимаешь, о чем я.

Потапов понимал, и поэтому молча кивнул, продолжая смотреть в пол.

— Тогда отправляй людей. Немедленно! — приказал мэр.

— Совсем помешались со своими пророчествами! — пробурчал под нос Потапов, но недостаточно тихо.

— Ты рот-то не разевай! — Сидоренко даже привстал со своего места. — А то быстро из прораба в сантехники слетишь!

Прораб пробурчал под нос что-то типа «слушаюсь».

— А почему что-то должно случиться с батареями? — спросила Алена.

— Да потому что они трусливые мышки, слушающие всякие байки и трясущиеся от страха в своей норке, — послышался грубый голос из темноты.

Все невольно вздрогнули. В комнату неслышной тенью вошел Волк. Он двигался как всегда неспешно, но от его присутствия стало как-то не по себе, оно ощущалось физически, словно вокруг вожака

охотников существовало недоброе поле. Алене даже показалось, будто свет немного померк. Прораб тихонько выскользнул в коридор.

— Я попрошу не забываться в моем кабинете, — мрачно сказал Сидоренков. Глаза мэра бегали, когда он смотрел на вошедшего, и Алене показалось, что владыка подземного города немного побаивается Волка. — Охотников это тоже касается.

— Я за свою жизнь повидал такое, что предпочел бы забыться. Тебе, мэр, не снилось, — мрачно произнес Волк. Он прошел мимо присутствующих и грузно опустился на стул в углу комнаты, лицом к двери. Алена отметила, что он выбрал такую позицию, с которой просматривалось все помещение и вход. Свет ламп осветил его заросшее грубой щетиной лицо, словно высеченное из камня. Худощавое, с острыми пронзительными глазами, оно действительно напоминало морду голодного волка, вышедшего на охоту. Охотник вонзил взгляд острых глаз в Алену, и ей показалось что во мраке его зрачки вспыхнули огнем. — Веришь в пророчества, курьер?

— Что еще за пророчества? — непонимающе ответила Алена. Под взглядом Волка она чувствовала себя неуютно.

— Расскажи ей, — бросил мэру Волк.

— Люди ждут пришествия великой тьмы, — нехотя ответил тот.

— Великой тьмы? — Алена подумала, что ослышалась. Она могла понять если бы это сказал Игорь, но мэр? Это же расчетливый человек, абсолютно рациональный!

Мэр молча кивнул. В глазах его было странное выражение — так бывает, когда привычное восприятие реальности вдруг наталкивается на что-то совершенно непредсказуемое, как пароход на ледник.

— И вы в этом верите? — с недоумением спросила Алена. Зиновьев и Сидоренков неуверенно молчали.

— И заслонит тьма солнце, — послышался голос Игоря, — И опустится мрак на землю. И будет свет биться с тьмой, и тьма отступит. Но она вернется — и во второй раз заслонит солнце. И снова будет битва. И вновь тьма отступит. Но лишь для того, чтобы накопить силы и вернуться в третий раз. И тогда произойдет решающее сражение, которое решит судьбу людей.

В комнате вновь повисла мертвая тишина. Алена не могла поверить своим ушам — взрослые, разумные люди рассказывают ей о пророчестве. Она посмотрела на профессора, словно ища поддержки,

но взгляд того был абсолютно спокоен, и она поняла — он тоже в это верит.

По мнению Алены тьма уже давно наступила.

— Про детские сказки поговорите потом, — произнес Волк. — Зачем звали?

— Есть задача для вас, — ответил мэр.

— Мои ребята только что вернулись с вылазки, — безразлично сказал Волк. — Им надо отдохнуть.

— У нас нет времени отдыхать! Выступать надо рано утром!

— Что за спешка? — Волк подозрительно сузил глаза.

— Близится дата, указанная в пророчестве. Люди нервничают! — сказал мэр.

Волк усмехнулся. Вот уж кто точно не верил ни в какие пророчества, так это он, подумала Алена. Вожак охотников верил в силу и быстроту реакции, но никак не в слухи о какой-то тьме.

— Дата пророчества или дата выборов? — Волк презрительно смотрел на мэра.

— Волков, давай договоримся: ты делаешь свое дело, я свое. И в чужие дела не лезем!

— Допустим, — усмехнулся Волк. — И что вам с этой даты?

— Люди живут в страхе! И так выходить боятся! А теперь еще все талдычат про это пророчество! — мэр гневно сжал кулак. — Что будет, если взбунтуются?

— Крысы и есть крысы, — безразлично произнес Волк.

— Крыса, загнанная в угол, дерется с отчаянием льва! — бросил Сидоренков. — Нельзя допустить паники!

Видно было, что Сидоренков нервничает. Поддержание порядка в подземном городе обреченных людей давалось нелегко, к тому же на теплое место мэра были конкуренты.

— Волков, я предлагаю тебе сделку. Ты поможешь мне, я помогу тебе.

— Я весь внимание, товарищ мэр, — деланно деликатно откликнулся Волк.

Мэр побагровел, но сдержался.

— Зиновьев! — рявкнул он.

Профессор подобрался и поправил очки.

— Итак, нам нужен альтернативный источник энергии. Ситуация такая, что полагаться на солнечные батареи мы уже не можем. Никто не знает, случится что-то с солнцем или нет, но мы должны быть готовыми к автономному существованию. Последние годы показали, что законы этого мира меняются, и теперь сложно что-то предполагать наверняка.

— А с чего вдруг все стали такими нежными? — бросил Волк. — Какой-то дурак пустил слух по убежищам, и все тут же повелись.

— Слухи слухами, а только пророчество сбывается, — мрачно сказал мэр. — Было сказано, что вода уходить начнет. Уходит вода? Уходит. И этих тоже предсказали, Светляков. Как ты их там называешь?

— Фотонные плазмы, — с готовностью откликнулся профессор.

— Что значит фотонные? — переспросила Алена

— Это пока теория. Но есть гипотеза, что это информационно-энергетические субстанции, возможно обладающие разумом, — пояснил Зиновьев. — Это, как если бы шаровая молния была наделена способностью думать и выбирать цель.

— Это все философия, — отрезал Волк. — В чем суть дела?

— Нужно найти и доставить в убежище одну вещь, которая способна аккумулировать в себе мощную энергию.

— У тебя курьер есть, — Волк кивнул на Алену.

— Если бы это было так легко сделать, мы бы к тебе не обращались. Курьера нужно сопроводить и обеспечить полную безопасность.

— Тогда на хрена она нам сдалась? — грубо спросил Волк, не глядя на Алену.

— Она единственная, кто видел фотонную плазму вблизи и остался жив, — ответил профессор. — Ее опыт может очень нам пригодиться.

— Давай так, Волков, — произнес мэр. — Собирай свою группу. Брифинг через час в зале совещаний. Все, расход.

***

Когда Алена вошла в зал для совещаний, здесь уже собралась вся группа Волка, Сидоренков, Зиновьев и Игорь. Охотники вальяжно расположились на жестких стульях, громко переговариваясь. В стороне от них в одиночестве сидел Игорь. Лаки мерзко подмигнул

Алене и похлопал по стулу рядом с собой. Не глядя на него, Алена прошла к стулу рядом с Игорем и села.

Мэр кивнул профессору и тот вышел в центр комнаты. Зиновьев откашлялся и поправил очки, словно приготовился читать лекцию, но в зале продолжался галдеж. Волк поднял руку и наступила тишина. Профессор благодарно кивнул ему.

— Для начала я должен поведать вам свою теорию о природе фотонной плазмы. Их мало кто видел, и уж тем более мало кто выжил после встречи с ними, — профессор указал на Алену, — Алена исключение, весьма ценное для нас. Я предполагаю, что существа, которых вы называете Светляками, имеют волновую структуру. По-сути они и не существа вовсе, а скорее субстанции. Как черная дыра, которая не может существовать в земной атмосфере, но тем не менее существует. Скорее всего они возникли в результате изменения нашего мира, как некие природные явления.

— Ну и что толку от твоих предположений? — выкрикнул Лаки.

— А то, что при поиске средств взаимодействия с волновыми субстанциями необходимо опираться на волновую теорию света. Фотонные плазмы — ходячие источники энергии! Если нам удастся заполучить хотя бы одного из них, мы сможем обеспечить электричеством весь город даже при отсутствии солнца!

Окрыленный своим открытием Зиновьев обвел мрачные лица присутствующих. В глазах людей читалось недоумение.

— Походу, профессор сбрендил, — медленно произнес Егор.

— Поймать Светляка? — воскликнул Лаки. — Да ты что-то попутал, ученый! Это ОНИ нас ловят!

— А как можно использовать свет как энергию? – подал голос Кирилл.

— Слышал про солнечный ветер? При больших масштабах световое давление может заставить даже астероиды вращаться быстрее, действуя на их неправильные формы, как на лопасти ветряной мельницы. До того, как мир рухнул, ученое сообщество всерьез изучало возможность сделать солнечные паруса, которые бы ускорили движение космических кораблей в пространстве.

— Допустим, ты прав. Светляки это аккумуляторы, и, если их поймать, мы можем использовать их как батарейки, — неожиданно сказал Волк. — Как ты себе это представляешь?

— Есть один элемент, способный поглощать и удерживать световую энергию. Он называется «призма». Мы работали над этим проектом вместе с немецкими учеными. Этот уникальный элемент при определенных условиях способен поглощать фотоны света и не выпускать его наружу. Таким образом мы получаем мощнейший аккумулятор с огромным запасом энергии! — восторженно произнес Профессор. И добавил: — В теории.

— А вот здесь поподробнее! — напрягся Лаки. — Ты хочешь сказать, что не знаешь будет ли эта штука работать?

— Гипотетически этот элемент способен удерживать колоссальное количество энергии и, при определенных условиях, дозированно ее выдавать. Это возможно при помощи лазера, который будет мгновенно изменять температуру призмы. У нас есть установку для этого, в общем-то все готово, — Зиновьев неуверенно поправил очки. — Теперь нам нужна призма. Если моя гипотеза верна, и субстанции имеют волновую структуру, то используя призму мы остановим свет.

— И что это нам дает?

— Призма поглотит Светляков, и мы получим неиссякаемый источник энергии.

— И оружие против Светляков, — сказал Волк, и его глаза загорелись недобрым светом.

Алена почувствовала, как ее сердце учащенно забилось. Она посмотрела на Волка и осознала, что они думают об одном и том же. Их обоих не интересовало спасение человечества. О каком спасении может идти речь, когда люди с трудом доживают свои жалкие жизни во тьме подземелий? В мире, где человек с верхушки пищевой цепи сместился на нижнюю строчку? А главное — зачем? Все, что было дорого Алене, все те годы воспоминаний, все остатки любви в одну секунду забрал Светляк. Вместе с Ванькой ушло все, ради чего стоило продолжать бороться. Но теперь снова было ради чего жить. Ради мести.

Алена знала, о чем думает каждый из присутствующих. Мысли Волка она чувствовала, как свои. Он пойдет на это, но не ради людей. Волк пойдет на край света и сразится со всей армией тьмы, если есть шанс качнуть весы на свою сторону, получить оружие, с помощью которого Светляки из непобедимых врагов превратятся в рабов.

Алена оглядела остальных — вряд ли они догадывались об этих его мыслях. Каждый был погружен в свои заботы. Для охотников это была очередная работа, пусть и самая опасная. Они обычные наемники, идут туда, куда говорят.

Игорь всерьез беспокоится о людях. Но он ослеплен верой в нелепое пророчество, и Алена не сомневалась, что через это Сидоренков им манипулирует. Как бы это не сгубило священника.

Зиновьев движим наукой. Он похож на фанатика, посвятившего жизнь исследованиям, и вот сейчас представилась возможность, которую он может быть ждал всю жизнь — открытие нового источника неисчерпаемой энергии! Глаза ученого горели нездоровым блеском.

— Этот элемент важен нам не как оружие, а как хранилище энергии, — заметил Зиновьев. — Оно должно служить в мирных целях!

— Когда за тобой придут Светляки, — вкрадчиво проговорил Лаки, — посмотрим, как ты запоешь про свои мирные цели!

— С призмой нам не нужно будет выходить на поверхность и подвергать людей опасности! Рано или поздно город окончательно занесет песком.

— Значит, предлагаешь нам стать подземными крысами? — негромко сказал Волк.

— Я предлагаю нам всем выжить, — тихо сказал профессор.

В дверь постучали, и сотрудник в белом халате срочно попросил профессора. Зиновьев извинился и быстро вышел.

— Что мы получим за работу? — прищурив глаза спросил Волк. Мэр замялся.

— Благословение Божье, — ответил Игорь

— Это ты сам его получай, — фыркнул Хобот. — В карман твое благословение не положишь!

— Это же для всеобщего блага! — воскликнул Игорь.

— Благо общее, а рисковать своей шкурой должны мы? — насупился Лаки.

— Что вы хотите? — помявшись спросил Игорь. Волк молча смотрел на него, словно что-то прикидывая.

— А что ты можешь мне дать?

— Я не знаю, — развел руками Игорь. — Но кроме вас это некому сделать.

— Это я понял. Но нам это зачем?

— Ты не понимаешь? — воскликнул Игорь. — Люди могут погибнуть! Сотни, тысячи людей! Если мы останемся без электричества и воды, им конец!

— Они умрут в любом случае, — сухо ответил Волк. — Своими стараниями ты только оттягиваешь исход.

— В тебе нет ничего святого! — в ужасе воскликнул Игорь.

— А это поможет мне выжить? — просто спросил Волк.

— А что поможет? Жить в убежище пока все хорошо, а как прижало — сбежать в следующее? — глядя в глаза Волку проговорил Игорь. — Ты ведь так уже делал, верно?

Лицо Волка не выражало эмоций, будто они давно в нем умерли за ненадобностью, но Алена почувствовала, как тело охотника внезапно напряглось, словно приготовилось к прыжку.

— Следи за языком, святоша, — тихо проговорил Волк, и взгляд его стал ледяным. — А то можно его и лишиться.

Игорь отвел глаза — понял, что пересек красную линию. В комнате повисла напряженная тишина, слышно было только гудение ламп. Казалось, пространство чувствует напряжение между людьми.

— Я думаю, нам есть что тебе предложить! — примиряюще поднял руку мэр, до этого молчавший. — Ты получишь один из кристаллов.

Волк молча смотрел на него. Мэр помялся.

— Помимо стандартной платы, конечно.

— Идет, — коротко ответил Волк.

Дверь распахнулась, и Зиновьев вновь вернулся.

— Извиняюсь, решал срочный вопрос с насосами.

— Ученый! — окликнул его Волк. — Как заманить Светляка в ловушку?

— Фотонную плазму должно втянуть внутрь призмы при приближении к ней, — ответил профессор.

— И что, нам рыскать по всему городу в поиске эти твоих плазм? — фыркнул Лаки. — Да я их в глаза не видел, и хотел бы чтобы так все и осталось!

— Курьеры, работающие на северо-востоке города заметили сильное свечение в районе ВДНХ, — сказал профессор. — Мы предполагаем, что там может находиться скопление фотонных плазм.

— Ты предлагаешь нам идти в логово Светляков? — ахнул Лаки. — Легче застрелиться не выходя отсюда, меньше мороки.

— С помощью призмы вы сможете поймать их в ловушку.

— А что они там делают, в районе ВДНХ? — подозрительно спросил Хобот.

— Есть предположение, что фотонные плазмы используют наши тела как батарейки. Скорее всего они не убивают нас, а держат в качестве аккумуляторов, — произнес профессор.

— Или в качестве пищи, — мрачно прохрипел Сиплый.

Игорь взглянул на Алену. Она сидел бледная, словно восковая фигура. Если есть хоть один шанс из тысячи что Ванька жив и его можно спасти, она этот шанс использует.

— Хорошо, ученый, давай координаты, где взять твой камень, — Волк достал карту города, испещренную мелкими пометками, и расстелил на столе. Все столпились вокруг. Профессор молчал. Волк недовольно взглянул на него.

— Призма находится в лаборатории… — нехотя произнес Зиновьев.

— Где именно?

— Башня Федерации, — выдохнул профессор.

В комнате повисла тишина. Сразу стало понятно почему Алена одна не может выполнить этот заказ. В глазах охотников девушка впервые увидела промелькнувший страх.

— В общем понятно, считай у нас нет этой твоей призмы, — кисло проговорил Хобот.

— Где в Федерации? — коротко спросил Волк.

— В лаборатории, на девяносто третьем этаже, — без энтузиазма произнес Зиновьев. Хобот присвистнул.

— Это невозможно! Даже самоубийца не стал бы пытаться проникнуть на девяносто третий этаж башни, да что там — на любой этаж! — прокричал Лаки. — Не успеешь войти в Сити, от тебя одни ботинки останутся!

— Все так плохо? — спросил Игорь

— Плохо? Да нет, все отлично! — нервно воскликнул Лаки. — В подвалах Сити огромное логово зверей. Их там сотни, если не тысячи! Именно оттуда по ночам они выходят на охоту! А этот придурок предлагает устроить им доставку еды на дом!

— Ученый, попытка не засчитана. Есть еще идеи? — спросил Сиплый.

— Новых идей нет, — потупился профессор.

— Тогда забудь про это, — отрезал Хобот.

— Если в пророчестве сказана правда, мы все мертвы, — обреченно произнес Игорь.

— Да мы и так мертвы! — взвизгнул Лаки. — Ты что, не в курсе? Давно не был на поверхности? Забыл, как город выглядит? Но это не повод идти самоубиться!

— В общем, профессор, там несколько сотен этих тварей, они нас в момент порвут на тряпки. Нам никак не пройти через этажи Сити, — подытожил Кирилл.

— Нам не обязательно идти через этажи. Есть другой путь, — впервые подала голос Алена. Все вопросительно уставились на нее, и она на всякий случай повторила: — Я знаю, как попасть в Сити.

***

В комнате повисла мертвая тишина после того, как Алена рассказала свой план.

— Девочка, ты больная? — утрированно-заботливо поинтересовался Лаки.

— В жизни не слышал большего бреда! — зло прохрипел Сиплый. Остальные молчали, но по их лицам было понятно, что они в шоке от услышанного.

— Боитесь? — дерзко спросила Алена.

— Ты что, малолетка, попутала? — Лаки налился кровью и шагнул к Алене, но перед ним мгновенно вырос Кирилл.

— Сядь, — тихо сказал Волк. Его слова, даже произнесенные негромко, обладали магическим эффектом — все моментально замолкали и прислушивались к вожаку. Волк некоторое время что-то обдумывал в тишине. — Какая там высота?

— Метров триста, — ответила Алена.

— Сколько держит веревка? — продолжил Волк.

— Тонн пять — это на разрыв. Со временем, конечно, прочность ухудшается, но вес человека выдержит.

— Волк, ты чего? — Лаки заглянул вожаку в глаза. — Какие веревки, братан? Ты же несерьезно?

— Заткнись, — не глядя на него отрезал Волк. Он продолжал смотреть на Алену. — И что, веревки сохранились?

— А что им будет? — пожала плечами Алена. — Они из нейлона. Альпинисты не снимают их на сезон, чтобы не провешивать каждый раз заново. Все случилось как раз летом, в разгар сезона, так что веревки должны быть там.

— Нейлон имеет свойство терять свою прочность при термических процессах, — вставил Зиновьев.

— В смысле?

— В смысле — веревка теряет прочность на солнце. Сколько они там висят — года два?

— Насколько теряет?

— Процентов на пятьдесят.

— Значит, тонны две точны должны выдержать. Столько даже Егор не весит.

— Надо проверить, — сказал Волк.

— Что? Проверить? Волк, да ты в своем уме? — вскинулся Лаки. — Лезть по веревкам на крышу Сити? Да эта баба отбитая наглухо, она на солнце перегрелась, ты кого слушаешь?

— Перегрелась она или нет, но она — курьер, и выживает одна там, где мы ходим группой. Опыт у тебя есть? — Волк сверлил взглядом Алену, и ей становилось не по себе — ей казалось в его глазах что-то действительно волчье.

— В клубе скалолазном год занималась. С веревками работала, узлы знаю, необходимым железом пользоваться умею. На скалодром ходили, в Крым на скалы как-то ездили.

— В Крым, говоришь? — хрипло спросил Сиплый. — И сколько там высота была у твоих скал?

— Метров двадцать.

— Двадцать? Ну так а здесь триста, ТРИСТА! — заорал Лаки.

— Заглохни, Лаки. Если другого способа нет — полезем, — негромко произнес Волк.

— Почему не разбить стекла и не залить светом лестницу? — спросил Кирилл.

— Самый умный? – парировал Хобот. — Думаешь, раньше тебя никто не догадался?

— Окна Сити из прочных стеклопакетов, — пояснил Зиновьев. — Но даже если их разбить, что в целом реально, то увидишь офисы, а не лестницу. Лестничные пролеты находятся внутри здания, там нет окон.

— Для подъема нужно специальное оборудование, — Волк не отрывал взгляда от Алены. — Где возьмем?

— На беговой раньше магазинчик был… Наверняка там все осталось.

— Точно. Вряд ли кому альпинистское снаряжение понадобилось, — согласился Кирилл.

— Значит, завтра пойдем на шопинг, — подытожил Волк.

— Я никуда не полезу! — отрезал Лаки. — Я останусь внизу!

— А что ты будешь делать внизу с перерезанным горлом? — Волк пустым взглядом посмотрел Лаки в глаза, и было видно, как того передернуло. Волк встал, подхватил рюкзак и автомат, и побрел к двери. На ходу бросил, не глядя: — С рассветом выдвигаемся.

Глава 3. Путь к свету

> «На самом же деле причина вашего страдания — не в самом факте, вызвавшем страдание, а в бегстве от него.»Шри Багаван

Солнце, появившееся из-за кромки домов, окрасило город в кроваво-красный. Преломляясь в пустых глазницах окон, оно постепенно прогоняло тень из подворотен и впадин, давая возможность людям выйти на поверхность и снова хоть на несколько часов почувствовать себя живыми. Правда, очень скоро это же самое солнце, каждое утро прогоняющее зверей по норам, превратит засыпанный песком город в раскаленную сковороду, выжигая остатки жизни и выпаривая скопившуюся за ночь капли влаги. Когда-то один мудрец сказал: то, что нас не убивает, делает нас сильнее. Теперь это звучало бы по-другому: то, что нас не убивает, убьет нас позже.

Еще не прокаленный солнцем песок был мягче, и шагов группы было не слышно. Словно призраки среди мертвой Москвы, они шли в одно из самых опасных мест города.

Центр был абсолютно пуст. О былой красоте цветущего парка Зарядье напоминал лишь парящий мост, висящий не над мутными водами Москвы-реки, а над бесконечно застывшими реками песка.

Почему-то именно набережная навевала наиболее грустные мысли. Наверное, память о пароходах, скользящих по лазурной глади воды и счастливых людях на их палубах, делало эти воспоминания особенно болезненными. Теперь эти люди превратились в призраков, реки испарились под лучами яростного солнца, а теплоходы грудами металлолома покоятся под слоем песка. Их создавали заботливые руки мастеров, чтобы они разрезали водную гладь своими острыми носами. Но все рано или поздно сводится к одному. Все мы окажемся там, под этим песком. Вопрос только когда.

Впереди шел Шаман с видавшим виды охотничьим ружьем на изготовку. Насколько Алена знала, раньше он работал дворником в ЖЭКЕ. Но до переезда в столицу на своей родине Шаман слыл опытным следопытом и охотником, поэтому Волк поставил его в

дозор. На поверхности умение быстро заметить важную мелочь, разглядеть след на песке и вовремя предупредить группу об опасности было на вес золота.

Следом шел Сиплый, потом — сам Волк, рядом с которым ошивался Лаки. На небольшом расстоянии от них брели профессор Зиновьев и Игорь, негромко спорящие о чем-то. Охотники поначалу ворчали, когда Сидоренков сказал, что Зиновьев, Игорь и Алена пойдут с ними. Их можно было понять — в сработанной группе профессионалов неподготовленные люди, не имеющие боевого опыта, в критический момент могли подставить всех. Но не взять их они не могли.

Дальше шли Хобот и Егор. Хобот был завхозом в отряде, поэтому его рюкзак был самым большим — Алена поняла, что там был запас еды и воды. Егор — огромный детина под два метра ростом - тащил за плечами рюкзак с чем-то явно тяжелым.

— Там взрывчатка, — словно подслушав мысли Алены сказал Кирилл. Он был в арьергарде — следил за тылом, и чтобы никто не отстал.

— Взрывчатка? Зачем?

— Волк хочет заминировать Сити уничтожить логово зверей. У меня тоже есть немного, и у Хобота.

— И как же он это сделает с крыши здания? – не поняла Алена.

— Опустит на веревке в шахту лифта, - пояснил Кирилл. - Взрывчатки хватит, чтобы накрыло весь комплекс.

— Все продумал…

— Да, главное уйти вовремя. Фейерверк будет что надо! — усмехнулся Кирилл. Алена посмотрела на него и подумал о том, что он похож на ненаигравшегося мальчишку.

Мимо проплывали старинные здания центра Москвы. Живописные фасады со статуями, которые еще не успело разрушить время.

— Гнесинка. У меня там Анька училась — сестра. Классно пела, только хрень какую-то! — голос Кирилла вырвал Алену из задумчивости. Кирилла шел рядом, все так же негромко позвякивая флягой. Они немного отстали — впереди виднелись спины отряда Волка, Зиновьева и Игоря. Алена проследила взгляд молодого охотника и увидела старинное здание.

— Почему хрень?

— Да непонятное, потому что, незнакомое. Все арии какие-то, да не по-русски. Я-то рок больше люблю, — просто улыбнулся Кирилл. Алена посмотрела в его ясные глаза и внезапно видела перед собой не сурового вояку, а вчерашнего студента.

— Как ты попал к Волку?

— Еды не хватало, — после паузы сказал Кирилл. — Не подумай, мне много не надо, я для Аньки старался. Она же… хрупкая такая, беззащитная… — паузы в словах Кирилла становились все больше, словно ему трудно было набирать воздух в грудь. — Наверх люди бояться ходить, а я не боюсь. Мы же все равно умрем, так ведь?

— Угу, — Алена угрюмо кивнула.

— Волков ноги кормят. Мы же как чистильщики, которые борются со всякой нечистью вроде крыс и тараканов.

— Только крыса или таракан тебя не сожрут.

— Что есть, то есть! — усмехнулся Кирилл. — А я до всего этого в тоннелях метро работал, работа тяжелая, мне не привыкать. Вот и пошел добровольцем. Нам же двойная пайка еды, ну и так если что найдешь сам — то твое. Я для Аньки и работал, весь доппаек ей отдавал… — он запнулся на полуслове. — Только не помогло это. Все одно — не сберег.

Кирилл замолчал, в воздухе повисла тишина, только было слышно, как их ботинки погружаются в песок на каждом шаге.

— Светляк забрал? — осторожно спросила Алена.

— Да нет, просто… ушла. Хилая была, не выдержала, — Кирилл говорил спокойно, но по его взгляду, туманно уставившемуся в горизонт, по едва уловимой интонации было понятно, что эта рана не зажила, и вряд ли когда-то заживет. Он как будто потерял ориентир, которым являлась сестра. Возможно, поэтому Кирилл чем-то напоминал Алене брошенного ребенка, который еще улыбается и приветливо машет окружающим, но одиночество уже положило свою сухую костлявую руку на его плечо, незаметно заставив сгорбиться. И в этой детской улыбке уже можно было разглядеть отчаяние.

— Она на тебя была похожа, — Кирилл посмотрел на Алену и в его взгляде она увидела на миг промелькнувшее отражение вселенской пустоты и печали, и в то же время надежды и попытки найти хоть в ком-то то, что он потерял вместе с сестрой. Вслух он этого, конечно, не

скажет — воину нельзя быть размазней. Статус потеряет, свои же загрызут.

— У тебя фото осталось? — спросила Алена.

— Да. Здесь, — он приложил руку к нагрудному карману, там, где сердце. Алена накрыла его руку своей ладонью.

— Храни. Помни ее. Это все, что у нас осталось. Нельзя терять воспоминания, — Она посмотрела в глаза Кириллу.

— Эй, вы че там плететесь? — резко окрикнул их Лаки. Он завистливо смотрел на них — наверняка представлял себя с Аленой в постели. — Времени в обрез! Нам еще обратно надо вернуться до темна! Пошевеливайтесь, пока я Волку не доложил!

— Пойдем, — шепнул Кирилл.

— Погоди, — Алена подошла к Кириллу сзади и поправила ремень фляги. Подергала — больше не звенит.

— Спасибо, — поблагодарил он и с виноватой улыбкой развел руками. — Вот такой я воин — ремень затянуть нормально не могу!

— Главное, чтобы в критический момент на курок нажал. Черт с ним, с ремнем.

— Не сомневайся, Алена. В критический момент я буду рядом.

Солнце неспешно поднималось выше, но опытный Шаман выбирал маршрут так, чтобы группа держалась в тени. Он шел в сотне метров впереди них, неслышно ступая по песку, словно призрак. Глядя на его удаляющуюся фигуру Алены легко могла представить его в какой-нибудь уссурийской тайге, крадущегося с карабином наперевес в поисках тигра или медведя.

После Поварской улицы пересекли Новинский бульвар. Далеко впереди из-за дома показалась фигура Шамана, он махнул рукой, Волк махнул в ответ.

— Привал, — скомандовал Волк. Сиплый и Лаки разошлись в разные стороны — контролировать периметр. Зиновьев жадно присосался к фляге, большими глотками опустошая ее.

— Куда присосался? Вода не бесконечная! — возмутился Хобот.

— Потеря всего двух процентов жидкости в организме нарушает работу мозга и провоцирует галлюцинации, — парировал профессор. — Твой мозг нам вряд ли пригодится, а вот мой дорог!

Все опустились на не успевший раскалиться песок в тени стендов с фотографиями, оставшихся на бульваре от фотовыставки. Алена с

трудом различала выцветшее на солнце изображение. Серия работ фотографов из серии «Весна в городе». На фотографиях смеющиеся люди, цветущие деревья, фонтаны.

Подошел Шаман. Он о чем-то коротко переговорил с Волком и уселся в тень.

— Теперь бы эта выставка называлась «Москва, которой нет», — хмуро пошутил Зиновьев.

Город застыл словно одна грандиозная неподвижная фотография. Как будто рука умелого, но ужасного мастера превратила столицу в мертвое произведение искусства, а группа медленно продвигающихся по центру выживших была единственными ее посетителями, а может и частью выставки. Времени, чтобы оценить грандиозность работы мастера, у них было предостаточно. Никаких тебе нудных экскурсовод, никто не гнал к выходу за просроченное время. Билеты, которые они приобрели, были с пометкой «в один конец».

— Вот так природа за короткий срок уничтожает все то, что создал человек, — произнес Игорь.

— А может это сделал сам… — Зиновьев картинно возвел глаза к небу.

— Не богохульствуйте! — укоризненно произнес Игорь.

— То, что вы называете богохульством, называется научными изысканиями! — парировал Зиновьев. — Иначе как найти ответы на вопросы, если их не задавать?

— Вместо ответов лучше бы поискали в себе Бога!

— Зачем искать то, чего нет?

— Если вы что-то не видите, это не значит, что этого нет.

— Как Зверь в темноте, — вмешался подошедший Лаки. — Ты его еще не видишь, а он тебя уже почуял. Вот он точно есть, верите ли вы в него или нет. А ваша философия мне ни хрена не понятна.

— Зверь чувствует твой страх, как медведь или тигр, — промолвил Шаман. — Потому что страх есть в запахе твоего пота.

— Вот так всегда, — профессор посмотрел на Игоря. — Можно сколько угодно рассуждать о смысле бытия или его бренности, но это все равно разобьется о суровую реальность.

Алена посмотрела на Зиновьева.

— Профессор, чем вы занимались до… ну вы поняли.

— Я работал в компании, занимающейся созданием новых источников энергии. Так мы и открыли призму, способную удерживать в себе свет — впускать лучи внутрь, но не выпускать наружу. Открытие окрылило, нам пророчили успех, гранты, но, — профессор вздохнул, — внезапно все кончилось. Не стало ни успеха, ни грантов. Лабораторию пришлось покинуть.

В наступившей тишине каждый думал о своем. О том, что потерял, что не успел сделать в том, давно минувшем в лету мире. Вспоминал свою жизнь, такую размеренную и привычную. Такой она была до того, как произошла катастрофа.

— Как вы думаете, почему это вообще случилось? — спросила Алена ученого. Тот задумчиво поправил очки.

— Никто не знает этого. Есть версия, что в результате деятельности человека сместилась земная ось на десятую долю градуса, и это привело к глобальным изменениям вплоть до изменения физических свойств объектов.

— Профессор, вы хотите сказать, причина произошедшего в самом человеке?

— Я ничего не утверждаю, но глупо скидывать с себя ответственность за происходящее вокруг. Человечество веками придумывало все более совершенные методы уничтожения себя и окружающего мира, и вот посмотрите, к чему это привело! — горячо сказал Зиновьев.

— Да ты спятил! — лениво проговорил Лаки. — Хочешь сказать те твари, которыми заполнены подвалы Сити, тоже следствие человеческих ошибок?

— Я не знаю, — после паузы ответил профессор. — Но глупо отрицать что мы к этому причастны.

— Почему они превратились? — спросила Алена.

Зиновьев задумчиво почесал редкую бороду.

— Сложно сказать наверняка. Это определенно не вирус. Похоже на само индуцированный мутагенез, — и видя непонимание в глазах Алены поспешил добавить: — Сейчас поясню. В природе бывает так, когда условия окружающей среды ограничивают рост организма. Например, бактерии, которые попадают в среду с отсутствующими питательными веществами. В условия, в которых невозможно существовать в этом виде, они меняются — мутируют.

— Но мы же не бактерии, — поморщился Лаки.

— Как знать! Все меняется. Люди слишком долго считали себя королями планеты. И теперь, когда по необъяснимым причинам условия жизни изменились, мы тоже стали меняться. Человек ко всему приспосабливается.

— То есть нас тоже ждет… превращение? — с ужасом спросила Алена.

— Бесовщина какая-то… — прошептал Игорь.

— Сложно сказать, — ответил Зиновьев задумчиво. — Мы же о сих пор не превратились в… Пока непонятно, за счет чего происходит трансформация, однозначного ответа нет. Но если ты заметишь изменения в восприятии мира — начнешь чаще жмуриться на солнце или острее улавливать запахи — это повод насторожиться.

— А почему они боятся света? — спросил Кирилл.

— Хороший вопрос! — воскликнул ученый. — Возможно, это связано с мутацией и новой средой их обитания. Там, где они живут, свет не нужен, и он губителен для них.

— Ничего ты, ученый, не понимаешь, — загадочно щуря глаза проговорил Шаман. — Зверь — слуга тьмы. Он пришел в этот мир чтобы погрузить его во мрак. Поэтому свет жжет его тело. Создания мрака не могут выносить солцне.

— Ну да, конечно, такое объяснение гораздо разумнее мутагенеза, — проворчал Зиновьев.

— Живущие во свете видят тьму враждебной, — продолжил Шаман. — Люди боятся тьмы, хотя без неё не было бы света.

— Слушай, можешь заткнуться? — рявкнул Лаки. — У меня от тебя мороз по коже!

Шаман ухмыльнулся и принялся скуривать самокрутку. В горячем воздухе пахнуло табаком.

— А что насчет черных дыр? — спросил Лаки.

— А что с ними? — неожиданно насторожился профессор.

— Ну откуда они взялись?

— Я откуда знаю? — вдруг вспылил Зиновьев, — Я тебе что, библиотека?

Это было так неожиданно, что все замолчали. Никто не ожидал от ученого, любившего поговорить на подобные темы, такого странного поведения.

— Не хочешь — не говори, тоже мне, важность, — пожал плечами Лаки и отвернулся. Профессор с минуту помолчал.

— Наука пока не нашла причины их возникновения, — сухо сказал Зиновьев. — Одно могу сказать точно: близко к ней подходить не стоит.

— А что будет если подойти? — спросил Кирилл.

— Если попадешь за горизонт событий — тебе представится уникальный шанс ощутить то, что до этого не удавалось никому. Но, к сожалению, новообретенными знаниями ты уже не сможешь поделиться. Представь: вся масса материи сжимается в бесконечно маленькую точку — сингулярность. Она имеет настолько большую плотность, что сила его притяжения ломает атомы на ядра и электроны, — негромко сказал профессор, глядя перед собой невидящим взглядом. — А после ломает и их. Притяжение черной дыры настолько велико, что даже свет не может покинуть его, при всей его скорости. Никто не знает, что находится внутри дыры, скорее всего, там нет ни пространства, ни времени. Но это не будет иметь для тебя значения, ведь перед этим твое тело разорвет на тысячи мельчайших частиц, и оно разлетится на мириады атомов и молекул. Это то, из чего зародилась наша Вселенная, только тогда все происходило наоборот.

И добавил после паузы:

— И, возможно, также она и умрет. Черных дыр становится все больше, и, возможно, когда-нибудь они поглотят все, что мы сейчас видим. Мы будем свидетелями этого конца. Последними жителями Земли.

— Профессор, но ведь черные дыры не могут существовать на Земле! — воскликнула Алена.

— Не могут, — кивнул профессор, глядя куда-то вдаль. — Как и фотонные плазмы. Как и Звери, в которых мутировало почти все население Москвы…

Профессор замолчал. Лицо его осунулось, словно конец света уже наступил.

— Думаете, у человечества нет шансов?

— Шредингер бы сказал, что пятьдесят на пятьдесят. Но буду с тобой честен: по теории вероятности наши шансы стремятся к нулю.

***

Алена хорошо помнила, как выглядела Красная Пресня летом. Толпы людей, разговоры, улыбки. Цветы, живые, пахнущие весной. На каждом шагу слышна музыка из открытых кафе. Сейчас же только ветер завывал, метаясь среди барханов и пустых зданий. Скрипнули пустые качели, на которых раньше любили кататься влюбленные парочки. Улица стрелой уходил вдаль, словно указывая им направление.

— И отправились сыны Израилевы из Раамсеса в Сокхоф…

— Что? — Алена вынырнула из своих мыслей. Отряд сгруппировался и неспешно двигался в тени огромного здания, оставляя в песке глубокие следы. Рядом шел Игорь, отвлекшийся от бесконечного спора с Зиновьевым.

— Это из Библии. Исход.

— Какой исход?

— Исход евреев из Египта. Ты не знаешь притчу о том, как Моисей сорок лет вел евреев по пустыне?

— И что в итоге? — спросила Алена. Не то чтобы ей было интересно, но хотелось отвлечься от мыслей о предстоящем деле.

— Они вернулись на родину, но она была захвачена врагами. Евреи стали сомневаться, что смогут вернуть себе землю обетованную, за что Господь разгневался на них, и заставил вернуться в пустыню.

— Мне нравится твой бог, священник, — усмехнулся Волк, шедший неподалеку. — Он жесток и кровожаден. Самое то для этого мира!

— Зачем вообще было куда-то ходить? Чего им не сиделось? — буркнул Лаки.

— От хорошей жизни не уходят, — сказал Хобот, что-то жуя. — Раз пошли — значит прижало.

— Верно, — степенно кивнул Игорь. — Евреи были в рабстве у египтян. Их народ уничтожали. И Моисей пообещал вернуть их на родину.

— Интересно, куда наш Моисей приведет нас, — негромко пробурчал Лаки.

В кармане Алены послышался шорох. Она сунула в него руку и извлекла на свет спичечный коробок. Она совсем забыла про Ванькиного жука и сейчас, приоткрыв коробок, рассматривала его.

— Ночью солнце умирает и уходит в царство теней — мир Анубиса. А утром воскресает вновь. Это к слову о египтянах, — неожиданно сказал Зиновьев, глядя на жука.

— А я думал, ученые считают, что ночью солнце освещает другую сторону планеты, — заметил Игорь.

— А вы учитесь шутить, скоро с вами интересно будет спорить! — довольно отметил профессор.

— В споре с вами нет смысла, вы не признаете истинного бога, зато рассказываете небылицы про какого-то Анубиса!

— А что есть истина? Анубис был одним из богов древнего Египта. Почему ваш бог более истинен, чем их?

— А при чем тут вообще Египет? — спросила Алена.

— У тебя в коробке священный скарабей, — пояснил Зиновьев. — Египтяне считали, что жук повторяет путь солнца по небосклону: подобно светилу, дающему жизнь, жук перекатывает шарик с навозом с востока на запад, пока в нем не созревают зародыши и не появляются на свет. Священный скарабей был символом возрождения в загробной жизни! Символом того, что не все потеряно и все можно вернуть.

— Мертвых не вернешь, — мрачно ответила Алена, но Зиновьев словно не слышал ее.

— Древние египтяне верили, что с помощью скарабея можно воскреснуть. Смотри: жук катит шарик навоза в течение двадцати восьми дней, и за это время в шарике вырастает потомство. Египтяне сравнивали это с путем солнца, дающего жизнь.

— Может раньше оно и давало жизнь, а сейчас забирает, — Алена взглянула на небо. Даже сквозь темные очки солнце грозило выжечь глаза.

— Не было бы солнца — планета бы остыла, — возразил Зиновьев. — Но еще до того, как мы бы все замерзли, нас бы сожрали Звери.

— Замерзнуть сейчас кажется неплохой перспективой! — подхватил истекающий потом Лаки. — В любом случае — меткое сравнение остатков человечества с шариком навоза. Похоже на правду.

— Все зависит от восприятия, — возразил Зиновьев. — Египтяне верили, что сердце — это отдельная сущность, которая управляет человеком. Когда человек умирал, оно уходило вместе с душой в мир мертвых.

— Древние воины съедали сердце убитого врага, чтобы забрать себе его силу, — задумчиво произнес Шаман, неслышно появившийся рядом. Профессор кивнул.

— Когда человек умирал, там, в загробном мире, его сердце клали на одну чашу весов, а на другую — перо богини Маат, — Зиновьев внимательно посмотрел в глаза Алены. — Сердце должно быть легче пера, чтобы оно смогло продолжить путешествие.

— Не слушай его, Алена, — Игорь тяжело вздохнул. — Этот невежда ничего не смыслит в религии и понятии добра и зла. Хотя в одном он прав: сердце должно быть легким.

— Легкое сердце — это не про людей нашего времени, — возразила Алена.

— Однако, к этому нужно стремиться, — мягко сказал Игорь. — Помнишь историю про то, что внутри каждого человека сражаются два волка, как символы зла и добра? И победит тот, которого ты кормишь.

— В этом мире не осталось пищи для белого волка, — хмуро произнесла Алена.

— Все зависит от тебя, — вставил Зиновьев. — Раз ты хранишь жука, значит веришь во что-то светлое?

— При чем тут жук?

— Скарабей олицетворяет все самое светлое, саму жизнь — солнце, которое олицетворяет бессмертие и вечность. С восходом небесного светила жук расправляет крылья и улетает в бесконечную даль.

Алена посмотрела на жука и легонько толкнула его пальцем. Жук не двигался.

— Что-то этот не летит.

— Значит, его солнце еще не взошло.

Отряд двигался дальше по пустым переулкам Москвы, все так же придерживаясь тени. Солнце неотвратимо поднималось к зениту, но пока до него было еще далеко. Не хотелось думать о том, что будет, когда в самый пик жары они будут карабкаться по гладкому фасаду небоскреба.

На горизонте небо как будто посерело. Алена долго всматривалась в эту серость, пытаясь понять, что это. Облаков нет уже давно, так как нет влаги, из которой они формируются, и Алена привыкла, что небо нависало над городом ослепительно-голубым куполом. Но это было не

облако, это было что-то странное. Она заметила, что остальные тоже вглядываются в горизонт.

— Моисей простер руку свою к небу, и была густая тьма по всей земле Египетской три дня; не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня; у всех же сынов Израилевых был свет в жилищах их, — задумчиво произнес Игорь.

— Это тоже из Библии? — спросила Алена. Игорь кивнул, не отрывая взгляд от горизонта.

— Три дня тьмы — одна из десяти казней Египетских. Господь наслал тьму на египтян за их грехи.

— Ну так мы не египтяне, нам чего бояться, верно? — вставил идущий рядом Кирилл.

— Дай Бог, дай Бог, — прошептал Игорь, и, сложив руки в молитвенном жесте, принялся что-то шептать себе под нос.

— Еще ни разу молитва не приносила мне пищу или воду, — недоверчиво бросил Хобот. — Лучше бы по сторонам смотрел.

Мимо прошел Волк, метнув на Игоря не добрый взгляд.

— Не стоило мне этого говорить… — тихо сказал Игорь, когда вожак охотников отошел подальше.

— Про египтян? — не поняла Алена.

— Про то, что Волк может нас покинуть.

— А он может?

— Не думаю. На самом деле он честный человек, — смиренно произнес Игорь.

Алена недоверчиво смотрела на него. Кем-кем, а честным человеком она Волка бы не назвала. И дело не в том, что он кого-то обманывал, скорее наоборот. Просто как будто честность — это понятие совсем из другой категории, не относящееся к Волку. Мораль, социальные нормы. Это какое-то… людское, что ли.

— Он один пытался спасти людей в городе тринадцать, когда там случилась трагедия.

— Волк из тринадцатого убежища? — не поверила Алена.

— Он один выжил. Дополз до нашего убежища весь в крови, — грустно проговорил Игорь. — Месяц лечили. Потом еще месяц он молчал. Никто, кроме него, не знает доподлинно что там произошло. Но только Волк никогда об этом никогда не говорит.

Алена посмотрела в широкую спину вожака охотников. Даже со спины в нем чувствовалась дикая мощь. Пожалуй, такой может что-то противопоставить Зверям. Алена хотела еще спросить Игоря о Волке, но их перебил голос вожака.

— Отряд, стой! Пришли.

***

— Курьер, это то, что нам нужно?

Объемные буквы «Восхождение» изрядно выгорели на солнце и были иссечены песком, к тому же часть букв покосилась. Фасад двухэтажного кирпичного здания выглядел обветшалым, хотя казалось бы — прошло всего два года с тех пор, как ухаживать за ним стало некому и незачем. Краска облупилась, стекла покрылись толстым слоем пыли, сквозь который внутрь не проникали лучи света. Последний раз Алена была здесь года три назад, когда ездила с руководителем клуба закупать снаряжение для выезда на скалы.

— Ну что, архаровцы, готовы потрудиться на благо родины? — хмуро оглядывая охотников произнес Волк.

Лаки осторожно подошел к окну и протер тыльной стороной рукава. Внутри была кромешная тьма.

— Там темно, — озвучил он.

— Боишься? — подтрунил Зиновьев.

— А ты нет? Иди первым, я не против! — вспыхнул Лаки.

— Первым пойдешь ты, — отрезал Волк, цепляя на автомат подствольный фонарь. Батарейки были на вес золота, и они использовали фонари только в крайних случаях, таких как этот. — Курьер, ты знаешь где там что лежит? Мы должны действовать очень быстро.

Алена молча кивнула. Она заметила, что Волк никогда не обращался к ней по имени. В стае имена не приняты, только клички. Исключения — молодой Кирилл, еще не заслуживший кличку, и простоватый увалень Егор, к которому просто ничто не прилипало.

Хотя, если честно — конечно же она не в стае, это место еще нужно заслужить. Она просто инструмент, с помощью которого Волк решает определенную задачу, не более, а инструменту имя не нужно. А еще именем не называют животное, которое хотят пустить на убой.

В протертые от пыли стекла сочился солнечный свет, освещая переднюю часть небольшого магазина. Из темноты вынырнули

стеллажи, увешанные разноцветным железом — кошки, каски, спусковые устройства, карабины. Дальше пространство терялось во тьме. Рядом с собой краем глаза Алена увидела Лаки. Он напряженно всматривался в темноту, по лицу стекала крупная капля пота.

— Как думаешь, Звери там есть? — тревожно спросил он.

— Наверняка, — послышался голос Волка сзади. — Вопрос в том — сколько. Сейчас утро, скорее всего по подвалам отсыпаются. Нам нужно войти очень тихо, и действовать быстро. Лишняя стрельба ни к чему.

Все кивнули. Это было и так понятно. В отражении стекла внезапно появился Шаман и Алена вздрогнула.

— Зверь запах чует, — сказал Шаман. — Если он там — поймет то мы пришли.

По спине Алены пробежал холодок. Казалось, она сама чувствовала запах своего пота и страха — этот запах был липкий, обволакивающий, словно кисель.

— Что видишь? — коротко спросил Волк. Алена опасливо вглядывалась в темноту, но солнце бликовало на стекле, и она видела только свое отражение. Казалось, она всматривалась сама в себя и видела лишь тьму. Если продолжать вглядываться, проступали едва уловимые очертания предметов внутри магазина, и Алене казалось, что тьма поглощает их вместе с ее отражением.

— Слишком темно.

— Внутри всегда темно, ибо тьма изначальна, — Шаман неподвижными глазами смотрел сквозь стекло. — Вглядись о тьму, и ты увидишь.

Алена напрягла зрение. Действительно, приглядевшись, можно было разобрать на стеллажах очертания упаковок новеньких зажимов для подъема, страховочные устройства, обвязки, стропы. Не было видно веревок — видимо, они были глубже среди стеллажей.

— Здесь есть все кроме веревок.

— Зачем нам веревки? Ты же говорила они там висят? — подозрительно спросил Хобот.

— Лишние никогда не помешают. Всегда надо иметь запас для страховки.

— Берем то, что есть. Не мешкаем, глубже никто не идет. Всем ясно? Особенно это тебя касается, хапуга! — Волк остановил взгляд на

Хоботе.

— А что я, Волк, я что? Как скажешь, только то, что нужно!

— Хобот, ты с девчонкой — она будет отбирать что взять и складывать тебе в мешок. Егор, Шаман и я заходим первыми и берем под контроль помещение. Держим двери. Сиплый — левый фланг, Лаки — правый. Ученый и святоша остаются снаружи и не мешаются, а также не загораживают проход. Молодой, — он кивнул на Кирилла, — прикрываешь тылы. И никому не звука! Всем все понятно? — Волк яростно обвел всех взглядом. Отряд подтянулся. Какими бы раздолбаями они ни были, когда дело доходило до работы, это сброд превращался в слаженный механизм, отточенный долгими вылазками и тренировками. Здесь было не до шуток, каждый четко знал свою роль и что делать в критической ситуации. Волк строго следил за дисциплиной, и это выгодно отличало его группу от банд мародеров. Даже Игорь и Зиновьев подтянулись — было видно, что они принимают авторитет Волка безоговорочно, когда дело касается опасных ситуаций. Люди быстро и молча разошлись по своим позициям, приготовившись ко входу в неизвестность. Когда все были готовы, Волк подал знак и Лаки плавно открыл дверь.

Дверь издала протяжный громкий скрип, словно ее не смазывали со времен октябрьской революции. Волк поморщился. Этот скрип ржавым лезвиям прошелся по нервам, и внутри у Алены все похолодело. Что там Шаман говорил про слух Зверей? Услышали ли они? Девушка бросила быстрый взгляд на ученого — он застыл, вглядываясь во тьму, по лицу бежала капелька пота. В любом случае — отступать некуда. Им придется войти внутрь.

В нос ударил запах пыли и еще чего-то, до боли знакомого, но пока Алена не могла понять, чего именно. Запах был слегка сладковатый, на удивление одновременно приятный и тошнотворный. Мозг лихорадочно искал в ответ в закоулках памяти, отчего-то Алене казалось очень важным вспомнить что это за запах, но внутри была некая преграда, блок, который не давал осознать это. Алена заметила, как Волк переглянулся с Шаманом — они явно что-то поняли то ли по запаху, то ли еще по каким-то признакам. Вот только что?

Лучи утреннего солнца пробивались сквозь мутные витрины, пятнами света падая на пол. Лучи фонарей скользили по запыленным полкам стеллажей, высветили прилавок и кассу и провалились в

пустоту тьмы в проходах, уходящих вглубь помещения. Никто не знал, куда ведут эти проходы и что там может таиться. Вполне возможно, что кроме них здесь никого нет. Все замерли, прислушиваясь.

Тишина была абсолютной. Снаружи не доносилось ни звука, казалось — мертвый мир еще не проснулся. В помещение же словно царил вакуум — из темноты не долетало ни единого звука. Было слышно только взволнованное дыхание профессора. Казалось, прислушайся еще сильнее - и услышишь, как капельки пота срываются с разгоряченного лица и падают на песок.

Волк сделал быстрый жест рукой, видимо означающий «заходим». Трое охотников шагнули внутрь магазина, держа тьму на прицеле, и быстро и беззвучно рассредоточились по помещению, проверяю каждый угол. Тихо зашуршали подошвы военных ботинок о плиточный пол. Следом внутрь скользнули Лаки и Сиплый, моментально ушедшие в стороны — они обходили периметр комнаты каждый по своей стороне. Дуло автоматов следовало за лучом фонаря, проверяя каждую тень, готовое исторгнуть из себя смертельный град металла. Каждый четко знал свою задачу. Алена завороженно смотрела на движения этих людей. Это было похоже на танец — быстро, четко, даже грациозно. Только в этой грации был концентрат настороженности и напряженности, потому что это был танец воинов, танец смерти. Он был создан не ради красоты.

Охотники дошли до границы света и тьмы, созданной лучами солнца, и остановились, заняв позиции. Волк присел на одно колено, направив луч света в глубину мрака, конца и края которого по-прежнему не было видно, и замер, прислушиваясь. Алена подумала, что он похож на статую в такие моменты — замирает так, что не отличишь от памятника. Но эта неподвижность обманчива, как неподвижность готовящейся к прыжку ядовитой змеи — по одному ей известному сигналу мышцы моментально сократятся и бросят тело в сторону жертвы, впиваясь в нее зубами и впрыскивая смертельный яд в кровь.

Волк поднял руку, все замерли, глядя на нее. Рука опустилась вниз и вперед, и тут же Алена почувствовала больный толчок в бок — Хобот локтем подпихивал ее вперед, словно приглашая войти в царство тьмы. Алена видела перед собой открытую дверь магазина, словно распахнутую пасть дьявола, ведущую в его чрево. Мир,

залитый светом, сузился до этой дверной коробки, очерчивающей прямоугольник тьмы. Первое правило — не ходить туда, где темно. А внутри темно. Очень темно! Алена почувствовала, что тело одеревенело. Видимо, Хобот это тоже поучаствовал и втолкнул Алену внутрь магазина. Время остановилось.

Каким-то внутренним обостренным чутьем девушка увидела, как нехотя отрывается от земли подошва ее ботинка, как срываются с нее грязные песчинки и падают с громадной высоты на растрескавшийся асфальт, словно отказываясь преодолеть эту границу между улицей и помещением. Внутри раздался нарастающий протяжный гул — это сердце оглушительно стучит в груди. Кровь пульсирует в висках, заставляя потовые железы выделять больше драгоценной влаги. А что, если они учуют? Шаман говорил, что у Зверей отличный нюх. Перед глазами всплыла картина бегущей по обезвоженной саванне антилопы, предсмертный ужас, застывший в ее глазах. А сзади, на расстоянии прыжка, в облаке пыли несется гепард, взрывая когтями сухую землю. И эти когти через секунду вонзятся в загривок антилопы…

Алена усилием воли сбросила наваждение. Сейчас антилопу охраняет стая свирепых волков. И хочешь ты того или нет — внутрь тебе войти придется. Впрочем, благодаря Хоботу она уже была внутри.

От резкого толчка девушка не смогла ступить тихо, и подошва ее ботинка издала глухой звук, подняв в неподвижный воздух облако пыли. Алена снова замерла, краем глаза увидев сбоку Хобота, сделавшего огромные страшные глаза и с вытянутым пальцем около рта — призывом не шуметь. Она молча кивнула, чувствуя, как ее собственные глаза расширяются от страха и малого количества света.

Несмотря на фонари и лучи солнца, в магазине царил сумрак. Глаза Алены, привыкшие к залитым светом пескам, плохо разбирали очертания предметов, и ей потребовалось несколько секунд чтобы сориентироваться. «Давай же, Алена, не тупи!» — произнесла она про себя, сжав зубы. Медлить было нельзя, и это всеми силами показывал ей Хобот — он таращил глаза в ее сторону и делал жесты руками. Алена обвела взглядом стеллажи, стараясь не смотреть в густившуюся тьму задней части магазина, и остановилась на стене, увешанной снаряжением. Мозг, принявшись обрабатывать новую информацию, отвлекся от страхов, и Алена решительно шагнула вперед. Она остановилась перед стеллажами, Хобот раскрыл сумку-баул, дернул за

рукав и вопросительно кивнул — мол, что берем? Алена видела в его глазах тот же страх, что она испытывала внутри, но при этом глаза Хобота жадно блестели при виде чего-то, что можно было стащить.

Так, первым делом нужны страховочные системы. Алену немного сбило разнообразие ассортимента — она привыкла к легким скалолазным обвязкам, состоящим буквально из нескольких строп, выдерживающих каждая несколько тонн веса, здесь же их было великое разнообразие - легкие спортивные обвязки, пояса со страховочной цепью, полноценные системы с встроенной грудной страховкой-бабочкой. Алена выбрала последние, посчитав что они выглядят наиболее надежно. Отсчитала девять штук и передала по очереди Хоботу, который потащил их наружу — одни только обвязки заняли весь баул. Дальше Алена перешла к стенду с жумарами и кролями — зажимами для подъема по веревке. Алена аккуратно, чтобы не звенеть лишний раз железками, сняла со стены снаряжение и передала Хоботу, вернувшемуся с пустым баулом. Следом — страховочные устройства, стропы, петли и карабины. С последними Алена не скупилась и взяла сразу мешок — на высоте они никогда не бывают лишними. Вес получился немалым, хотя она и выбирала дюралевые вместо стальных. Вспомнив, что помимо подъема им предстоит также и спуск, она выбрала надежные спусковые устройства, которые также можно было использовать и на подъеме. Она старалась брать то, с чем приходилось работать раньше — сейчас нет времени изучать новые приспособления, а уж на высоте в триста метров этим точно заниматься не стоит. Так, теперь веревки. Хотя бы метров сто иметь в запасе никогда не помешает — мало ли что нужно будет подвязать, организовать дополнительную точку спуска, что-то поднять или опустить. По опыту и по рассказам бывалых альпинистов Алена знала, что на высоту лучше взять лишнее, чем в процессе обнаружить что не хватает чего-то важного. Но веревок вокруг она не видела — они были дальше, в темноте.

Алена замерла позади Волка, страховавшего темный коридор, неуверенно и опасливо всматриваясь во тьму. Внезапно кто-то тронул ее за рукав, и она чуть не закричала, но обернувшись увидела рядом с собой Кирилла. Он был сосредоточен и решителен, и совершенно не походил на того мальчика, которого она видела снаружи. Парень посмотрел ей в глаза и все понял без слов. Кирилл нежно, но

решительно отодвинул ее в сторону и, протиснувшись мимо стеллажей, шагнул во тьму, освещая путь фонарем. Убедившись, что впереди чисто, обернулся на Алену и призывно кивнул головой. Алена обернулась по сторонам, ища дополнительную поддержку, но увидела расширенные глаза Лаки — продолжая держать темноту на прицеле он смотрел на Алену и отчаянно мотал головой, словно пытаясь отговорить от неразумного поступка. Алена взглянула на Волка. Тот, словно почувствовав, быстро бросил на нее взгляд, показав жестом на часы — мол, поторапливайся, времени мало. Рядом появился Хобот, и, почувствовав дополнительную поддержку, Алена шагнула между стеллажей. В свете фонаря Кирилла она увидела веревки — они были метрах в десяти дальше. Целые лианы свисали с крюков. Алена быстро добралась до них и, стараясь не думать об обступившей ее тьме, принялась отматывать сто метров. Кирилл прошел на пару шагов вперед, следя за продолжением темного помещения, Хобот стоял наготове. Охотники, прикрывавшие сзади, как по команде медленно двинулись вперед, оставляя Алену позади, в безопасной зоне.

Внезапно где-то в глубине здания хлопнула дверь. Это могло быть что угодно — сквозняк, появившийся из-за того, что они открыли дверь в магазин. Но в напряженной тишине этот хлопок прозвучал как выстрел. От неожиданного звука Лаки дернулся и зацепился автоматом за крюки кошек. Он дернул оружие, но кошки крепко сцепились с прикладом, и стеллаж с альпинистским оборудованием обрушился на Лаки. Зазвенели карабины, покатились по полу каски.

Словно ток пронзил тело Алены. Пальцы, перебиравшие веревку, внезапно перестали слушаться.

— Помогите! — прохрипел Лаки из-под придавившего его стеллажа.

— Егор — быстро! — указал рукой Волк на барахтающегося в груде снаряжения Лаки и направил ствол в темноту, в которой теперь появились новые звуки — звуки, которые издают при беге по плиточному полу лапы, поросшие шерстью. Волк повернул лицо с горящими глазами к Алене. — Бросай веревку и к выходу, бегом!

Пальцы Алены заработали с невиданной скоростью. Сама не понимая, что делает, она продолжала отматывать веревку.

— Ты что делаешь? Уходим срочно! — заорал Кирилл.

— Нож! — крикнула Алена. — Дай нож!

Кирилл быстро сообразил, достал нож и с силой ударил им по натянутой веревке, отрезая нужный кусок. Шелест невидимых лап приближался, и внезапно Алена поняла, что за запах смутил ее, когда открылись двери магазина — это был запах дикого зверя, от которого волосы на руках вставали дыбом. Сматывать веревку не было времени. Схватив ее в охапку, Алена бросилась к выходу, когда позади послышались первые выстрелы. Она не видела по кому стреляли, да и не хотела видеть. Все, на что она смотрела — спасительный прямоугольник света в двадцати шагах прямо перед ней. Но внезапно что-то дернуло ее назад, и она упала. В ужасе обернувшись, она словно в замедленной съемке увидела вспышки выстрелов, мечущиеся по помещению фонари. Волк и Кирилл палили в темноту, мимо по направлению выхода промчался Хобот с мешком снаряжения. Левее, припав на одно колено, короткими очередями отстреливался Сиплый. Позади него огромный Егор приподнял стеллаж, из-под которого выползал Лаки. Алена опустила взгляд ниже — ее нога запуталась в веревке, которая свободным концом намоталась на ножки стеллажа. Отчаянно пытаясь высвободить ногу, она увидела, как вдоль соседнего стеллажа в десятке метров от нее промелькнула сгорбленная тень, и ее вновь обдало животным запахом, а внутри всколыхнулась волна паники. Волк, Шаман и Кирилл пятились, отстреливаясь, Егор одной рукой волочил Лаки по полу, другой коротко стрелял из пистолета в сторону коридора. Алена все сильнее дергала ногой, и наконец ей удалось освободиться, когда внезапно среди пальбы она услышала справа странный звук. Это было похоже на скрежет когтей о камень, и когда она поняла, что может вызывать этот звук она содрогнулась. Она все еще лежала на полу, боясь повернуть голову, но чувствовала — отвратительный запах немытого тела приближался. Девушка принялась ползти к выходу, толкаясь ногами, пытаясь встать, но ноги скользили по гладкой плитке. До света оставалось всего пара шагов, когда сзади ее кто-то схватил. Алена закричала, забила ногами, обрушивая стеллажи, царапала руками лапы, держащие ее, но было поздно — ее уже тащили по полу. Через секунду внезапно вспыхнул свет и все прекратилось.

В глаза ударил яркий свет, Алена, задыхаясь, упала лицом в горячий песок, вмиг показавшийся ей таким родным. Рядом на колени опустился запыхавшийся Игорь, только сейчас отпустивший Алену.

Вот тебе и святой отец, мелькнуло в голове у нее. Всегда тихий, можно даже сказать робкий, но не побоялся шагнуть за ней во тьму и вытащить практически из лап Зверей.

Из магазина с проклятиями вывалились охотники. Алена успела заметить, как там, внутри, на границе тьма и света, стремительно промелькнула пара темных силуэтов.

— Грязно сработали, — констатировал Егор, перезаряжая автомат.

— Живы — значит уже нормально сработали! — сплевывая на песок парировал Хобот.

Волк оглядел свой отряд. В его глазах Алена видела постепенно гаснущий пожар. Машина, мгновенно пришедшая в боевую готовность, теперь остывала после горячего сражения.

— Пять минут на сборы и выдвигаемся. Некогда рассиживаться.

***

Снова мимо плыли пустые дома, под ногами бесконечный песок. Лишь иногда в местах, где постоянный сильный ветер надувал барханы, перед ними можно было увидеть растрескавшийся асфальт. Пустыня, словно аккуратный преступник, прятала следы своего преступления, засыпая их слоями песка. Чтобы никто никогда не увидел мир таким, каким он был прежде.

Шаман, идущий первым, внезапно остановился и присел. Группа моментально рассредоточилась. Волк подошел к Шаману.

— Следы, — кивнул тот на песок.

Алена увидел неясные отпечатки ботинок. Утреннее солнце давало длинную тень, и песчаные кромки следа отбрасывали темный контур.

— Свежие? — коротко спросил Волк.

— Вечерние, — Шаман потрогал пальцем край следа и с него обвалились несколько песчинок. — Один человек, пришел с севера, прошел в нашем направлении. Раненый был, или усталый. Ногами загребал.

Алена присмотрелась — действительно, след были размазаны, словно человек волочил ноги по песку. Вечером. Ее передернуло. Она ярко представила себе, как это - без сил брести по мертвому городу, наблюдая, как солнце медленно скрывается за горизонтом.

— Идем дальше, — скомандовал Волк. Было видно, как он подобрался и сосредоточился.

Отряд молча двинулся вперед. Солнце припекало, и хотя они держались в тени, воздух раскалялся. Капли пота срывались с разгоряченных лиц и падали на горячий песок. Мир напоминал раскаленную духовку с выкрученными на максимум ручками температуры.

После магазина рюкзаки потяжелели. К воде, еде, оружию и взрывчатке добавилось нелегкое альпинистское снаряжение. Время от времени Лаки бубнил что-то про непосильную ношу и бессмысленность их похода, но Волку высказывать больше не осмеливался. Стая она и есть стая, подумала Алена — вожаку не перечат.

Небоскребы Сити был видны уже давно, и от взгляда на них внутри что-то обрывалось. Алена не знала, хватит ли у нее сил преодолеть такую высоту по веревке. Более того, она не знала сохранились ли веревки на фасаде.

Шаман вновь поднял руку в условном жесте. Поднимая тучи песка, в воздух грузно поднялся стервятник.

На дороге лежал обглоданный дочиста скелет. Белые кости блестели на солнце, еще не успевшем высушить их. Песок вокруг был изрыт и истоптан, выдавая следы борьбы не на жизнь, а на смерть. Алена почувствовала, как несмотря на жару, внутри все похолодело.

— Ночью съели, — коротко бросил Шаман.

Все понимали, что произошло без слов — путник не успел дойти до убежища. А может успел, но его не пустили, или выгнали, как того старика, которому Алена пожалела воды… Она мотнула головой — не хотелось думать, что сейчас тот старик выглядит так же.

— Что, не нравится такое? — прозвучал над ухом голос Лаки. Он ухмылялся — охотнику видеть такое не впервой.

Вокруг, в мертвой тишине, ветер гонял лоскуты окровавленной одежды. Один из них прибило к ногам Алены.

— Все мы приходим из тьмы, во тьму и уйдем, — произнес Шаман, глядя на кости.

Алена с трудом отвела глаза от этой картины — было в ней что-то пугающе-привлекательное. Она опустила глаза, и с ужасом увидела на песке след огромной лапы и четкие отпечатки когтей. Девушка смотрела на них, не в силах произнести ни слова.

Следы когтей были не то чтобы очень большими, но Алена ясно представила себе, что будет, если эти когти встретятся с нежной плотью. Она вдруг отчетливо услышала, как рвется плоть, лопаются жилы, перерезанные острыми клыками, как красная линия рассекает белую кожу. Идти в логово зверей было безумием. Но не идти она не могла.

— Смерть это признак жизни, — произнес Зиновьев, глядя на скелет. — Человек ест животных, животные едят человека. Круговорот жизни в природе.

— Звери по-твоему животные? — хмуро спросил Лаки. Зиновьев не успел ответить.

— Звери — это те, кто пришел на смену нам, — неожиданно сказал Волк.

— Нам — это кому? — не понял Лаки.

— Человеку.

Эти слова повисли в горячем воздухе как приговор. Все понимали — дни человечества сочтены. Но кто бы мог подумать, что прогресс и эволюция приведут не к процветанию, а к превращению величайшего творения бога на земле в зверя.

— Вот тебе и прогресс, — обреченно проговорил Зиновьев. — Стоило столько лет изучать мир, создавать науку, законы и правила, чтобы в один миг природа перечеркнула это и ввергла человечество в регресс? Все так и кончим.

— Съедают тех, кто отбивается от стаи, — произнес Волк. — Пока вы в стае — у вас есть шанс.

— А мы в стае, Волк? — спросил Зиновьев. Волк молча ухмыльнулся.

— Пошли, туареги. У вас еще сегодня посвящение в альпинисты.

***

У Волка была своя стратегия передвижений, поэтому шли больше дворами, избегая широких проспектов. Небоскребы Сити надолго скрылись из глаз, и предстали перед отрядом неожиданно. Они вынырнули из-за очередной пятиэтажки, когда высотки заслонили собой небо.

Вблизи башни Сити ошеломляли. Группа замерла, закинув головы, ошарашено наблюдая за тем, как вершины небоскребов цепляют небосвод. Не то чтобы раньше никто из отряда их не видел,

просто раньше никто даже не думал о том, чтобы залезть на них по веревкам.

— Да ты, мать твою, шутишь… — промолвил Лаки.

Все, не отрываясь смотрели на вершину небоскреба. Огромное здание, казалось, было наполнено живой тьмой, это ощущалось кожей, как будто массовое скопление Зверей оставило неизгладимый и при этом невидимый след в окружающем пространстве. Где-то там, наверху, находилось нечто, по словам Зиновьева способное дать надежду на выживание остаткам людей. Словно чаша Грааля, неведомый артефакт таился на вершине башни злого волшебника.

— До скончания Тьмы хорониться ему во тьме глубин. И забудут люди о нём, и не будет пути к нему до скончания Тьмы, — донесся тихий голос Шамана.

Остальные молчали. Сложно было даже представить, чтобы рискнуть покорить такую махину снаружи гладкого остекления. Даже во взгляде Волка Алены впервые заметила сомнения.

— Мы никогда туда не залезем. Это невозможно! — обреченно промолвил Лаки. Вожак хмуро посмотрел на него. — Волк, ты нас всех погубишь!

— Знаешь, что сказал Тамерлан во время своего великого завоевательного похода в Индию? Ошибки, преступления и прегрешения — это безжалостные и необходимые сестры моих побед, — этой фразой Волк отрезал дальнейшие обсуждения и повернулся к Алене. — Какая из них Федерация?

— Следующая.

— Волк, ты что, серьезно? — отчаянно спросил Лаки.

— Нет, мы просто так сюда шли. Сейчас только посмотрим и обратно пойдем, — бросил Волк. — Пошли, проверим на месте ли веревки.

— Он ведь пошутил, да? Он пошутил? — спрашивал Лаки у окружающих, но все мрачно отмалчивались — не до шуток сейчас.

Башня Федерации стрелой взмывала ввысь, и в ее запыленных стеклопакетах отражалось ослепительно бездонное небо. Многие окна были выбиты и зияли черными пробоинами на блестящем остеклении фасада. Небоскреб бесчисленным количеством глаз наблюдал за жалкой горсткой людей, дерзнувших бросить ему вызов. И за каждым этим глазом могла притаиться смертельная опасность.

С невообразимо далекой вершины стеклянного гиганта вниз спускались несколько веревок, легкий ветерок слегка надувал их дугой.

— Они здесь! — удивленно воскликнул Зиновьев. — Это же они?

— Чего ты радуешься, дебил? Это значит, что теперь нам придется лезть на этот чертов Эверест! — прошипел Лаки.

— Курьер, проверь на прочность, — бросил Волк.

Алене и не надо было это говорить — она уже осматривала веревки. Качественные альпинистские канаты — множество переплетенных полиамидных жил в прочной обмотке. Изрядно задубевшие на солнце, наверняка потерявшие часть свойств со временем, но — выдержать должны. Егор, как самый тяжелый, недоверчиво подошел к веревке, подергал, потом нагрузил силой рук, потом повис и покачался туда-сюда. Посмотрел на Алену.

— Меня выдержат?

— Ну если ты весишь меньше пяти тонн — можешь не беспокоиться.

— А то я уж думал внизу остаться, — осклабился Егор.

— Внизу останутся молодой, ученый и святоша. Остальные идут наверх.

— Почему не я внизу? — нервно прокричал Лаки.

— Потому что я так сказал. Не обсуждается. Все снаряжение оставить здесь, кроме оружия и воды. Егор, взрывчатка на тебе.

— Я тоже должен идти! — неожиданно сказал Зиновьев. Все с удивлением смотрели на него. — Без меня вы не найдете призму. Поверьте, я бы лучше остался внизу, но так надо.

— Хорошо, — кивнул Волк, смерив его взглядом.

— А зачем они снизу привязаны? — поинтересовался профессор, ощупывая веревку. И действительно, каждый трос был подвязан к металлическому ограждению.

— Чтобы небоскреб не украли, — хохотнул Егор.

— Чего ты ржешь, дебил? — вспыхнул Лаки.

— Может ты к мамочке хочешь? — обнажил зубы Егор.

— Ага, к твоей!

— Воины, тихо, — негромко сказал Волк. — Курьер, что там?

Алена всматривалась наверх.

— Метрах в тридцати пояс балконов, можно там передохнуть.

— Хорошо, готовимся.

— Когда будете лезть — аккуратнее с острыми предметами, — сказала Алена. — Веревка на разрыв держат большой вес, но под нагрузкой ее легко перерезать.

— Все поняли? — оглядел отряд Волк. Все молча кивнули. — Ладно, курьер, показывай, как твоими железками пользоваться.

Глава 4. В недра мрака

«Свет считает, что он быстрее всех, но он ошибается: неважно, как быстро летит свет — темнота уже на месте и дожидается его.»Терри Пратчетт.

Солнце заливало огнем комплекс высоток. Волк хмуро поглядывал на небо.

— Как ты это назвала? Жумар? — раздался голос Лаки.

— Я знаю только жульен, — вертя железку в руках проговорил Хобот.

— Не забивайте голову. Главное запомните — это подъемное устройство. Берете за ручку и ставите на веревку, — Алена показательно закрепила устройство на веревке. — Отводите защелку, зубья впиваются в волокна каната — видите, вниз уйти не дают, а вверх свободно? Главное из веревки не выщелкивайте, просто передвигайте вверх. К нижнему уху петля для ноги приделана, ногу туда ставите и передвигаете другое устройство — кроль. Вес на кроль перенесли, жумар освободили, передвинули выше. Все.

— Все? — прищурил глаза Лаки. — Как-то все просто на словах у тебя! А что надо делать чтобы оттуда не свалиться к чертям?

— Меня слушать и делать только то, что я говорю, — Алена посмотрела в глаза Лаки.

— Я что, под командованием девчонки должен ходить? — сузил глаза Лаки.

— Хочешь жить — делай что я говорю, — отрезала Алена.

— Волк, что за беспредел? — вспыхнул Лаки.

— Рот закрой. Слушай девчонку.

— Ладно, а это что за штука? — Хобот вертел в руках приспособление с рычагом.

— Это для спуска, здесь все просто. Аккуратно нажимаешь этот рычаг, второй рукой контролируешь снизу натяжение веревки. Отпустишь нижнюю руку — улетишь вниз. Сильно надавишь на рычаг — улетишь вниз. Нужно поймать баланс.

— Охренеть как просто! Проще некуда! — со злостью ответил Лаки.

— Через сколько мы будем готовы? — спросил Волк.

— Надо подождать пока солнце уйдет за башню. Иначе оно нас всех там сожжет, мы в отражении окон будем как под лупой.

— Времени в обрез… Сколько ждать?

— Час, не больше.

— Всем за этот час потренироваться в подъеме-спуске!

Егор тупо смотрел на железки, казавшиеся в его руках миниатюрными.

— Меня жизнь к такому не готовила. Одно дело — заходить в дома со Зверьми, там все понятно. Вот ты, вот он, вот темнота. Понятно, что делать можно, что нельзя, есть план действий, план отступления. А здесь что делать, если все пойдет через жопу?

Вопрос Егора повис в тугом воздухе. Алена не знала, что ему ответить. Никаких запасных планов у них не было. А мир научил ее что, если возможен худший вариант — он случится.

Она проверила, надежно ли затянуты у всех обвязки и помогла закрепить подъемные устройства на веревках. Подъем предстоял нешуточный, и она подозревала что долгий — ни у кого, кроме нее, не было необходимого опыта, к тому же они несли с собой тяжелое оружие и взрывчатку. Только после этого она подошла к своим веревкам.

— А кто веревки обрезал? — послышался голос Лаки. Действительно, концы всех веревок были обрезаны. Все повернулись к Хоботу, который как раз убирал нож в ножны, держа в другой руке срезанные концы.

— Ты что, идиот? — тихо сказал Егор.

— А что такого? Нафига они привязаны снизу-то? Это ж хабар! А эта, — Хобот кивнул на Алену, — говорила, что нам могут пригодиться.

— И что ты будешь делать с этими кусками, осел?

— Сгодиться, уж ты за меня не переживай, — буркнул Хобот и отвернулся.

— Я не знаю, зачем были привязаны веревки, но лучше не трогать то, чего не понимаешь, — назидательно сказал Зиновьев. Он смотрелся в обвязке нелепо, гораздо больше ему подошло бы кресло в

лаборатории. Но то, что он сам вызвался лезть наверх, внушало уважение к тщедушному ученому.

— Ладно, приготовились, — отдал команду Волк. — А ты, Хобот, еще что-нибудь такое выкинешь, я тебе уши отрежу.

Хобот пробурчал что-то про себя. Алена большим пальцем с натугой отвела пружину жумара в сторону и, закрепив его на веревке на уровне глаз, отпустила палец. Пружина щелкнула, мелкие зубцы подъемного устройства бульдожьей хваткой впились в веревку. Алена передвинула жумар выше, вдела правую ногу в петлю и подтянула второе устройство. Левая нога оторвалась от земли, и Алена зависла в воздухе. Только сейчас он поняла, что все смотрят на нее. Она неуверенно обвела всех взглядом.

— Всем удачи! — и передвинула жумар выше.

Как давно она не делала этого! Первые метры с непривычки дались тяжело. Тело болталось из стороны в сторону, пытаясь поймать баланс. Основная нагрузка приходилась на правую ногу — приходилось постоянно задирать ее вместе с петлей вслед за подъемным устройством, и потом с силой выпрямляться, продвигаясь таким образом за одно движение на полметра вверх. Быстро прикинув в уме, сколько таких движений придется сделать, чтобы преодолеть 300 метров, Алена погрустнела. Но в таких ситуациях лучше не думать, а просто делать, и она постаралась прогнать мысли из головы. Беда в том, что кроме них там были и другие. Хватит ли сил у профессора? Успеют ли они до темноты? Не хотелось бы остаться в логове Зверей ночью… Слишком много «но» было в этом ее плане, но ничего другого на ум не пришло, а передумывать было поздно. Это как прыжок с парашютом — считай, уже сделал шаг из самолета, теперь главное вовремя за кольцо дернуть.

Алена посмотрела вниз и удрученно покачала головой. Она прошла всего метров десять, а сил потратила немало. Солнце пекло, несмотря на тень от здания, по лицу струился пот, рукоятка жумара скользила в ладони. Еще хуже обстояли дела у остальных — они все были на несколько метров ниже, особенно Зиновьев.

— А я говорил, что это хреновая идея! — процедил сквозь зубы Лаки.

— Заткнись и ползи! — прорычал в ответ Егор. Ему было тяжелее всех — мало того, что весил больше, так еще помимо оружия тащил

несколько килограммов взрывчатки. Правда, судя по всему, сил Егору не занимать — он не отставал от других по набору высоты.

— Это самое мое худшее решение за всю жизнь, видит бог! — негромко пробурчал Хобот.

— Да уж, говорила мне мама — учись! — прохрипел Сиплый.

— И что? Вон тот учился, тоже с нами лезет!

— И то верно…

Зеркальные панорамные окна медленно скользили вниз по мере продвижения группы по фасаду. Алена пыталась упираться в них ногами, но ботинки скользили. С непривычки было не по себе от отсутствия земли под ногами, хотелось найти опору хоть в чем-то. В отражении стеклопакетов она видела бездонное небо и на фоне него барахтающуюся на веревке девчонку, что не внушало уверенности. Что там, с другой стороны окон? Возможно, сейчас Звери с интересом изучают отчаянную горстку самоубийц и радостно предвкушают ужин, так усердно стремящийся им в лапы.

До пояса балконов добрались относительно быстро. Алена с облегчением ступила на твердую поверхность, не забывая поглядывать в сторону темных окон, за которыми скрывалась неизвестность.

Следующим до балкона добрался Волк. Глядя на уверенные движения вожака, Алена очередной раз поразилась способности его тела моментально подстраиваться под новую ситуацию. На первых метрах он, также, как и остальные, неуверенно передвигал устройство, путался в петлях, но этих тридцати метров хватило, чтобы Волк освоился. Он молча вылез на балкон и моментально обвел взглядом окна и балконные двери, держа автомат наготове. Видимо, убедившись, что все в норме, слегка расслабился — телу нужно дать отдых — но взгляда от дверей не отрывал.

Когда до балкона добрались остальные, Алена и Волк успели отдохнуть.

— Пошевеливайтесь, солнце ждать не будет, — хмуро сказал Волк, принимая снаряжение у Егора и помогая ему вылезти на балкон.

— Нас в скалолазы не готовили, — прохрипел Сиплый.

— Ну так самое время подготовиться. Судя по всему, мы прошли метров тридцать.

— Мне и на тридцати не по себе, что же будет на трехстах? — ужаснулся Лаки. Он смотрел то вниз, то вверх, опасливо

придерживаясь за веревку.

— Воин не должен бояться, потому что страх убивает, — прокряхтел Шаман, вылезая на балкон.

Волк неспешно приблизился к Лаки и заглянул ему прямо в глаза. Тот выглядел как побитая собака.

— Ты должен быть сильным, иначе подведешь весь отряд. Ты же нас не подведешь, верно?

Лаки сглотнул. За словами Волка чувствовалась угроза. Для него отряд был единым организмом, заботливо взращиваемым вожаком с одной целью — для выполнения сложных и опасных задач. И если какая-то часть этого организма мешала, ее стоило немедленно устранить для безопасности функционирования всей системы.

— Да, конечно, Волк, я не подведу! Можешь на меня рассчитывать! — Лаки вытянулся в струнку, но видно было, что он слегка побледнел, что, конечно, не укрылось от Волка. Лидер группы еще какое-то время молча смотрел в глаза бойца, словно пытаясь понять стоит ли ему доверять, потом неожиданно отвернулся и пошел к своим веревкам. — Пять минут отдыхаем и выдвигаемся.

Лаки пробежал взглядом загнанного зверя по глазам членов группы, словно ища поддержки, но все отворачивались. Егор откровенно усмехался, а Алена спокойно выдержала его взгляд. Ей было даже жалко незадачливого воителя, но уж если решил быть рядом со свирепым псом — будь готов и сам обнажать клыки.

Пять минуть пролетели незаметно. Тени также незаметно стали длиннее, и так же тихо на пять минут приблизился закат. Волк встал и встегнул подъемное устройство в веревку.

— Полезли, альпинисты!

И снова заскрипели ботинки по стеклам, оставляя чистые полосы в сплошной пыли, покрывшей остекление. Капли пота, скатываясь по лицу, падали на веревку, заставляя жумар проскальзывать в ладони. Жара стояла невыносимая — тепло отражалось от раскаленных стекол, казалось, еще немного и весь стеклянный фасад стечет вниз, словно расплавленная глазурь. Ветер, только недавно обдувавший их разгоряченные тела, полностью стих, и в воздухе повисла духота. И так не особо живой мир вокруг замер, словно готовясь к чему-то.

— Как будто перед грозой… — задумчиво произнес Зиновьев, смахивая пот тыльной стороной ладони.

— Не каркай, умник! — пригрозил Лаки.

Алена слышала тяжелое дыхание снизу, глухие звуки ударов тела о стеклопакеты, когда чья-то нога промахивалась мимо петли жумара, и периодическую тихую ругань на разные голоса. Пожалуй, после этого подъема обычный поход по пустыне уже не покажется тяжелым, подумала она. А ведь они всего прошли метров пятьдесят! Хватит ли сил до конца? А что, если не хватит?

«Вспомни, зачем ты туда лезешь! Вспомни!»

Алена зажмурила глаза и увидела перед собой светлые волосы, которые ласково треплет ветер, и огромные распахнутые голубые глаза с бездонным небом внутри. Ванька… Если она не долезет до верха — никогда больше его не увидит. А если она никогда его не увидит — тогда что у нее вообще останется в этом пустом, мертвом мире, засыпанном песком, наполненным такими как Лаки и Волк? Алена почувствовала где-то внутри мрачный затаенный ужас от осознания бессмысленности существования. Нет, она не позволит ему выйти наружу! Иначе он скует мышцы судорогой, силы покинут тело, как воздух проткнутый иглой воздушный шар. И тогда не останется ничего, кроме как отстегнуть зажимы и отпустить руки — и пусть дикий ветер подхватывает и несет куда угодно. Впрочем, не стоило тешить себя иллюзиями, никуда ветер не понесет. Путь один — вниз с ускорением свободного падения.

Так что выбора нет. А когда его нет — то нечего и сомневаться.

***

Когда прошли две трети пути силы начали иссякать. До крыши оставалось еще не меньше семидесяти метров. Алена подула на разгоряченную ладонь, на которой еще после пояса балконов образовались волдыри мозолей, и огляделась вокруг. Город был как на ладони. Было видно дом правительства, в котором уже давно никто не принимал новых законов, Сталинские высотки, башню ВДНХ, под которой, по словам Зиновьева, находилось логово Светляков. Типовые восемнадцатиэтажки, с земли казавшиеся небоскребами, отсюда походили на детские игрушки, а их плоские крыши казались меньше спичечной коробки. На такой высоте захватывало дух, особенно если посмотреть вниз и увидеть свои ноги, болтающиеся над пропастью. Все-таки непривычно человеку без опоры в пространстве, не птица он. Хотя в другое время Алена наверняка оценила бы и вид, и сам вариант

замены лифта, но сейчас слишком велика была боль в теле, не привыкшего к такого рода нагрузкам. Немного спасал ветер, у которого на такой высоте не было преград, и который вновь появился после затишья. Там, внизу, среди городских застроек, он ощущался слабо, но здесь он набирал силу. И хотя он был такой же горячий, как воздух, все же его порывы приносили хоть какое-то облегчение.

Алена аккуратно достала флягу и бережно открутила крышку. Уронить что-либо с такой высоты означало потерять вещь навсегда, и уж точно не хотелось думать о том, что будет если вдруг, веревки не выдержат — лететь отсюда долго… Алена постаралась отогнать эти мысли и судорожно сделала несколько мелких глотков, подолгу задерживаю влагу во рту. Пить хотелось постоянно, с потом выходила почти вся влага, но воду нужно было беречь. Никто не знал сколько времени займет поиск призмы, а потом ещё вниз спускаться, да с десяток километров до убежища топать. Это учитывая то, что они еще не долезли до верха. Да уж, план-капкан…

Внезапный сильный порыв ветра моментально вернул мысли Алены к действительности. Ее тело развернуло и слегка приложило о стеклопакет. Карабины звякнули стекло, от неожиданности Алена чуть не выронила флягу. Одной рукой она судорожно вцепилась в веревку, тело прошиб пот. Алена взглянула вниз — веревки ходили ходуном, змеей извиваясь по фасаду, теряясь где-то далеко внизу. Она увидела разгоряченные испуганные лица охотников, так же судорожно вцепившихся в веревки. Ниже всех барахтался профессор.

— Какого черта происходит? — хрипло крикнул Лаки.

— Уменьшение давления в одной области приводят к передвижениям воздушных масс из области высокого давления, — донесся снизу голос Зиновьева.

— Слышь, умник, я тебе сейчас веревку перережу, чтобы меньше умничал! — проворчал Лаки.

— Веревки-то тут при чем! — донесся голос Хобота. — Просто прирежь его.

— Так, не паникуем! Собрались, выдохнули и лезем дальше! — голос Волка, обычно приводящий в чувство его людей, сейчас почему-то не возымел нужного эффекта. Люди не двигались, судорожно вцепившись в веревки обеими руками. Даже с расстояния в несколько метров Алена видела, как побелели пальцы рук Сиплого, вцепившиеся

в веревки мертвой хваткой, а глаза воинов наполнились животным страхом. Одно дело — искать добычу пусть в мертвом, но знакомом городе, заходить в темные дома, рискуя нарваться на Зверей — но там все понятно, каждое движение, каждый жест отработан. А сейчас, на этой высоте — что делать?

— Приказа паниковать не был, воины! Это просто ветер… — но его последние слова потонули в раскате грома.

— Какого черта! Это что, гроза? — завопил Лаки.

— Мы же здесь как мишени для молний! На нас железа как игрушек на новогодней елке! — с ужасом осознал Хобот.

— Карабины и зажимы из дюрали! — попыталась обнадежить их Алена, хотя у нее самой от раската грома засосало под ложечкой.

— Да? А это тоже из дюрали ты думаешь? — заорал Лаки, тряся автоматом.

— Заткнулись! — прорычал Волк, — Откуда идет гроза?

Все завертели головами — туч не было видно, они явно были с другой стороны высоток, закрывающих обзор, но по усиливающемуся ветру было понятно, что фронт идет с запада.

— Ускорились! — прокричал Волк и, резким движением задрав жумар повыше, вставил ногу в петлю.

— Господи, спаси нас! — послышалось снизу.

Алена поймала себя на мысли что вот сейчас бы она с удовольствием почитала какую-нибудь молитву, жаль не знала ни одной, а Игорь остался внизу — к его радости. Она судорожно вспоминала, рассказывал ли тренер про то, что делать если гроза настигла на высоте, но ничего припомнить не могла. «Наверное потому, что ни один нормальный альпинист в грозу не висит» — саркастически прозвучал внутренний голос. Об этом она не подумала. Гаджетов и сайтов для определения погоды уже давно нет, да и метеостанции не работают. Да и какие к черту метеостанции? За последние несколько лет климат изменился до неузнаваемости, и сейчас совершенно непонятно что от него ожидать. Последний раз сухая гроза была пару месяцев назад вместе с пылевой бурей, и кто мог ожидать, что она повторится именно тогда, когда группа отчаянных скалолазов отправится на покорение самого высокого здания Москвы?

Внезапно Алену словно пронзил удар тока. Пылевая буря! В прошлый раз гроза пришла вместе с ней. Если сейчас начнется ураган — им конец.

Мир вокруг стремительно темнел. Из-за здания вылетел пакет и стремительно пронесся мимо, исчезая в жарком мареве. Алена сообразила, что башня Федерации прикрывает их от ветра, который, судя по скорости пакета, набирает силу.

Раскат грома прозвучал сильнее, и как будто сильно ближе. Алена посмотрела на Волка — он не отставал от нее, и они лезли на одном уровне. По его глазам она поняла, что они думали об одном.

— Не успеем, — ответила она на его молчаливый вопрос. Он кивнул, но продолжал лезть. Интересно, подумала Алена, что заставит этого человека отступить?

Алена посмотрела вниз — далеко внизу в воздухе начал появляться песок. Веревки, не переставая ходили ходуном, словно танцующие змеи извивались в безумном танце. Внезапно девушка услышала нарастающий гул сверху и подняла голову.

Над башней Федерации словно неслась туча черных птиц — пакеты, песок, ветви сухих деревьев — все это проносилось над ними с бешеной скоростью. Начинался ураган.

— Это пришествие Великой Тьмы! — послышался сдавленный голос Шамана.

— Надо спускаться, причем быстро! Мы не поднимемся! — закричала она Волку. Приходилось напрягать голосовые связки, иначе ветер заглушал голос. Волк неотрывно смотрел вверх и остервенело ударил кулаком в стеклопакет. — Даже если нас не сдует отсюда и не убьет молнией, точно сдует с крыши!

— Все вниз! — крикнул вниз Волк, но вряд ли его кто-то услышал.

Ветер выл словно разъяренный зверь, перекрывая жалкие людские голоса. Алена сильно нажала на рычаг спускового устройства, и веревка с бешеной скоростью заскользила в ладони, обжигая пальцы. Она поняла, что перебрала с силой нажатия, когда разом провалилась вниз метров на пять, в последний момент догадавшись отпустить рычаг. Ее тело дернулось, и она зависла. Руку обожгло грубой веревкой, и Алена почувствовала, как по позвоночнику искрами бежит ледяной ужас — они не смогут быстро спуститься. Они не успеют.

Алена посмотрела вниз и обмерла. Земли больше не было видно. Налетевший ураган поднял тучи песка, и теперь нижние несколько десятков метров тонули в песчаной буре. Это было похоже на штормящий ад — потоки грязного песка поднимались с земли, закручиваясь и перемешиваясь в воздухе в единое хаотичное месиво, гонимое бешеным ветром. Словно сама пустыня восстала и тянула свои иссохшие руки к горстке смертных, возомнивших себя непонятно кем, дерзнувшими бросить ей вызов. Казалось, ее голос был слышен в вое ветра, кричащий: никто никогда не покинет пустыню! Теперь вы все станете ее частью!

Те, кто был ниже, поняли, что нужно спускаться, и пытались совладать со спусковыми устройствами. Алена видела, как Зиновьев в панике двумя руками со всей силы надавил на рычаг и почти со скоростью свободного падения исчез в этой живой шевелящейся массе. Алена внезапно поняла всю фатальность их ситуации и смертельную глупость этой миссии. Как подтверждение этому в отражении стекла, прорезав темноту бури яркой вспышкой, мелькнула молния.

Вместе с молнией в кровь брызнула доза адреналина. Алена с максимальной ясностью осознала, что, если сейчас не соберется — для нее все будет кончено. Потом будем думать, как жить дальше, как без Зиновьева добывать призму, лезть ли вообще в Сити. Все это потом — сейчас задача выжить.

Алена покрепче стиснула в кулаке нижний конец веревки, другой рукой плавно нажала рычаг и заскользила вниз. Мимо стремительно проплывали витражи остекления, и в отражении она видела какой ад творится за ее спиной.

Казалось, весь мир встал на дыбы. Пустыня взорвалась потоками песка, вскинула свои барханы в небо, а ураганный ветер с ревом подхватывал их, превращая окружающий мир в холст обезумевшего художника. Мелькающие молнии освещали хаос, похожий на конец света, а раскаты грома тонули в вое урагана. Словно стая хищных псов, дорвавшихся до добычи, буря злорадно пела свою погребальную песню, яростно пытаясь стереть с фасада здания жалких человечков. В этом природном хаосе они были явно лишние.

Алена старалась не обращать внимание на секущий лицо песок, на адские звуки бури, хотя внутри все не просто сжималось —

казалось, ее «я» уже умерло от всеобъемлющего нечеловеческого ужаса. Сейчас они были просто песчинками, затерянными в бескрайнем недружелюбном мире. Но песчинки хотели жить. Поэтому Алена не отпускала рычаг, хотя дубовая веревка, которую она сжимала второй рукой, уже сожгла ладонь, и Алене не хотелось думать о том, как слезает кожа слой за слоем и обнажается розовое мясо. Отталкиваясь ногами от фасада, она продолжала скользить с максимально доступной скоростью, не видя ничего вокруг себя, пока движение резко не остановилось. Алена метнула взгляд вниз и обнаружила себя в паутине веревок. До земли было непонятно сколько — все тонуло во мраке песчаной бури — но явно далеко. Дальнейший спуск был невозможен — порывы яростного ветра переплели нижние концы веревок в непроходимый узел.

— Мудак Хобот! Тебе говорили не трогать концы! — услышала она хриплый голос справа. Обернулась — рядом болтался Волк, Хобот, Лаки, Сиплый, Егор и невредимый Зиновьев. Гордиев узел, который сделал невозможным их дальнейший спуск, спас ученому жизнь, и теперь он безвольно болтался, запутавшись в веревках.

— Теперь понимаешь, сука, зачем веревки снизу были подвязаны? Чтобы ветром не спутало, тварь! Теперь мы точно здесь сдохнем! — заорал Сиплый и потянулся к Хоботу. Его глаза были налиты кровью, казалось, он обезумел. Впрочем, сохранять здравый ум в этой обстановке было сложно. Хобот попытался оттолкнуться от Сиплого, но тот вцепился в его камуфляжную куртку, и они сплелись в борьбе, словно клубок ядовитых змей.

Внезапно здание перед ней начало опрокидываться. Стеклянный фасад почему-то начал отдаляться и заваливаться. «Падаю!» — пронеслось в голове у Алены, и она судорожно обхватила веревку обеими руками. Только почему не вниз, а в сторону от фасада? Алена завертела головой и увидела в нескольких метрах от себя Волка, словно зависшего в безопорном пространстве, сцепившихся Сиплого и Хобота и медленно удаляющийся фасад. Она взглянула наверх — песок в воздухе и тьма пылевой бури не позволяли увидеть куда уходили веревки — они натянутой стрелой пронзали бурю и терялись внутри нее. Казалось, эти нити связывают их.

Алена поняла в чем дело — завихрения воздуха оторвали их от фасада, расстояние стремительно росло. В какой-то момент движение

остановилось и на мгновение они зависли в десятке метров от стеклянной поверхности Сити, которое тут же начало приближаться. Алена попыталась сгруппироваться и выставить ноги вперед, но поток ветра развернул ее, и она со всего маху влетела в фасад боком, ударившись головой о раму. Послышался мощный удар, тело сотрясалось, в голове помутилось. Туман размыл окружающий мир, и без того размазанный пылевой бурей. Сознание начало меркнуть. «Никогда не думала, что все кончится именно так» — пронеслась отстраненная мысль на границах сознания. Ее вновь развернуло и начало относить от здания новым порывом. В жалкой попытке тонущего, хватающегося за соломинку, она попыталась ухватиться пальцами за выступ рамы, но совладать с силой урагана было невозможно. Она отстраненно наблюдала, как взмывают в воздух охотники, таща за собой огромные узлы спутанных веревок, как закручивает ветром профессора Зиновьева, еще больше запутывая его в сплетения узлов, как с размаху бьет о стеклянный фасад сцепившихся Хобота и Сиплого. Словно в замедленной съемке она видела, как Сиплый выхватил пистолет и направил его в голову Хобота, но не успел выстрелить — у того в руке блеснул нож. Наверняка это было стремительное движение, но в восприятии Алены этот взмах длился бесконечность. Она видела, как под ударом остро отточенного ножа по очереди рвутся прочные жилы альпинистской веревки, на которой висит Сиплый. Секунда — и он исчез в пылевой буре вместе с обрывками веревок. В этот момент Алену очередной раз с размаху ударило о фасад, и из глаз посыпались искры. Вокруг все еще больше потемнело, и Алена уже не понимала — это усиливается буря или гаснет ее сознание. Впрочем, вполне возможно, что буря достигла своей цели и уже завладела их душами, поэтому отличить одно от другого уже не представлялось возможным. Похоже, следующий порыв ветра станет для нее последним.

Краем сознания она улавливала картинку, разбивающуюся на отдельные кадры. Вот Волк пытается освободить запутавшийся в лямках автомат. Вот новый порыв ветра переворачивает Егора вниз головой, и тяжелый рюкзак со взрывчаткой сдавливает его шею мертвым узлом. Вот беззвучно открывается рот Лаки, в глазах — животная паника — он явно не осознает, что делает. Порыв ветра подхватывает Хобота, не успевшего сгруппироваться после битвы с

Сиплым, и со всей мощи бьет его головой об остекление — Алена видит, как безвольно повисает сломанная шея. Мимо проплывает лицо Шамана, открывшего рот в беззвучном крике. Новый порыв мощнее предыдущего — тело Алены, будто сухой осенний лист, мягко подхватывает воздушный поток, и, убаюкивая, несет прочь от осточертевшего здания. Но веревки продолжают держать их, и метров через двадцать поток нехотя отпускает. Алена даже сожалеет об этом — ей хочется, чтобы поток забрал с собой, упаковал в мягкую перину облаков и отнес туда, где прохлада, тишина и покой. Она чувствует, что поток готов это сделать, нужно только отдаться ему, больше не сопротивляться, потому что это бесполезно и бессмысленно. Казалось, сама буря говорит с ней. Зачем ты сопротивляешься, Алена? Ты не победишь в этой битве. Расслабься, иди вслед за манящим потоком! Она отнесет туда, где тихо и легко. Туда, где Ваня… Ваня…

Это имя заставило сознание включиться. Если она погибнет сейчас, то что будет с братом? Алена усилием воли с трудом раздвинула липкий сумрак бессознательного, пытаясь вырваться из оков забвения. Она окинула взглядом происходящее и поняла: если прямо сейчас ничего не сделать — их разобьет о фасад. По мощным стеклопакетам уже пошли трещины. Трещины! Их надо разбить! Только чем?

Новый порыв ветра впечатал ее в Лаки, переплетая их веревки. Охотник побелевшими пальцами вцепился в трос, глаза полны безумия.

— Стреляй по стеклам! — заорала Алена в ухо охотника. Она принялась трясти его за плечи, но тот лишь сильнее вцепился в веревку, вращая безумными глазами, рискующими вылезти из орбит.

Алена увидела болтающийся автомат на плече Лаки, но дотянуться не успела — их очередной раз впечатало в фасад и закрутило. Алена крепко вцепилась в Лаки, словно утопающий за соломинку — последнюю надежду выжить. Она дотянулась до спускового крючка и направила его на фасад. Спуск — и ничего не произошло. Алена снова и снова жала на курок, не понимаю почему автомат не стреляет.

— Предохранитель! — донеслось до нее из бури. Мимо пролетел Волк, автомат которого запутался в веревках.

Алена пальцем нащупала предохранитель и даже сквозь рев бури услышала спасительный щелчок. Мощный порыв урагана подхватил их и вновь отнес от фасада, чтобы набрать силы для решающего удара. И когда Алена вновь на мгновение зависла над бездной, она, все еще не до конца осознавая, что делает, нажала на спусковой крючок.

Треск автоматной очереди вырвал Алену из пелены забвения. Стеклянный фасад взорвался фонтаном брызнувшего стекла, раскрывая темные внутренности здания. Мощный порыв урагана откинул их метров на двадцать от башни Федерации, и теперь они стремительно неслись обратно. В руках Алены дергался извергающий огонь автомат, грозящий вырваться из усталых рук. Очередь прошила стеклопакеты по горизонтали, и выжившие со всего размаху влетели внутрь, разбивая телами остатки остекления и таща за собой за собой клубы спутавшихся веревок. Алену проволокло по полу офисного помещения, сшибая ее телом столы и стулья, но тут же натяжение веревки потащило назад. Девушка отчаянно хваталась содранными в кровь руками за стулья, обдираясь об осколки стекла, усыпавшего пол, но ветер не собирался так легко выпускать добычу. Краем глаза она успела заметить клубок из спутавшихся веревок и Зиновьева, залетевших в соседнее окно и зацепившихся узлом за балку, не позволившую ему вылететь наружу. «Второй раз везет ученому!» — мелькнуло в голове, прежде чем ветер вновь выдул ее из здания вместе с офисными стульями и битым стеклом. И в этом миг Алене стало действительно страшно.

Так бывает, когда утопающему дали дотронуться до берега, а потом вновь скинули в бушующий поток. Или показали умирающему от жажды воду, прежде чем бросить в пустыне под раскаленным солнцем. Она видела отдаляющийся фасад с разбитыми окнами, видела внутри Лаки, Шамана и Егора, отчаянно хватавшихся за любые предметы в попытках удержаться. Видела Волка, успевшего выхватить нож и полоснуть по веревке, прежде чем она вытащила его назад. Алена смотрела на них словно в экран телевизора. Здесь, снаружи, буря продолжала рвать в клочья воздух, пронзая его ослепительными молниями. Очередной раскат грома раздался прямо над девушкой. Она съежилась, подумав, что если следующая молния не испепелит ее, то уж ветер точно разобьет об фасад. Потоки воздуха закручивали

веревки и был велик шанс что она изменит свою траекторию, промахнувшись мимо разбитых окон.

Песок слепил глаза и забивал органы дыхания, когда Алена в полубессознательном состоянии снова влетела внутрь башни. В этот раз она была готова и мысленно поклялась себе вцепиться в любой выступ или тяжелый предмет и ни за что не отпускать его. Ее снова проволокло по полу, сметая остатки битых стекол, и впечатало в массивный письменный стол. Алена вцепилась в него обеими руками, и в следующий момент ее дернуло назад с такой силой, что, казалось, могли порваться жилы на руках. Ветер надувал двести метров веревки, находящиеся выше Алены, и трос своим весом тянул в бездну бури. Пальцы Алены побелели, если бы она могла — вцепилась бы и зубами в этот стол. Она почувствовала, что мышцы вот-вот откажут от перенапряжения, и попробовала закинуть ногу за ножку стола, но внезапно обнаружила, что тело настолько обессилело, что уже не слушалось. От чрезмерного усилия пальцы разогнулись, и ее с криком отчаяния вновь поволокло по полу навстречу пропасти, когда внезапно на самом краю чьи-то пальцы сомкнулись у нее на страховочной системе. Ноги Алены болтались за разбитым окном, пытаясь найти точку опоры на гладком фасаде, она чувствовала, как веревка с неумолимой силой тянет наружу, но в то же время она услышала спасительный щелчок карабина — и увидела как Зиновьев пристегивает ее к себе.

— Мы будем жить! Мы будем жить! — проорал он ей в ухо, и в следующий момент напряжение разом отпустило — подоспевший Волк одним мощным движением перерезал веревку, моментально исчезнувшую в буре. Алена обессиленно уткнулась лицом в поверхность пола — пусть в осколках битого стекла, грязную, со следами ее и чужой крови, но все-таки — твердую поверхность.

***

— Да уж, план-капкан, — проворчал Егор, с трудом поднимаясь с усыпанного битым стеклом пола.

— Заткнись и держи правую дверь — ждем гостей! — сквозь завывания ветра прорычал Волк. Он уже занял позицию, укрывшись за массивным столом и направив ствол калашникова на ближайшую дверь. Алена, сквозь замутненное сознание еще не отошедшее от происходящего, очередной раз отметила скорость реакции лидера.

Егор также занял свою позицию, приготовившись к бою. — Шаман, Лаки, очнитесь!

— Думаешь, они придут? — взволновано проговорил еще не отошедший от ужаса урагана Лаки.

— Шумно, вряд ли слышали. Но кровь могут почуять.

— Запах я устраню! — Зиновьев дрожащими от усталости руками полез в рюкзак и достал несколько пакетов с белым веществом. — Всем нужно срочно перебинтоваться!

— Это что? — недоверчиво бросил через плечо Егор.

— Сода, — ответил профессор, засыпая порошком из пакетов следы крови на полу.

— И что, помогает?

— Кровь обладает легким «металлическим» запахом, — сбивчиво проговорил Зиновьев. — Именно его улавливают хищники и безошибочно находят раненую жертву. Кстати, похожий запах образуется если потереть монетку в руках. Своим запахом кровь обязана веществу, которое по химической формуле очень похоже на винилпентилкетон…

— Слышь, ученый, проще будь, твои формулы здесь никому не нужны! — процедил Лаки. — Звери нас не учуют?

— Откуда я знаю? — обиженно произнес профессор. — Я на них не испытывал. Но вообще сода хорошо убирает запах крови.

— Напомни, чтобы я открутил тебе голову, если выберемся отсюда живыми!

— Я бы не надеялся, — проговорил Зиновьев.

Алена наконец смогла оторваться от пола и огляделась. Офис был похож на поле боя — перевернутые столы и стулья, битые стекла, остатки отряда Волка, целящиеся в невидимого противника, Зиновьев, засыпающий пол содой. Девушка посмотрела на свои руки — они были в царапинах и порезах, впрочем, остальные выглядели не лучше. А снаружи яростно ревел ураган, словно сожалеющий, что отпустил свою жертву. Впрочем, жертвам это вряд ли сильно поможет — если Звери их учуяли отбиться шансов не будет.

Внезапно раздался глухой удар о стекло, словно кто-то огромный стучался снаружи. Алена обернулась и обмерла от ужаса — безжизненное тело Хобота, все еще болтающееся на веревках, раскачивало ветром и било о фасад. Алена содрогнулась и обвела

взглядом оставшихся в живых — похоже, никто особо не придал этому значения. Сейчас все были заняты мыслями о собственном выживании.

Но время шло, а Звери не появлялись. Минута проходила за минутой, бойцы по очереди успели обработать раны и забинтоваться, но ничего не происходило.

— Похоже, сегодня нам везет, — с саркастической усмешкой проговорил Волк.

— Да уж, везет так везет, всем бы так везло, просто джек пот сорвали! — сорвался на визг Лаки.

— Зверь в подвалах спит, наверху пищи нет, он сюда и не ходит, — сказал Шаман.

— Значит у нас есть шанс дойти доверху, — сказал Волк, выходя из своей засады.

— Ты серьезно? Какой наверх? Нам надо думать, как отсюда выбраться! — отчаянно завизжал Лаки.

— А как ты собрался выбираться, умник? — ответил Егор и кивнул на Шамана. — Слышал, что тувинец сказал? Они внизу! И мы их никак не обойдем!

— А что ты его слушаешь? Откуда он вообще знает? — вскинулся Лаки.

— У нас есть веревки, которые я взяла в магазине! – подала голос Алена.

— Они не у нас, — холодно ответил Волк. — Они у Сиплого в рюкзаке. Парой десятков этажей ниже.

— Должен же быть выход! Должен! — заламывал руки Лаки.

— Ты не понял — это было не предложение к обсуждению, — не громко, насколько позволял воющий за окном ураган, произнес Волк. — План такой: идем наверх, находим эту штуку ученого. Потом думаем, как выбираться. Потому что других вариантов все равно нет. Егор, найди план здания.

В офисе повисла тишина, нарушаемая только воем ветра и периодическим стуком тела Хобота о фасад. До всех постепенно доходила фраза «вариантов нет».

Шаман что-то бубнил себе под нос.

— И в первый раз тьма заслонит солнце. Это пришла Великая Тьма! Нам всем конец! — Шаман сложил руки на груди в языческом

жесте, словно взывал к древним безмолвным богам.

— Да заткнись ты!

— Снимите тело Хобота, — кивнул Волк Лаки и Шаману. Алена подумала, что это неожиданно благородно для Волка, тратить время на мертвого товарища, но быстро поняла истинную причину. — Заберите у него взрывчатку.

Лаки и Шаман переглянулись — было видно, что этой работой никому заниматься не хочется, но делать было нечего.

— Лаки, взрывчатку Хобота понесешь ты. Вопросы? — Волк мрачно обвел всех взглядом. — Тогда идем искать лестницу. Или кто-то мечтает о лифте?

***

Темные лестницы Сити поглотили поредевшую группу, словно внутренности огромного каменного голема. Чувствовалось, что когда-то здесь кипела жизнь, но сейчас здание казалось полностью вымершим. Казалось, потому что — Алена знала — где-то в его недрах притаились сотни кровожадных тварей, готовых разорвать в клочья любого встречного. Встреча даже с одним из них на темных пролетах лестниц не сулила ничего хорошего.

Бесконечные ступени медленно плыли под ногами, сливаясь в один потоком, словно засыпанные песком улицы города. Но там, под палящим солнцем, где она знала каждую улочку, Алена чувствовала себя в своей тарелке, хотя опасность подстерегала на каждом шагу. Здесь же, во тьме, опасность не просто подстерегала — сама тьма была опасностью.

Свет фонаря выхватил из тьмы цифру двадцать девять. Значит, осталось еще шестьдесят шесть этажей. Шестьдесят шесть этажей тьмы, ведущих… куда? Что там, наверху? Найдут ли они то, что ищет профессор? Поможет ли оно им? Вопросов было больше, чем ответов. А уж мысли о спуске Алена решительно отгоняла. Для начала надо подняться наверх.

Ступенька, еще одна, и еще. Каждая клеточка тела отзывается болью после подъема по веревкам и ударов об фасад. Еще ступенька, и еще. Еще пять — и будет один пролет. Потом еще столько же — и этаж. Потом еще шестьдесят пять раз по столько же… Но об этом лучше не думать, это сейчас кажется какой-то нереальной целью, поэтому Алена сосредоточилась на подсчете ступенек.

Впереди идет Волк, даже не идет — крадется. Подствольным фонарем он выхватывает из тьмы перила, отбрасывающие ломаные тени. Здесь, во чреве здания, ураган практически не слышен, лишь отдаленный монотонный гул доносится сквозь толстые перекрытия. Каждый новый пролет, каждая дверь, ведущая на этаж — опасность. Силы и нервы на пределе, тени в свете фонарей мечутся, словно раненые птицы, и Алена поймала себя на мысли, что снова не прочь помолиться — на этот раз о том, чтобы ни у кого из охотников не сдали нервы на очередном повороте лестнице, и он не пальнул из калаша по теням. В замкнутом пространстве лестниц этот звук наверняка разлетится на все этажи, и что будет потом не хотелось даже представлять. Алена содрогнулась всем телом, представив, как из темноты появляется оскаленная пасть, острые клыки вонзаются в ее плоть, а внутренности исполинского здания переваривают то, что от нее останется…

— Да не убоится идущий сквозь тьму, — услышала она тихий шепот Шамана, и от этого шепота, отражающегося от пустых стен, стало еще более жутко. — Да пройдет он чертогами мрака, и да узрит свет в конце тьмы. Ибо нет света без тьмы, как нет ночи без дня.

Стены, много дней не слышавшие человеческого голоса, отражали мистический шепот Шамана, доносящийся из темноты. Они словно передавали его дальше по этажам, стремясь рассказать своим собратьям, что в этом пустом мире еще теплится жизнь, и сейчас она вся сконцентрировалась в этих словах. Они погружали в транс под мерный бег бесконечных ступеней, и в какой-то момент Алена перестала чувствовать боль и усталость, слившись с этим шепотом. Казалось, она сама превратилась в эхо, отражающееся от стен и вместе с потоками горячего воздуха паром поднимающееся наверх, к свету.

***

Девяносто третий этаж стал для них вершиной Эвереста. И хотя они немного передохнули перед финальным рывком, в коридор последнего этажа Алена буквально ввалилась. Позади, вместе с остатками сил, остались бесчисленные мрачные лестничные пролеты. Алена зажмурилась от света — буря ушла за город, и на этаже сквозь запыленные огромные стекла ярко светило солнце. Никогда до этого она так не радовалась его лучам.

Охотники неслышно рассыпались по коридору, на всякий случай осматривая комнаты.

— Лаборатория в конце коридора, — тяжело дыша указал Зиновьев. Волк молча кивнул Шаману, и они двинулись в указанном направлении, проверяя каждый угол. Дверь в лабораторию была не заперта — видимо, когда люди покидали ее, закрывать двери уже не было необходимости. Алена смотрела на дверь так, словно это тайный вход в некий волшебный мир. Ждет ли их внутри чаша Грааля?

Казалось, время не тронуло лабораторию — все осталось также, как и в последний день пребывания здесь людей. На столах стояли покрытые толстым слоем пыли компьютеры и непонятные приборы, на стеллажах коробки и пробирки. Сквозь полуприкрытые жалюзи пробивался бледный свет.

— Где тут твой камень, ученый? — пророкотал Волк.

Профессору не нужно было напоминать — он уже стоял перед столом, на котором возвышалась небольшая пирамидка, размером с чайник, покрытая толстым слоем пыли. Все замерли вокруг. Не верилось, что этот небольшой предмет способен спасти людей.

— И настанет пора очищения, и озарит землю сиянием камень, в ком вечное знание. И возродится жизнь среди смерти, как свет прольется средь тьмы, — еле слышно бормотал Шаман.

Волк подозрительно покосился на него.

— Это оно? — недоверчиво спросил Лаки.

— Да! — в голосе профессора слышалось восхищение.

— Не похоже на супероружие, — сомнительно покачал головой Лаки.

Действительно, это было похоже на сильно уменьшенную копию Египетской пирамиды, но представить, что этот предмет способен удерживать в себе мощную энергию, да к тому же справляться с существами, которых не берут пули, было сложно.

— А оно и не должно быть похоже, — откликнулся ученый, бережно беря пирамидку в руки, — Потому что наш враг тоже не похож ни на что, с чем мы имели дело раньше.

Зиновьев аккуратно провел рукавом по одной из плоскостей пирамидки, и все увидел, что она прозрачная.

— Стекло?

— Это алмаз, — Зиновьев обернулся, и Алена увидела его горящие глаза. Такие глаза она видела у влюбленных школьниц, когда те смотрели на объект своего обожания.

— И как это работает?

— Элементарно. Дисперсия световых волн!

— Ты можешь говорить на человеческом? — взмолился Лаки.

— Призма преломляет световые лучи и поглощает их. От этой энергии она мгновенно нагревается, меняя структура кристалла, и отражает лучи внутрь, что не дает им выйти наружу, — терпеливо объяснял Зиновьев.

— Ловушка для Светляков! — произнес Волк, и теперь его глаза полыхали пламенем.

— И мощнейший аккумулятор энергии!

— Насколько она хрупкая? — спросил Волк.

— Удар об пол выдержит, но прямое попадание из пистолета вряд ли.

— Где остальные призмы? — спросил Волк.

— Остальные? — растерянно сказал профессор. — Здесь только одна призма, это же экспериментальная модель!

— Сидоренко говорил мне что этих штук несколько, и мы сможем использовать их как оружие против Светляков, — Волк сузил глаза.

— Я не знаю, что тебе обещал Сидоренко, Волк, но призма только одна, и она нужна городу! — взволнованно произнес профессор.

— Слышишь, девчонка? Он говорит, что ты никогда больше не увидишь своего брата, потому что один жалкий тип решил обвести нас вокруг пальца! — Лаки сгреб ученого за ворот.

— Ребята, я не знал, что Сидоренко обманул вас! Меня не было когда вы с ним договаривались! — пробормотал Зиновьев. — Это же нужно для спасения людей!

— Остынь, Лаки, все в порядке, — Волк поднял руку. — Сидоренко обещал мне оружие. Я его забираю. Все честно. Лаки, возьми призму.

Лаки, радостно усмехаясь, вырвал кристалл из рук профессора и небрежно закинул в рюкзак.

— А как же люди? — воскликнул Зиновьев. — Они погибнут!

— Погибнут? От чего? От испуга?

— Ты же сам видел! Великая Тьма это не вымысел! В пророчестве сказано, что будет три пришествия тьмы, это было первое! Тьма накроет землю и больше не будет света, электричества, воды — как тебе такая перспектива?

— Я не верю в сказки, ученый, — сказал Волк. — Я верю в силу. Сила на моей стороне. Претензии можешь высказать своему мэру. А если что-то не нравится — ты прямо сейчас имеешь все шансы вылететь с девяносто третьего этажа. Как тебе такая перспектива?

Зиновьев замолчал. Алена молча наблюдала за ними, но внутри нее бушевала буря. Она понимала: любой ценой нужно завладеть призмой. Без нее Ваньку не найти. Но сейчас она не сможет это сделать.

— А ты что молчишь, курьер? — Лаки вальяжно подошел к ней. — Надо выбирать сторону. Ты с кем? С крысами, которые прячутся под землёй и боятся собственной тени? Или со стаей свободных волков?

— Я сама по себе, — спокойно ответила Алена, глядя ему в глаза. Он смотрел масляным взглядом, с остатками ужаса, затаившегося в глубине. Ситуация обострялась. Волк отстраненно наблюдал за ними, словно они являлись предметами мебели. Егор откровенно усмехался, словно это была игра. Шаман вел себя как невменяемый, все время бормоча под нос что-то насчет тьмы, а на профессора рассчитывать не приходилось. Алена поняла, что она на территории хищников, словно пугливая лань, угодившая в прайд львов. И сейчас хищники с ленивым интересом наблюдали за ней. Одно неверное движение — и сорвутся с цепи. Охотники уже пересекли черту, за которой нет ни правил, ни морали — только грубая животная сила. И они все до сих пор находились в смертельной опасности. Даже крыса, загнанная в угол, сражается бесстрашно. Что уж говорить о наемниках, прошедших с оружием в руках огонь, воду и медные трубы.

— Знаешь, у нас все просто. Кто не с нами — тот против нас! — Лаки мерзко ухмылялся. Он был вооружен и чувствовал абсолютное превосходство, к тому же они находились в месте и ситуации, где человеческая жизнь не стоила и горсти песка.

— Я тебя не боюсь, — негромко ответила Алена.

— А вот это очень глупо! — покачал головой Лаки. — Глупо меня не бояться. Так и умереть недолго!

— Придержи коней, боец, — окликнул его Волк. — Спустимся вниз, там разберемся.

Голос Волка словно вернул охотника на землю. Спуститься было половиной дела, а надо было еще выйти живыми из здания. В глазах Лаки снова возник страх, и, хотя он был отвратителен Алене, она его отлично понимала — путь вниз обещал быть смертельно опасным.

— Если будем двигаться тихо — авось проскочим? — с надеждой произнес Лаки.

— Тьма решит, — ответил Шаман.

— Ты можешь заткнуться? — рявкнул Лаки. — И без тебя тошно!

Шаман поднял на него безумные глаза.

— Всем придется пройти сквозь тьму. Но не все смогут из нее выйти.

— Заткнись, Шаман, — отрезал Волк. — Выдвигаемся, а то задержались в гостях.

— Что со взрывчаткой? — спросил Егор.

— Заложим внизу, — бросил Волк.

— Внизу? Ты что, Волк? — заорал Лаки, — Нам бы убраться отсюда поскорее! Я тебя прошу, давай опустим в шахту лифта, как и планировали!

— Планы изменились. Раз мы идем через низ, сможем заложить заряды точечно – будет надежнее. Закончили разговоры. Выдвигаемся!

Вновь фонари безмолвно заскользили по стенам бесконечных лестничных пролетов, словно взгляды непрошенных гостей, осматривающих жилище, в которое их не приглашали. Спускаться было легче, но мысли что они идут прямиком в логово зверей не отпускала Алену. Ей казалось, что они спускаются в разверзнутую пасть дьявола, чтобы найти выход в его недрах. Девушка вспомнила, как в детстве они с другими ребятами ходили ночью пугаться на кладбище. Надгробные кресты проступали из мрака, и воображение дорисовывало страшные фигуры с раскинутыми в сторону руками. Ребята светили фонариком — и монстр превращался в дерево или крест. Сейчас так не получится. Эти монстры людьми уже не станут.

Тогда, на кладбище, Алена перестала бояться, когда подошла ближе к одному из надгробий и прочитала имя и дату. Она до сих пор помнила их — Смирнов Виктор Анатольевич, 1936—2003. С мраморной фотографии на нее смотрел обычный человек преклонного

возраста с грустными глазами и легкой улыбкой. Алена всмотрелась в его глаза, и увидела в них отражение долгой жизни, наполненной печалями и радостями, желаниями и надеждами, мечтами и разочарованиями. И ей внезапно стала стыдно. Ведь когда-то все, кто здесь лежит, были живыми людьми.

Те, кто обитал на нижних этажах Сити, тоже когда-то были людьми. Но, в отличие от тех на кладбище, этих стоило бояться.

Алена считала таблички с номерами этажей, словно обратный отсчет. Семьдесят второй. Шестьдесят пятый. Сорок шестой. Тридцать третий. Боже, почему так быстро!

На пути вверх этажи тянулись бесконечно, сейчас же она страстно желала, чтобы из-под земли вырос еще один, а потом еще и еще, чтобы они никогда не достигли первого этажа. Оставаться во тьме лестничных пролетов было безумием, но еще большим безумием было спуститься прямо в оскаленные пасти Зверей. Самое страшное, что Алена осознавала — рано или поздно цифры на табличке дойдут до одного.

Двадцать восьмой.

Алена внезапно вспомнила Москву до этих страшных событий. Теплый летний вечер, парочки гуляют по набережной Парка Горького. Звучит приятная музыка, из кафе напротив доносится одурманивающий запах свежесваренного кофе и только что испеченного круассана… К этому запаху примешивается что-то еще, до боли знакомое, отзывающееся где-то настолько глубоко в теле, что Алена не могла понять, где именно. Запах сладковатый и слегка тошнотворный, но вместе с тем странно манящий…

Семнадцатый этаж.

Она ощущает тепло ладони Дениса в своей ладони. Ласковый августовский ветер обтекает их тела и треплет волосы. Денис обнимает ее, она чувствует жар его тела.

Девятый.

Вечерняя Москва начинает расплываться в мареве, дома дрожат и рассыпаются в прах. Люди тают на глаза, теплый ветер превращается в ураган, приносящий с собой песчаную бурю. Город пал. Последними остаются они с Денисом. Они так же стоят, взявшись за руки, безмолвно наблюдая, как огонь поглощает их город. Потом Денис

исчезает, остается только жар и… странный запах, который становится резче. Алена поняла, что ее трясет.

— Да не убоится идущий сквозь Тьму, — казалось, только она слышит тихий шепот Шамана, эхом блуждающий по лестничным пролетам. Словно эти слова предназначены персонально для нее.

Свет фонаря высветил табличку с номером. Пятый этаж.

Внезапно Алена поняла, что за назойливый запах преследует их уже несколько этажей. Это запах огромного количества немытых тел животных, смешанных с запахом разложения.

Табличка с надписью «первый этаж» выглядела словно окончание отсчета на таймере бомбы. Лестница вывела их к двери, за которой скрывались темные технические коридоры, в которых им предстояло заложить заряды. По ним же они планировали покинуть эту адскую башню.

Волк аккуратно открыл дверь, в полной тишине откликнувшуюся негромким скрипом. Темный коридор ждал их, словно притаившаяся в зарослях ядовитая змея. И хотя еще не было стремительного броска и впрыскивания яда в кровь жертвы, яд страха уже давно разлился по их венам. И вместе с ним что-то еще, новое, неизведанное, что заставляло тело повышать температуру, кидало в жар, а иногда и обдавало холодом. С этими новыми ощущениями Алена пока была незнакома.

Они ступили на первый этаж, словно на минное поле. Двигаясь тихо, но максимально быстро, Волк двинулся по коридору, обшаривая лучом фонаря каждую дверь и поворот. Группа следовала за ним, прикрывал всех Лаки. Что ж, мелькнуло у Алены сквозь пелену страха, мы вошли в пасть дьявола и спустились в его чрево. Осталось из него выбраться.

Очередная дверь вывела их в большое темное пространство — лучи фонарей терялись во тьме, не долетая до стен. От этого было еще неуютней, словно они оказались в вакууме.

Судя по карте, они находились в центре здания. Волк указал Егору рукой во тьму, то кивнул и снял с плеч тяжелый рюкзак. Фонари высветили огромные балки, уходящие куда-то вверх. Егор аккуратно достал взрывчатку и принялся устанавливать на опорные балки.

— Лаки, — тихо позвал Волк, — установи взрывчатку с другой стороны. Шаман, прикрой его.

Лаки бешено вращал глазами, словно пытаясь одновременно увидеть все окружающее пространство. Зрачки расширились максимально широко, пытаясь впустить в себя хоть немного света, но в окружающей тьме ему неоткуда было взяться, поэтому в глазах охотника отражался лишь животный страх. Волк схватил его за рукав.

— Соберись! И держи детонатор наготове. Если поймешь, что мы не успеваем уйти — жми кнопку. Но только если поймешь, что не успеваем, понял? — Волк яростно заглянул в глаза Лаки, и тот отчаянно закивал, прижимая детонатор к груди.

Алену окатила новая волна ужаса — теперь уже непонятно, сожрут их Звери или этот придурок в панике нажмет кнопку, обрушив четырехсотметровый небоскреб им на голову. Достойное завершение посещение этой адской башни!

Егор закончил установку зарядов, выдвинул антенну на детонаторе и кивнул Волку. Где-то внутри Алена почувствовала тепло, словно в застывшее от страха сердце проник луч надежды на удачный исход. Либо Звери были еще глубже, на технических этажах, либо спали перед ночной охотой — в любом случае, они их не почуяли. А значит, есть шанс выйти отсюда живыми. Алена даже позволила себе подумать о том, что, возможно, еще увидит лучи солнца. Пусть палящего, нестерпимо жарящего, но — настоящего, дающего тепло и надежду жить. Думать об этом в мрачных холодных коридорах было невыносимо, хотелось закричать, бросить все и бежать, бежать, лишь бы снова ощутить на лице теплый солнечный луч.

Внезапно луч фонаря Лаки дернулся, и она услышала, как тот негромко вскрикнул. Алена почувствовала, как волосы на руках зашевелились. Через секунду Лаки появился в свете фонаря с глазами, наполненными ужасом. Следом возник Шаман, его дерганная походка дополняла безумный взгляд, и Алена поняла, что случилось что-то страшное еще до того, как нос уловил едва заметный металлический запах. На краю сознания пронеслась мысль о новом запахе, когда на фоне бледного лица Лаки она увидела алый цвет, странно яркий, почти горящий в этом холодном тусклом мире.

— Чертова балка с острыми краями! — промолвил Лаки онемевшими от страха губами. — Я случайно, Волк, клянусь!

Одной рукой Лаки пытался зажать рану на другой руке, но у него получалось плохо — кровь быстро просачивалась сквозь пальцы и

тяжелыми каплями падала в темноту. На секунду Алена даже показалось, что она слышит звук этих падающих капель в гробовой тишине, повисшей в пространстве. Тут же она почти физически ощутила, как мельчайшие частички крови, называемые запахом, с поразительной скоростью распространяются по огромному пространству, проникают в темные коридоры, мрачные подвалы, где влажные носы пробудившихся зверей жадно втягивают воздух, пытаясь определить источник нового, такого сладостного, запаха. И еще ей послышалось, что где-то в глубине огромного здания началось движение.

— Уходим! — резко выдохнул Волк. Скрываться больше не имело смысла, теперь важна был скорость, и группа сорвалась с места. Алена увидела, как ее обогнал Лаки, оставляя в воздухе фейерверк алых капель, слышала, как тяжело дышит сзади здоровяк Егор. Кровь горячо стучала в висках, наполненная адреналином.

Лучи фонарей метались в пространстве, вырывая из тьмы пугающие тени и очертания, пока что оказывающиеся колоннами, стойками информации и перилами турникетов. Но Алена понимала, что в любой момент любая из этих теней может оказаться смертельной. Изгибаясь и преломляясь в агонизирующем свете, внезапно на пути вырастали длинные кривые тени, метались по помещению, уменьшаясь и вырастая в разы за мгновения, то отдаляясь, то неожиданно накидываясь на бегущих людей. Их шаги, отражаясь эхом от огромных стен пустого помещения, сливались в единый не прекращающийся шум. Вдали уже появился слабый отблеск дневного света, просачивающийся сквозь запыленные витражи, когда волосы на загривке Алены встали дыбом, и она поняла — их догоняют. Еще не было никого видно, не было слышно чужих шагов, но каким-то неведомым глубинным чутьем она точно определила, что Звери взяли их след.

Теперь к гулу их шагов примешался еще один звук. Это был странный шелест, как если бы кто-то в мягких тапках шел по ковру, причем не один. Сквозь этот шелест отчетливо звучало множество мелких стуков, как будто кто-то кидает мелкие камушки в стекло. Тело Алены покрылось мурашками, когда она поняла, что это звук сотен лап и когтей об кафельную плитку холла. И этот звук доносился со всех сторон.

Внезапно одна из теней справа изогнулась совсем не так, как должна была, и стремительно метнулась куда-то за спину Алены. Она не успела ничего разглядеть, но леденящий душу крик Егора, раздавшийся прямо за ее спиной, не оставлял сомнений в том, чья это могла быть тень. Вместе с животным ужасом в кровь выбросилась дополнительная порция адреналина. Оглядываться не было ни времени, ни желания — помочь Егору было невозможно.

Заорал Лаки — но не от предсмертной боли, а от смертельного ужаса. Он на ходу зажал спусковой курок, выпуская очереди по мечущимся теням. Где-то рядом бежали Волк, Шаман и Зиновьев, краем глаза Алена видела их мелькающие фонари, но оглядываться по сторонам было некогда.

Сейчас все ее силы, все внимание были устремлены вперед, туда, где проблескивал дневной свет. Словно тонкую, но прочную нить протягивала Алена к этому свету. Нить была сплетена из неумолимой жажды жить, пить эту жизнь полными глотками, пускай даже такую, под выжигающим солнцем, главное — жить! Яркой прядью в этой нити проходила любовь к Ваньке и надежда на его спасение.

Постепенно Алена осознала, что ко всеобщему хаосу отраженных звуков добавились еще одни — подвывания и рычания. Они как тени метались отраженные от стен, неожиданно выскакивая из темноты. Несколько раз Алена чуть было в панике не отпрыгивала в сторону, но вовремя одергивала себя. Сейчас есть только один путь — прямо. Зазеваешься на секунду, чуть изменишь курс — и все, пропал.

Свет становился все ближе. Уже проглядывали очертания колонн, мимо которых они проносились. Все ближе слышался звон когтей по кафелю, зловонный запах звериных тел усиливался с каждой секундой. Почти над самым ухом Алена слышала утробное рычание. В нем был голод, неумолимый голод, какая-то неистовая жажда. Дико было ощущать, что это жажда твоего тела, твоей крови. Несмотря на адреналин, Алена чувствовала, что силы покидают ее. Так лань, убегающая от прайда львов, в какой-то момент выдыхается и падает без сил, а голодные хищники набрасываются на нее, вонзая клыки в податливую плоть. Она не должна стать добычей. Ради жизни, ради солнца, ради Ваньки! Еще рывок, еще! Свет уже близко! Казалось, мышцы не выдержат предельного напряжения. От зловонного запаха зверей и бега тяжело было дышать, пот заливал глаза. Сзади — она

ощущала это — уже тянулась когтистая лапа, от горячего дыхания хищника колыхались волосы на затылке. Еще секунда — и когти сомкнутся на ее плече. Она не просто чувствовала, она знала: ее преследователь, видя, что спасение жертвы в виде света близко, готовится к отчаянному прыжку. Алена уже видела очертания улиц сквозь мутные стекла, до выхода оставались считанные метры, когда Зверь прыгнул.

Вмиг стало тяжелее, когти вонзились в плечо, Алену оглушило кровожадное рычание Зверя, дыханье сперло от зловонного запаха смерти, вырвавшегося из пасти хищника. Но своим прыжком Зверь добавил Алене инерции, и они вместе вылетели из здания на свет, разбив своими телами стеклянную дверь.

Ослепляющий свет ударил в глаза. Зверь отчаянно завопил нечеловеческим голосом. Алена услышала звук, словно на раскаленную сковороду бросили кусок сырого мяса, и почувствовала запах паленой шерсти. Она отчаянно отпихнулась от тела сверху, и только потом оглянулась — но Зверь уже исчез во тьме здания, оставив после себя полупрозрачный шлейф дыма. Алена, все еще не веря спасению подняла глаза, и увидела перед собой Волка, Лаки, Шамана, отчаянно хватающих ртом воздух. Рядом обессиленный Зиновьев рухнул на землю — поразительно, но ученому везло третий раз. От соседнего здания к ним спешили Игорь и Кирилл.

Легкие разрывало на части, обжигая огнем, ноги словно стали ватными, и Алена поняла, что тело не слушается ее. Она с трудом перевернулась на спину, смотрела в синее небо, отчаянно хватая ртом горячий воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Но это был прекрасный берег!

***

Солнце клонилось к западу, горячий день неспешно остывал. Город, перенесший бурю, казалось, не заметил ее. Дома так же безмолвно наблюдали пустыми глазницами за кучкой людей, непонятно зачем борющихся за жизнь. Люди еще не осознавали, но город знал — бороться бессмысленно, небытие возьмет свое. Его пустые дома были тому доказательством.

Поредевший отряд постепенно приходил в себя. Волк оглядел выживших.

— Собирайтесь, вояки.

— Мы идем в убежище? — на всякий случай уточнил Зиновьев.

— Куда идем мы, тебя не касается, — отрезал Волк.

— А как же мы, Волк?

— В зверином мире каждый сам за себя, ты еще не понял?

— Ты не можешь забрать призму! — крикнул Зиновьев.

— Может, — ответил вместо него Лаки. — И заберет!

— Волк, мы же договаривались! — в панике крикнул профессор.

— В этом суровом мире никому нельзя верить, — наигранно сокрушенно покачал головой Лаки. Волк молчал, но его молчание было красноречивее слов.

— Опомнитесь, что вы творите? — Игорь протянул руки к Волку, но тот лишь усмехнулся.

— Ты не понимаешь! Нужны еще эксперименты! — воскликнул Зиновьев.

— Я сам поэкспериментирую.

— Призма должна стать достоянием людей! Неужели ты хочешь присвоить ее себе? — в гневе выкрикнул ученый.

— Каких людей? — спокойно ответил Волк. — Ты про тех крыс, что прячутся по подвалам убежищ? Так то не люди, то рабы. Этот мир любит сильных.

— Волк, ты не можешь так поступить! — Игорь поднял руки к небу. — Эти люди верили в тебя! Побойся бога!

— Ты так и не понял разницу, между нами, святоша, — произнес Волк. — Боятся такие как вы — рабы. Я сам себе бог.

Алена пыталась оценить ситуацию. Нужно было улучить момент, чтобы завладеть призмой. Казалось, Шаман словно услышал ее мысли и тут же вскинул на нее ружье.

— Не дергайся, если не хочешь отправиться в вечную тьму раньше времени, — глухо произнес он.

— Эй, вы чего? — воскликнул Кирилл.

— Не лезь, парень, живее будешь, — бросил Лаки, не оборачиваясь через плечо, доставая из ножен длинный охотничий нож и глядя Алене в глаза. — Если что — я даже патроны на тебя тратить не буду. А потом придет очередь умника!

— Что с вами там произошло? — воскликнул Кирилл. Глядя на него, Алена не могла не отметить изменений, произошедших с охотниками, которые четко были видны в сравнении с Кириллом и

Игорем. Странный блеск в глазах выдавал тех, кто побывал в башне. Словно сама тьма прикоснулась к ним, оставив в сердцах глубокий след.

— Волк, мы на одной стороне! — воскликнула Алена.

— Больше нет никаких сторон, — ответил Волк. — Есть живые, и есть мертвые. Вы пока посередине.

— Так на чьей ты стороне, курьер? — поигрывая огромным ножом ухмыльнулся Лаки. Остро отточенное лезвие танцевало перед лицом Алены.

— Я на той стороне, где нет тебя, — процедила Алена.

— И это не правильный выбор! Вы — слабое звено! — почти пропел Лаки. — Потому то пока я на стороне живых. Значит, ты теперь на стороне мертвых! Волк, ты не против если я с ней позабавлюсь?

Волк равнодушно молчал и, казалось, был полностью отстранен, словно эта мышиная возня его нисколько не интересовала. Жизнью больше, жизнью меньше — какое это имеет значение, когда в твоих руках предмет, дающий власть?

— Отдай мне призму! — внезапно закричал Зиновьев и бросился к Волку. В мертвой тишине раздался выстрел, и профессор со стоном осел на песок, обагряя его своей кровью. Из дула ружья Шамана вился легкий дымок.

— Что вы творите! — воскликнул Игорь.

Так спадают последние рамки, правила и моральные устои. Алена четко поняла: этим выстрелом Шаман убил не только профессора. Он стер грань, за которой еще можно было надеяться на благоразумие этих людей. Этим выстрелом он убил в себе человека.

Лаки поднес нож к горлу Алены.

— Лаки, остынь, — послышался голос Волка. Алена с удивлением отметила, что ее жизнь почему-то важна для Волка.

Неожиданно для Алены Лаки проигнорировал команду вожака и надавил на ее шею чуть сильнее — на коже выступила кровь. Но внезапный звук взведенного затвора автомата справа заставил его повернуть голову. В бок Лаки уперлось дуло калашникова Кирилла.

— Оставь девчонку, — по голосу Кирилла было ясно, что он настроен серьезно. Лаки замер в нерешительности. Волк моментально выхватил пистолет из кобуры и направил на Кирилла, Шаман ткнул

стволом Игоря, показывая, что контролирует его движения. Горячий воздух стал неподвижен, казалось, весь мир напряженно замер.

— Парень, ты меня разочаровал, — сказал Волк, сверля глазами Кирилла.

— Да, парень, ты нас разочаровал! — повторил Лаки, стараясь казаться уверенным, но по его глазам и по капельке пота, покатившейся по запыленной щеке, было видно, что он напуган. — Лучше бы тебе не разочаровывать нас! Опусти-ка ствол!

— Убери нож от ее горла! — процедил Кирилл.

— Что вы делаете, люди, опомнитесь! — с ужасом промолвил Игорь. — Мы же не звери!

Алена обвела всех взглядом и поняла, что Игорь ошибается. Дикие, налитые кровью глаза охотников, взъерошенные волосы, серые от пыли лица. Пока еще разум отделял этих людей от животных, но насколько его хватит? Судя по безумному взгляду Шамана тот уже на грани. Много ли еще нужно, чтобы столкнуть пошатнувшееся сознание в бездну безумия?

Они все словно балансировали на шаткой доске, перекинутой через обрыв, внизу которого была тьма. Оступишься — и назад пути не будет. Провалишься в дикое, животное состояние. Сам превратишься в зверя.

Казалось, нужен лишь небольшой импульс, чтобы остатки человеческого сознания и разума полетели в бездну, утягивая за собой весь мир. Все, что человечество создавало тысячи лет, вся история, культура, философия — все будет разрушено в один миг.

Солнце зашло за высотку, и на лица охотников пала тень. Казалось, что-то незримое пытается вторгнуться в разумы людей, овладеть ими. Воздух стал необычайно тяжелым, запахло смертью. Шаман поднял к небу безумные глаза, его лицо постепенно теряло следы интеллекта. Алена услышала его невнятный шепот, срывающийся на хрип.

— Тьма изначальна… Когда из Тьмы рождается свет, Тьма не убывает, но лишь скрывается от взора… когда свет умирает, Тьма не рождается, но лишь становится зримой…

— Остановитесь! — закричал Игорь с ужасом. Он метался между охотниками, протягивая к ним руки. — Что вы творите, люди!

Игорь подскочил к Шаману, но тот быстрым движением ударил его прикладом в лицо, и священник упал. Волк безжалостно смотрел на Кирилла.

— Ты ввязался не в свою битву. И тебе ее не выиграть.

Похоже, Кирилл осознавал фатальность ситуации. Он посмотрел на Алену.

— Прости, — прошептал Кирилл. — Во имя Ани!

Два выстрела прозвучали почти одновременно. Пуля, выпущенная Кириллом, пробила бок Лаки и тот, завизжав от боли, повалился на песок. Кирилл тоже медленно оседал, его грудь была пробита. Он упал на песок, словно поверженный гладиатор, окропляющий кровью арену. Из пистолета Волка шел легкий дымок.

— Слабый воин, никчемный! — проговорил Шаман, встав над его телом.

В этот момент Алена осознала, что ничего больше не сдержит этих людей. Лаки с безумными глазами поднялся с песка, зажимая рукой рану на боку, и повернулся к ней. В другой рук он сжимал нож.

Солнце вновь вынырнуло из-за здания, по крайней мере вдруг стало очень светло. Алена подумала, что хотя бы напоследок она почувствует его лучи на своем лице, подняла глаза, но солнца не было видно за домами. Зато уши заложил высокочастотный писк. Опустив глаза на Лаки, она увидела, что он смотрит куда-то за нее, и его зрачки расширяются от ужаса.

Яркий свет залил лицо Лаки, и Алена резко обернулась. В десятке шагов от себя она увидела Светляков.

Их было трое — три светящиеся сферы, висящие в воздухе и ослепительно сияющие. С диким криком Шаман выстрелил в ближайшую к нему сферу, отдаленно напоминающая фигуру человека. Похоже, пули не причинили ей вреда, потому что сфера моментально превратилась в нечто, напоминающее круг с пустотой внутри, сквозь которую прошла пуля. Дальше субстанция моментально схлопнулась до размера точки и в следующую секунду появилась уже перед Аленой.

Глаза Алены залил яркий свет, она в ужасе заслонилась от него рукой. Вот так, успела подумать она, вот так бывает. Едва выжили в урагане на высоте триста метров, чудом выбрались из логова Зверей, чтобы так бездарно погибнуть! Этот мир явно не для людей…

— Доставай призму! — заорал Волк.

Внезапно между ней и Светляком словно из-под земли возник Игорь. Он вскинул руки в защитном жесте, в правой ладони она заметила блеснувший крест. Верил ли он до конца в силу всевышнего или это было отчаянное самопожертвование было не ясно. В следующую секунда сфера увеличилась в размерах и поглотила священника. Алена в ужасе сделала шаг назад, и упала на песок. Над собой она увидела Лаки с бешеными от страха глазами. Он бросил детонатор на песок, сорвал с себя рюкзак, судорожно пытаясь выдернуть из него призму.

Светляк вновь приближался — от священника не осталось и следа, словно он испарился. Алена каким-то внутренним чутьем уловила, что Светляк пришел именно за ней. И сейчас он быстро приближался. Их разделяло всего пару шагов, и Алена уже чувствовала волны незнакомой энергии на лице.

— Сдохни, тварь! — Лаки наконец выхватил призму из рюкзака и вытянул ее в сторону Светляка. Лучи света задрожали и вдруг втянулись в прозрачный кристалл, ярко вспыхнув и ослепив Алену, и Светляк исчез внутри призмы.

— А, черт, горячая! — Лаки выронил призму на песок. Две оставшиеся сферы окружили людей. Лаки пятился назад, бешено вращал полными ужаса глазами, пока не вошел в тень здания и не приблизился вплотную к темному дверному проему в Сити. Внезапно из темноты появились две поросшие шерстью лапы с длинными когтями и мгновенно утащили его во тьму.

Все, что теперь напоминало о Лаки — это капли крови, призма и детонатор, оставшиеся лежать на песке. Алена увидела, как Волк сорвался с места и огромными прыжками приближался к призме. Под его военными ботинками взрывался песок. Алена успела протянуть руку и схватить призму за секунду до Волка. Совсем рядом она увидела его глаза, наполненные яростью. И в этих глазах читался смертный приговор. Волк ударил ее по руке, Алена вскрикнула от боли, и призма выпала на песок.

Яркий обжигающий свет залил их, и Алена увидела, что Светляк оказался прямо перед ними. Алена успела упасть на колени, сжав призму руками.

— Тьма изначальна! — услышали они громогласный голос Шамана. Он стоял недалеко от них, сжимая детонатор в поднятой вверх руке. Расширенные зрачки, словно охотник объелся галлюциногенных грибов, говорили о явно измененном состоянии сознания. Он разговаривал не с ними - было ощущение что тувинец вещает для каких-то древних, давно почивших в бездне богов. — Так пусть все во тьму и вернется!

— Шаман, нет! — прокричал Волк. Алена отчетливо услышала звук нажимаемой кнопки детонатора, и в тот же миг песок под ногами дрогнул. Следом в глубине здания раздался глухой гул, словно кто-то размером с гору ударил молотом в огромный котел. Гул мгновенно перерос в оглушительный шум, краем глаза Алена увидела, как стеклянный фасад превращается в брызги осколков, и в следующий миг взрывная волна подхватила ее и швырнула далеко в сторону, погасив свет в сознании.

Глава 5. Внутренняя тьма

> «Находясь на свету, нельзя ничего рассмотреть в темноте. Пребывая же в темноте, увидишь все, что находится на свету».Гуань Инь-Цзы

Тьма. Тьма смотрела прямо в нее своими бездонными глазами из открытой двери.

— Трусиха! Тру-си-ха!

Словно электрические разряды пробегали по телу Алены. Они начинались около макушки и спускались по позвоночнику, словно оголяя нервы и заставляя тело сотрясаться мелкой дрожью. Еще никогда она не входила в Дом с Привидениями.

— Трусиха! — наперебой кричали мальчишки за ее спиной. Алена неуверенно оглянулась. Вот они стоят, такие смелые, когда толпой, да при дневном свете. А сами-то способны в одиночку войти в этот жуткий дом?

Ходили байки, что здесь пропадают дети. Об этом твердили все дворовые мальчишки, да и бабки поддакивали.

— Ну давай, что, темноты испугалась? — кричал заводила компании Колька.

Войти в этот дом было сродни посвящению. После этого мальчишки примут за своего и можно будет гонять с ними по заброшенным стройкам и играть в футбол. Иначе — возвращайся к своим девчонкам с куклами.

Всего один шаг. Но ноги Алены словно окаменели.

— Чего ты боишься, Алена? — внезапно раздался голос в голове.

— Я не знаю… — мысленно ответила она голосу.

— Ты не боишься темноты. Ты боишься того, что в ней. Но пока ты в нее не вошла, все твои страхи — лишь фантазии.

— А что, если это не фантазии?

— Ты не сможешь это узнать, пока не сделаешь шаг, не правда ли?

Алена кивнула голосу. Всего лишь сделать шаг…

— Трусиха, трусиха! Иди играй в свои куклы! — кричали мальчишки. Колька подскочил к ней и принялся трясти за плечи, —

Трусиха, трусиха!

Алена хотела зажать уши, чтобы не слышать этих криков, но внезапно обнаружила что руки тяжелые, словно камень. Тряска начала причинять боль. Внезапно Колька стал расплываться, лицо его исказилось и стало страшным, темным. Детское лицо Кольки превратилось в лицо Волка, склонившегося над ней.

— Вставай, курьер, — услышала она низкий голос Волка.

Вместе с лицом Волка вернулась боль во всем теле. Камни больно упирались в ребра, было ощущение, словно по Алене проехался бульдозер. Она с трудом подняла голову.

Пространство вокруг изменилось. Площадь вокруг была усеяна обломками. Башня Федерации по-прежнему возвышалась над ними, но теперь она накренилась и была частично разрушена. Лучи закатного солнца играли в остатках его окон. Последний раз она видела такой красный закатный свет в тот памятный вечер, когда они отправлялись играть в свой последний дозор. Это были воспоминания приятные, но вместе с тем грустные. Сейчас Алене больше всего хотелось бы оказаться в той Москве, сжимать в ладони ладонь Дениса и смотреть на вечерний город…

Но вместе с этими воспоминаниями в затуманенный разум ворвалась тревога. Алена не могла понять, с чем она связана, знала только, что это относится к красным лучам солнца, залившим площадь. Тревога постепенно нарастала, поднимаясь издалека, словно прилив, грозя превратиться в мощную волну.

И тут Алену как током прошибло — она два года не видела закат потому закат означает выход на охоту Зверей! Девушка подскочила, несмотря на боль. Волк рядом выкорчевывал из-под камня автомат.

— Надо уходить, — бросил он. Алена в панике завертела головой, ища остальных. — Не ищи, никого больше не осталось. Мы одни.

Он, наконец, извлек из-под завала автомат и чертыхнувшись, отбросил в сторону — дуло было погнуто. Из кобуры он достал пистолет, проверил обойму и взглянул на Алену.

— Недалеко есть безопасное место. Я буду идти быстро. Отстанешь — ждать не буду.

Алена кивнула, и только потом вспомнила, что до взрыва прижимала к груди призму. Быстрым взглядом она заметила, как

топорщится рюкзак Волка и все поняла. Ладно, по крайней мере она не под этими завалами.

Со стороны послышался стон. Она бросилась на звук, и увидела погребенного под песком и камнями Зиновьева. Поразительно живучий профессор не умер от выстрела из ружья Шамана и пережил взрыв. Алена принялась откапывать его, когда на ее плечо легла рука Волка.

— Нет времени! Звери скоро выйдут на охоту.

При упоминании Зверей холодный пот прошиб ее тело. Но она не могла оставить профессора на съедение этим тварям. Память услужливо подкинула картину умирающего старика, прислонившегося к разбитому лендроверу, стервятников и отполированные кости, блестящие на солнце.

— Мы не можем его оставить! — хрипло сказала Алена. — Он единственный кто знает все о призме. Он нужен нам!

Она посмотрела в глаза Волку. Холодные, расчетливые глаза, но где-то в глубине их она увидела мелькнувшую искру чего-то человеческого. Она не сомневалась, что Волк без раздумий пожертвует ей ради своих интересов, но в то же время у нее было ощущение, что что-то в ней привлекает Волка. Иначе бы он не стал ее будить и просто ушел — одному сподручнее. А может, он просто боится остаться в одиночестве?

Волк молча оттолкнул ее, быстрым движением взвалил ученого на плечо — тот был без сознания, но застонал громче — также молча развернулся и быстро пошел в сторону алеющего заката.

Волк шел быстро, взрывая ботинками песок, несмотря на дополнительный груз в виде тела профессора. И откуда в нем столько сил, пронеслось у Алены в голове. Пот заливал ей глаза, тело с трудом слушалось.

Здания отбрасывали огромные длинные тени, солнца уже не было видно за домами. Еще немного и наступят сумерки.

Алена не знала в какое именно время выходят Звери, и не хотела бы этого узнавать никогда. Если они боятся солнечного света, значит уже могут поджидать их в особо темных местах. Волк это понимал, и старался строить маршрут в обход густых теней.

Вдалеке показалось полуразрушенное здание. В этажах зияли огромные проломы, было видно ведущую наверх лестницу. Волк

свернул к нему.

Солнце садилось очень быстро. Казалось, еще десять минут назад были видны его отблески, и вот сейчас последние лучи погасли. Мир окутали сумерки.

Волк ворвался на лестницу, быстро осмотрелся и молнией метнулся наверх, держа пистолет наготове. Через минуту он появился внизу и открыл рюкзак. Когда Алена, задыхаясь, добежала до него, он уже пятился наверх рассыпал порошок за собой.

— Вверх по лестнице, третья дверь, — бросил он.

Алена с трудом поднялась по лестнице на третий этаж. Колени дрожали, ноги подкашивались. Третья дверь оказалась добротной, с металлической обивкой, ведущей в большую пустую комнату с парой пружинных кроватей, стенами обклеенными фотографиями и с парой зарешеченных окон. Посредине комнат лежало тело профессора — он все еще был без сознания. По стенам стояли осветительные приборы, покрытые песком и пылью. Тут же показался Волк. Он рассыпал последние горсти порошка на порог, втолкнул Алену внутрь и тихо прикрыл дверь.

— Если повезет — не учуют, — сказал он, опуская на дверь мощный засов.

— Думаешь, повезет? — почти безразлично от усталости спросила Алена.

— Вряд ли, — хмуро ухмыльнулся Волк. — Ученый потерял много крови, за ним такой след — для них словно подсвеченный хайвей. Но попытаться стоит.

Волк осмотрел тело профессора и сплюнул.

— Зря возился, все равно сдохнет.

Алена ничего не сказала, но чувствовала — Волк сделал это для нее, правда непонятно почему.

Тени удлинялись, пока не слились в единую непроглядную тьму. На мертвый город тихо, словно покрывало, опустилась ночь. На небе зажглись первые звезды, луна показалась из-за крыш. Похолодало.

Вокруг стояла полная тишина. Казалось, город замер в ожидании.

Время тянулось томительно медленно. Алена сидела на полу, прижавшись к холодной стене, и наблюдала за Волком. Он стоял в метре от окна так, чтобы отраженный свет не падал на лицо, а сам он

мог видеть двор перед домом. По тому, как уверенно и по-хозяйски он двигался по комнате, Алена поняла, что он здесь не впервые.

Молчать было невыносимо. Невыносимо было слушать эту мертвую тишину, и ждать, когда Звери придут на твой запах. Но Волк был не тем собеседником, с кем хотелось скоротать ночь за беседой. Чтобы чем-то занять себя, Алена принялась перевязывать многочисленные раны на руках и ногах, морщась от боли.

— Больно?

Она вздрогнула от голоса Волка. Впервые в нем прозвучало что-то, отдаленно напоминавшее заботу.

— Есть немного, — Алена попыталась улыбнуться.

— Боль — это хорошо. — сказал Волк, не глядя на нее. — Если ты ее чувствуешь — значит ты вообще еще способна хоть что-то чувствовать.

Как это — ничего не чувствовать? Алена посмотрела на Волка, и подумала, что он наверняка знает ответ на этот вопрос.

— Откуда ты знаешь про это место? — спросила Алена, и на секунду ей показалось что Волк вздрогнул. Он помедлил, прежде чем ответить.

— Я иногда бываю здесь. Хороший перевалочный пункт.

— Это ты поставил засов и решетки?

Волк молча кивнул.

— Как думаешь, они помогут?

— Звери уже наверняка вылезли из логова. Первым делом они найдут тела около башни. Потом уже по следам придут за нами.

— Но после такого взрыва они не могли выжить!

— Эти и не выжили, но есть другие. Не ищи ложной надежды, мы все равно умрем. Не сегодня, так завтра. Не завтра, так послезавтра.

— Тогда зачем все это? — не выдержала Алена. — Зачем мучаться?

— А ты мучаешься? — Волк оглянулся на нее через плечо, и внезапно Алена поняла — он в этой среде как дома. Он такой же хищник, как и эти Звери.

— Хочешь совет, курьер? Если хочешь жить — выжги себя изнутри. В тебе не должно остаться ни любви, ни жалости, потому что это слабость, а слабость — это смерть. Если ты слаб — ты добыча. Вот и все. Это если коротко об этом мире.

— Но ради чего тогда жить? — повторила Алена.

— Незачем задаваться этим вопросом. Посмотри на хищников. Можешь представить себе льва, который отрывается от недоеденной антилопы и думает: «а зачем я ее ем?». Потому что это закон жизни. Ты есть, и ты ешь. Ты здесь чтобы убивать и есть, и это и есть твой смысл. Иначе едят тебя, и тогда ты здесь чтобы быть съеденной. Выбор за тобой.

— Я так не хочу, — Алена замотала головой, словно пытаясь сбросить наваждение.

— А тебе никто не спрашивает. Вот мир, и он таков. Хочешь жить — убивай и ешь.

— Нет, это не так! Можно по-другому! — Алена вспомнила Ваньку, его наивные глаза цвета неба. Вспомнила ощущение теплой ладони Дениса в своей руке. Теплый, насыщенный влагой ветер с Москвы-реки.

— И где же те, кто по-другому? Сидят по убежищам и гниют от страха, — Волк сплюнул себе под ноги. — Пойми, курьер, кроме ненависти в этом мире ничего не осталось.

— Если есть тьма, должен быть и свет. Если есть ненависть — есть и любовь! — вспомнила она слова Игоря.

— И где же тогда твоя любовь? — усмехнулся Волк. — Мы уничтожили ее. Все, что создает человек несет в себе семена своего собственного уничтожения. Мы действительно венец творения вселенной, только мы не творцы — мы разрушители.

— Неужели ты никогда никого не любил? — воскликнула Алена. Волк отвернулся к окну и ничего не ответил.

В тишине внезапно застонал профессор.

— Где я? — прохрипел Зиновьев.

— Вам нельзя говорить, — Алена опустилась на пол рядом с ним и положила его голову себе на колени. Она взяла его руку в свою и отметила, какой холодной былаладонь профессора. Словно из нее ушла вся жизнь.

Мертвенный свет луны освещал обескровленное лицо Зиновьева. В его глазах, наполненных болью, угасали искры.

— Я не хотел так умереть… я не успел… — Зиновьев цеплялся слабеющими пальцами за рукав Алены.

— Тихо, — прошептала Алена. — Не волнуйтесь, все будет хорошо.

— Оставь его, он не жилец, — бросил Волк.

— Я виноват… это все моя вина…

— Вы ни в чем не виноваты, — сказала Алена, чувствуя, как на глазах наворачиваются слезы.

— Виноват… — Зиновьев отвел глаза. — Это я виноват в том, что появились Черные Дыры.

В воздухе повисла тишина. Это не было похоже на бред умирающего. Тем более, что это говорил ученый.

— Что ты несешь? — пробурчал Волк.

— Я испытывал новое оружие по заказу Сидоренкова… Он… он страшный человек. Вы просто не знаете… — Зиновьев закашлялся, и на пол упали капли крови.

— Не знаем что? — переспросила ошарашенная Алена.

— Это была ошибка. Чудовищный эксперимент, чудовищный… — глаза ученого судорожно бегали, он заикался. Видно было, что ему с трудом даются слова. — Его не должно было быть! Мы не ожидали таких последствий!

— О чем ты? Что за эксперимент?

— Черные дыры — ты знаешь, что это? Это не последствия катастрофы. Это не ловушки Светляков. Это сделали мы — люди… — глаза Зиновьева были наполнены страданием. — Мы все разрушаем… Все, что мы создаем, направлено на разрушение… Даже то, что могло бы нам помогать, мы оборачиваем против себя. Открытие ядерного синтеза стало причиной появления ядерного оружия. Но это ничему нас не научило… Человек всегда стремился создать что-то еще более мощное, чтобы приблизиться по могуществу к богу, в существование которого не верил… И я, я такой же… Я всегда хотел открыть что-то новое, что изменит мир… — профессор сокрушенно замолчал. — Но я создавал их во благо! Благодаря им мы научились уничтожать фотонные плазмы!

У Алены перехватило дыхание.

— Ничто не может уничтожить свет. Кроме черной дыры, притяжение которой настолько сильно, что даже свет не может вырваться из его поля. Я хотел защитить людей, но породил монстра…

— из глаз ученого катились слезы. — Мы сами способствуем уничтожению нашего мира, Алена.

— Ты прав, — сказал Волк. — Человек — не вершина творения бога. Мы разрушители.

— Безумие — вот к чему мы пришли. Мы уничтожаем сами себя. И за все, что произошло с нашим миром в ответе только мы… — Зиновьев говорил все медленнее, силы покидали его. — Оружие, которое я создал, при выстреле деформирует пространство, словно тяжелый шар проминает мягкотелую резину. Оно взрывается внутрь себя, втягивая все, что попадает в его поле. Раньше на Земле такое было невозможно. Но мир изменился… и я сделал это. Создал самое страшное оружие… У меня был только один шанс исправить ошибку. Я хотел закрыть дыры с помощью энергии фотонной плазмы. Помещенная в призму, она могла уничтожить черную дыру изнутри. Я хотел исправить ошибку… Но потом я понял. Фотонная плазма — новая форма жизни… Я думал, что они вытеснят наш вид, но я ошибался. Мы уничтожим себя сами…

Он захлебывался кровью, в глазах медленно таяла жизнь. Алена испытывала к профессору одновременно и жалость, и злость. Она не знала, что сказать, впрочем, как и не знала, чем помочь ученому. Сейчас он был наедине со своими ошибками.

— Почему никто не знал про оружие? — спросил Волк.

— Сидоренков хотел сохранить это в тайне, как козырь на предстоящих выборах. Этот человек на многое готов пойти ради власти. Очень на многое…

— Почему ты не рассказал людям об этом? — спросила Алена.

— Я не мог. Я должник Сидоренкова. Он финансировал все мои исследования. И… он спас мне жизнь. Он вытащил меня из убежища тринадцать.

Глаза Волка вспыхнули пламенем.

— Так ты тоже из убежища тринадцать?

— Да… Как и Сидоренков.

— И вы никогда не встречались там с Волком? — удивилась Алена.

— Это было огромное убежище на несколько тысяч человек. За короткое время невозможно узнать всех.

— Ты был там, когда случилось… — Волк запнулся.

— Да… — профессор закрыл глаза.

Волк моментально приблизился к нему и навис над профессором.

— Не вздумай умирать! — рыкнул Волк. — Что случилось в убежище? Ты знаешь?

— Я знаю… — прошептал Зиновьев. — Сидоренков был инженером. Система защиты устарела, и мы создали новую, не зависящую от солнечных батарей. Но глава убежища не хотел ничего менять, и тогда Сидоренков задумал создать собственный подземный город. Он жаждал власти… Не просто жаждал, он был одержим ею. Да, он делал это во благо людей, но какой ценой…

Зиновьев закашлялся. Силы покидали его с каждым словом. Волк пронзал его взглядом, почему-то для него было очень важно чтобы профессор договорил.

— Для нового убежища нужны были источники энергии. И Сидоренков демонтировал солнечные батареи. Ни один житель города сорок два не знал об этом. Это из-за него отключились пневмодвери.

Алена физически почувствовала, как Волка окатила волна ярости. Он медленно протянул руки к горлу профессора и сжал его.

— Почему ты не сказал мне? Почему?! — прорычал он.

— Что ты делаешь? — в ужасе воскликнула Алена.

— Я не мог, Волк… — прохрипел профессор. — Сидоренков спас мне жизнь, я был его должник все это время… мы повязаны…

— Тысячи людей погибли из-за него! — ужаснулась Алена. — И этот человек во главе целого подземного сообщества?

— Жизнь ужасная штука, и совершенно несправедливая… — прошептал Зиновьев. — Мне жаль, что ничего нельзя изменить… простите меня…

На губах профессора выступили кровавые пузыри, и его дыхание оборвалось.

Волк рывком вскочил с пола и заметался по комнате, словно раненый зверь в клетке. Алена чувствовала, что сейчас не время задавать вопросы. Она знала, что Волк был в том убежище. Но неужели для него имели значение все эти люди?

Волк замер у стены и долго смотрел на одну из фотографий. Алена видела, как медленно вздымалась и опадала его широкая спина.

— Видишь эту девушку? — не поворачиваясь, тихо сказал он, и в его голосе Алена впервые услышала нотки грусти, и даже какой-то

безысходной тоски. — Ее звали Эля. Это была ее студия. Наша студия.

Алена встала и подошла к Волку. С фотографии на нее смотрела белокурая девушка с глазами, полными неба, с букетом белых цветов в обнимку. Она выглядела словно дуновение легкого весеннего ветерка, готового игриво сорваться с места, закружить тебя в веселом танце, нежно обнять и, оставив на губах воздушный поцелуй, ускользнуть в бездонное небо. Алена смотрела на нее, на Волка, и никак не могла соединить эти картинки в одно. Это прекрасное создание и Волк рядом? Это было невозможно представить. Или он стал таким уже после?

— Ангел, спустившийся на землю, — завороженно произнес Волк, проводя пальцем по ее лицу. — Таких больше нет, не было и не будет.

Девушка действительно была похожа на ангела. С такими людьми просто хочется находиться рядом. Просто смотреть на них, напитываться светом и любовью, словно тебя укутали в мягкий шерстяной плед, усадили в кресло у камина и дали в руки чашку с горячим какао. А у ног в это время мурчит теплый кот.

Алене не хотелось вырывать Волка из сладкого мира воспоминаний и спрашивать, что стало с девушкой. И так было понятно — ее больше нет.

— Как тебя зовут на самом деле? — неожиданно для самой себя спросила Алена.

— Тимур, — это простое имя немного обескуражило Алену. У Волка было имя, была девушка, которую он любил. Когда-то даже он был обычным человеком, наверное, также ходил в магазин за покупками, а вечерами она готовила ему борщ или что там еще готовят счастливые жены. Сколько времени ему понадобилось чтобы в ее отсутствие превратиться в безжалостного убийцу?

— Она называла меня Тим, — еле слышно добавил Волк, и в этой короткой фразе было все. Рухнувшая цивилизация, развеянная ветром и занесенная песками, уничтоженные судьбы людей, миллионы оборванных жизней. И в центре этого — милый ангел с глазами полными неба по имени Эля.

— Когда город стало заметать песком и работы не стало, он принялась доставлять медицинские препараты нуждающимся. Работала курьером, как и ты, — с трудом проговорил Волк. — Два года

назад она несла медикаменты в убежище. Пришла туда поздно, и осталась на ночь. А ночью… — Волк помолчал, слова давались ему с трудом, — ночью в убежище ворвались Звери. Они порвали всех. Не выжил никто. Это было убежище номер тринадцать.

Повисла тишина. Алена подумал, что где-то уже слышала эту историю.

— Они рвали мою Элю когтями. Мою нежную Элю. Этого не должно было произойти! Она была слишком нежна, слишком воздушна для этого мира! Я был там, но не смог ее уберечь.

Лицо Волка посерело от печали. Удивительно, но Алена впервые слышала в его голосе человеческие нотки. Жаль, что все это человеческое заключалось во всепоглощающей безысходной тоске.

— А все из-за того, что этот ублюдок решил, что он выше всех! Что власть в собственном убежище дороже жизни моей Эли!

Волк невидящим взглядом смотрел куда-то сквозь фото, наверняка сейчас он видел перед собой лицо мэра города номер сорок два. От этого взгляда Алене стало жутко — в нем не было ни капли жизни. Только смерть.

— Так что на твой вопрос зачем жить у меня есть ответ, — Волк повернулся к Алене. — Чтобы забрать должок у одного самопровозглашенного мэра. Он должен мне одну жизнь.

***

Взошедшая было луна юркнула за небоскребы Сити, словно пытаясь спрятаться от этого неуютного мира. Даже луна не хочет видеть во что превратился этот мир, подумала Алена. Она не видела луну два года. Два страшных года в мире, в котором увидеть луну означает скорую смерть.

На короткое время луна вынырнула вновь, чтобы осветить мертвенным светом застывший город, бросить отблеск на неподвижное лицо Волка, и вновь скрыться уже за другим зданием. Охотник стоял недалеко от окна, всматриваясь в темноту ночи. В его правой руке был зажат пистолет.

— Они найдут нас? — спросила Алена.

— Наверняка.

— А тот порошок, что ты рассыпал?

— Он собьет след, но надолго ли? Дверь тоже продержится какое-то время, — его голос был абсолютно спокоен и даже бесцветен.

Казалось, неотвратимость смерти нисколько не страшит его. — Но потом они ворвутся внутрь. У меня в обойме девять патронов, вряд ли я успею перезарядить. Семь для них, две для нас. Рекомендую такой вид смерти, хотя при желании можешь выбрать другой.

— Значит, это неизбежно?

— Посмотри на мир вокруг, и сама ответь себе на этот вопрос. Все в этом мире когда-то было живым, и где оно теперь? Все поглотила тьма. И нас она поглотит. Шаман это чувствовал. Я чувствую, и ты тоже. Она подбирается со всех сторон, медленно, неспешно, знает, что мы никуда не скроемся. Она заползает под воротник, холодит спину, заставляет волосы подниматься дыбом. Но знаешь самый главный секрет? — Волк повернулся к ней от окна. Неясный отраженный свет, падающий ему на спину, выделял его зловещий силуэт на фоне неба. — Подобное тянется к подобному. Тьме даже не нужно захватывать нас, потому она и так внутри. Внутри каждого из нас. Просто нужно немного времени чтобы осознать это.

Казалось, в окружающей черноте ночи Волк был сам чернее этой тьмы. Его лица не было видно, но Алена ощущала некие волны, исходящие от него. В них смешивались страдания по ушедшей любви с ненавистью к миру, эту любовь отобравшую. И он принимал эту ненависть, он сам был частью ее.

— Люди говорили о любви, о справедливости. А где она любовь, и где справедливость? Правда в том, что любовь мимолетна, а справедливость лишь способ управления идиотами, которые в нее верят. Иначе в чем справедливость забрать у меня Элю? Скажи мне, где здесь справедливость? — голос Волка дрожал, набирая силу. Он уже с трудом сдерживал эмоции. — Это затертое до дыр слово, с помощью которого манипулируют дураками, которые никому не нужны. Они сидят там, в своем подземелье, и думают, что о них позаботятся, но на самом деле они лишь расходный материал. Никто не шел за кристаллом чтобы помочь этим крысам. Ученый хотел сторговаться со своей совестью, ублюдок мэр планировал использовать его для укрепления власти, мне он нужен как оружие, а тебе чтобы отомстить за брата. Возможно, только наивный святоша думал, что мы идем делать правое дело. Так что к черту такую справедливость! Все к черту!

Алена впервые видела Волка в таком состоянии. Обычно спокойный, краткий и немногословный, сегодня что-то словно взорвалось у него внутри. Казалось, этот внутренний взрыв запустил некую трансформацию, и сейчас его разум рвал в клочья остатки догм, понятий морали и законов. И от этого становилось еще более жутко.

— И знаешь, я рад что мир умер. Потому что я не хочу, чтобы такой мир существовал! В этом, новом мире, где нет ни любви, ни жалости, я нахожусь на вершине пищевой цепочки. Больше не нужно быть вежливым в очередях, не нужно стесняться высказать свое мнение или влепить в челюсть зазнавшемуся ублюдку. В этом мире есть истинная власть!

Со стороны Сити послышался вой, от которого Алену бросило в жар, несмотря на холодную ночь. В этом вое было что-то, что леденило кровь в жилах, заставляло сердце сжиматься, а тело в панике искать место, куда забиться, словно дрожащий от страха кролик. Сделаться меньше, незаметнее, перестать дышать и издавать запахи, понизить температуру тела, раствориться в тумане. Все что угодно, лишь бы не слышать этот леденящий душу вой.

Алена в ужасе посмотрела на Волка, но, казалось, он не слышал вой. Ненависть заливала его изнутри, распространяя свои чернильные миазмы в пространстве вокруг. Алена ощущала это кожей.

Вой за окном повторился. На этот раз он раздался гораздо ближе, и ему вторило еще несколько хриплых нечеловеческих голосов. Алена поняла — Звери взяли их след.

— Знаешь, что я скажу тебе, курьер… Мы все умрем. Все рано или поздно превратимся в пыль. А жизнь наша — лишь мгновение, — голос Волка звучал хрипло, Алена никогда не слышала раньше в нем такие ноты. — Весь вопрос в том, как ты проживешь это мгновение: как червь, копошащийся в грязи, пугающийся собственной тени, или как венец творения природы, король среди хищников!

Алена слышала, как множество мягких лап взрывают песок под окнами здания. Она словно видела, как влажные носы нюхают их следы, как наливаются кровью глаза Зверей. Порошок пока сбивал их с толку, но надолго ли?

— Но мы сейчас жертвы! Вернись в реальность! — громко прошептала Алена.

Казалось, Волк впал в некое подобие транса, Алена была даже не уверена, что он ее слышит. Ей вспомнился Шаман, его предсмертные глаза. Тогда она подумала, что это безумие, но сейчас у нее мелькнула мысль что, возможно, это нечто другое, гораздо более страшное…

— Разве этот мир не прекрасен? — произнес Волк, — Посмотри, какие просторы! Здесь все решает сила! Никакой морали. Никакой вежливости. Никаких законов. Ты сильнее — значит, ты прав.

Волк сделал шаг в ее сторону. Алена поймала себя на мысли, что ее руки сами собой в темноте шарят по пыльному полу, пытаясь найти хоть что-то, напоминающее оружие. Внизу слышалось копошение зверей и их возбужденные повизгивания — они искали след. И они наверняка слышали голоса людей.

Снаружи поднялся ветер. Он носился среди мертвых домов и барханов, освещенных бледным светом, и подвывал в такт зверям. Луна вынырнула из-за небоскреба и осветила темную студию. Волк стоял спиной к свету, и Алена не могла видеть его лицо, но в темноте ей показалось что в нем что-то изменилось. Только вот что?

— Волк, они рядом, тише! — промолвила Алена.

— Ты боишься, курьер? Это правильно. Страх это хорошо. Страх — это залог выживания! Именно он заставляет тебя быстрее бежать, сильнее бить, яснее думать! — Волк медленно подходил все ближе, и Алена не могла понять, отчего ее пробирает дрожь — от воя Зверей или нечта, исходящего от Волка.

Снизу раздался оглушительны вой, и в нем Алена уловила нетерпеливое предвкушение добычи. На лестнице послышался цокот множества когтей. Звери вновь взяли след. Алена вскочила и в панике огляделась, но спасения не было. Они с Волком были заперты вдвоем в пустой комнате, снаружи которой подстерегало само зло.

— Весь мир делится на тех, кто боится, и тех, кто чует их страх. Тех, кто им питается. Ты выбрала свою роль в этом мире.

— Мир состоит не только из таких! Есть еще любовь… — прошептала Алена. Этот шепот потонул в вое Зверей и смехе Волка.

— И где эта любовь? Сейчас в тебе нет любви! Сейчас в тебе есть только страх!

В дверь ударило что-то тяжелое, и Алена вздрогнула. Послышался скрежет металла, словно кто-то снаружи царапал по двери чем-то очень острым. Волк, казалось, не обращал на это ни малейшего

внимания. Он медленно, но неумолимо приближался к Алене, слегка согнув ноги, словно для прыжка. Она готова была поклясться, что его лицо изменилось за последние несколько минут, но в темноте было непонятно как именно. Вся его фигура стала сгорбленной, в ней ощущалось что-то нечеловеческое. Волк потянул носом.

— Страх… я чувствую его в тебе… — его голос дрожал, словно от нетерпения. — Ты знала, что страх имеет запах? Люди слишком неполноценны, слишком ограничены. Не видят в темноте, не чуют такие запахи как кровь, быстро устают, быстро умирают. Мы больше не высшее звено в пищевой цепи, нас сместили! Сместили какие-то первобытные создания! Это они венец творения, а не мы!

Луна вновь вышла из-за тучи. Отраженный свет упал на лицо Волка, и Алена отшатнулась. Ей не показалось — лицо охотника быстро теряло человеческие черты. Лоб как будто надвинулся на налитые кровью глаза, верхняя губа подергивалась, из-под нее виднелась пара пока небольших клыков. Казалось, что растительности на лице Волка прибавилось, и Алена с ужасом поняла, что это шерсть. Ногти на пальцах удлинились и стали более темными и острыми. Алена не понимала как это возможно, но одно было ясно — Волк во что-то трансформируется. Алена открыла рот, но не смогла произнести ни звука.

Повизгивания зверей за дверью слились в бесконечный вой. Когти беспрерывно царапали обивку металлической двери, пытаясь пробраться внутрь, туда, где они чувствовали запах двух тел.

Волк подошел к Алене вплотную, прижав к стене. Алена не могла отвести взгляда от его налитых кровью глаз, но пока еще человеческих.

— Ты чувствуешь эту жажду, слышишь этот зов? — хрипло прошипел Волк и повернул голову в сторону луны. Она озаряла его своим мертвенным светом, делая черты изменившегося лица еще более ужасающими. — Чего ради нам не идти за ним?

Когда Волк говорил, его губы приподнимались, и Алена видела острые клыки, с которых капала слюна.

— Скажи мне, курьер, ради чего? — прорычал он ей в лицо, и она зажмурилась. Она чувствовала его горячее дыхание на своей щеке, словно дыхание любовника, готового всадить тебе нож в сердце. На ее шее пульсировала жила, и каким-то образом она знала, что сейчас

Волк не может оторвать от нее взгляд, завороженно наблюдая на пульсацию крови под кожей. Вой снаружи становился невыносимым, но еще более невыносимым было понимать, что от клыков Волка до ее шеи остается пара сантиметров.

— Ты превращаешься в зверя! Остановись!

Казалось, Волк не слышал ее. Она ощущала его готовность вонзить клыки в ее горло, как если бы сама хотела это сделать.

— Остановись, Тимур! Ты помнишь, как тебя зовут? Ты Тимур!

За дверью раздался новый вой. Волк поднял налитые кровью глаза.

— Тимура больше нет. Есть Волк.

Не в силах смотреть в его гипнотические глаза, обещающие смерть, Алена резко отвернулась и увидела на стене фотографию ангела с охапкой полевых цветов и глазами цвета неба.

— Эля! — воскликнула она словно спасительное заклинание. — Эля!

Она сорвала фотографию со стены и всунула между собой и клыками Волка.

— Помнишь ее? Ты помнишь?

Казалось, что-то промелькнула в глазах Волка. Почти забытое воспоминание, словно падающая звезда, промчавшаяся по ночному небосводу.

— Ее зовут Эля, это ваша студия! Ты любил ее! — прошептала Алена.

На глазах ее навернулись слезы. Она не понимал, откуда они — то ли от щемящего чувства потерянной Волком любви, которое она вдруг ощутила всем телом, то ли от осознания того, что если это существо, которое совсем недавно было человеком, не услышит ее, то ее жизнь прервется. Словно тонкая пульсация крови в вене, которую прокусит острый, как бритва, клык. Жизнь по капле покинет тело Алены вместе с кровью, насыщая нового Зверя. Но пока еще не поздно — если еще не поздно — она должна во что бы то ни стало достучаться до замутненного сознания Волка! Помочь ему погрузиться туда, где он еще человек, отделить осознание себя как личности от инстинктов зверя. Она чувствовала, как он балансирует на грани, словно канатоходец над бездной. Но он хочет туда сорваться, сбросить с себя

груз морали и несовершенство человеческого тела. Скользнуть в липкую тьму, так манящую своей вседозволенностью.

— Помнишь Тима и Элю? — прошептала Алена.

Волка начало трясти. На частично покрытом шерстью лице выступил пот. Видно было, что внутри него происходит самая серьезная борьба за всю его жизнь — борьба между зверем и человеком, между светом и тьмой. Он закрыл лицо руками и дико заорал. Этот крик срывался то на вой, то на рычание, но Алена слышала в нем и человеческие ноты. Из-за двери ему вторил десяток глоток, яростно воющих и рычащих. Дверь сотрясалась от ударов, но, похоже, они были не в состоянии ее сломать.

Волк рывком повернулся в сторону луны, раскинул руки со страшными когтями на пальцах и дико заорал, словно высвобождая скопившееся внутри напряжение. После этого он одним прыжком преодолел полкомнаты и скрылся в темном углу. Там он упал на пол и больше не двигался.

***

Солнце освещало студию. Пока это были еще неловкие, неуверенные первые лучи, когда дневное светило только проснулось и робко выглядывает из-за горизонта, словно проверяет — ну что там, этот мир еще жив? Стояла оглушительная тишина, до писка в ушах. Алена вдруг осознала, что не встречала рассвет уже два года. И что это самый спасительный рассвет за всю ее жизнь.

Звери ушли с час назад, когда начали гаснуть звезды. Они чуяли предрассветный час, и в их вое слышалось сожаление об упущенной добыче. Впрочем, добыча не была упущена насовсем — просто ужин перенесли на следующий день.

Весь остаток ночи Алена просидела неподвижно, не сводя взгляда с Волка, который так и не пошевелился за все это время. Она не знала, жив ли он, и он ли это вообще, но проверять не хотелось. Сейчас ей не хотелось вообще ничего, кроме как чувствовать, как по щеке скользит приятный теплый луч света. Никогда раньше она так не радовалась ему! Оказывается, раскаленное солнце, способное убить, изжарить дотла, способно и даровать жизнь.

Алена наблюдала как солнечный луч очень медленно ползет по полу от бездыханного тела профессора к скрюченной в углу фигуре Волка. Когда свет коснулся его лица, фигура начала оживать.

Алена с замиранием сердца наблюдала за пробуждением Волка, словно за рождением человека. Он вытянул в сторону затекшую ногу, сгорбившись, уперся руками в пол. Лица его не было видно. Алена слышала, как тяжело и надрывно дышал охотник, словно пробежал пару километров по раскаленному солнцем песку. Волк медленно сел на колени, отдышался, не поднимая головы и встал, держась за стену. На его руках не было шерсти, а ногти были похожи на человеческие, только почерневшие и скрюченные — видимо, превращение не прошло бесследно для организма. От всей его фигуры веяло чем-то зловещим, но не так, как это было ночью или даже раньше. Что-то изменилось. Волк явно прошел какой-то рубеж, словно побывал за гранью, заглянув в такую бездну, из которой никто еще не возвращался. И это было как удар молотом. Побывав там, осознав свою глубинную звериную суть, он уже не мог остаться собой. Но и Зверем он не стал, Алена видела это. Воспоминания об Эле спасли Тима, задержали в человеческом сознании. Но надолго ли?

Теперь Алена знала почему происходит трансформация. И если Волк остановил ее только усилием воли — неужели каждый сам принимает решение оставаться человеком или становиться Зверем? Девушка не хотела думать о том, что миллионы людей предпочли второй путь.

Волк, не глядя на Алену, пошатываясь побрел к двери. С каждым шагом было видно, как былая сила и уверенность возвращаются в его тело, но в том, что он больше не будет прежним собой Алена не сомневалось. Нельзя заглянуть в бездну и остаться прежним. За эту ночь его тело и сознание дважды менялись, и бесследно это пройти не могло.

Волк дошел до двери, с трудом откинул тяжелый засов, издавший пронзительный скрип, словно раненый зверь — дверь была изогнута внутрь. Алена ощутила, как все ее мышцы напряглись, когда Волк потянул за ручку, но в коридоре никого не было. Поверхность двери была истерзана когтями, оставившими глубокие борозды в металле, пол был покрыт следами огромных лап, оставленных на белом порошке. Волк задержал на них взгляд и шагнул в проход, но там вновь остановился, словно вспомнил, что в этой комнате у него есть незавершенное дело. Он полуобернулся через плечо, так, что Алена увидела его посеревшее, но все еще человеческое лицо, со странно

отстраненными и потухшими глазами. Охотник не смотрел на нее, но обращался к ней.

— В каждом из нас спит зверь, курьер, — промолвил он хриплым голосом. — Весь вопрос только в том, когда он проснется.

И он исчез в пустом коридоре. Алена еще долго слышала его тяжелые шаги по каменным ступеням лестницы.

Прошло пять минут, или десять, или час — она не знала. Она продолжала все так же сидеть на полу, сжимая в одной руке пистолет, оброненный ночью Волком, в другой призму. Девушке казалось, что по ее телу проходят электрические разряды, судороги, словно мышцы сбрасывают накопившееся напряжение. Она понимала, что нужно вставать, но ноги не слушались. Хотелось зарыдать, упасть лицом в чьи-то теплые объятья, но во всем этом огромном безумном мире не было ни единого человека, кто мог бы ее понять. Только Ванька.

Мысли о брате заставили мышцы прийти в движение. Алена распрямила ноги и издала короткий вскрик от боли — все тело затекло. Она с трудом поднялась, помогая себе руками и растирая затекшие мышцы. В рюкзаке, брошенном Волком, она нашла с пол литра воды и жадно осушила сразу половину. Выглянула в окно — Волка уже не было видно. Алена осторожно вышла в коридор и спустилась по лестнице вниз.

Солнце освещало мертвый город, бросая длинные тени домов на желтый песок, усыпавший асфальт. Когда-то давно Алене нравилось читать про пустыни, про их обитателей, и про тех, кто их покорил. Сейчас же она понимала — пустыню нельзя покорить. В ней можно только выживать до поры, пока она не решит, что время, отпущенное тебе, прошло. И тогда она покорит тебя.

Впервые девушка видела город таким ранним утром. Казалось, солнечные лучи должны были пробудить его к жизни, как бывало много лет назад, но Алена понимала — город мертв раз и навсегда. Само слово жизнь, казалось, утратило смысл. Единственное место во всем городе, где этот смысл еще был — ВДНХ. Там, возможно, был Ванька, и там ее ждала еще более неведомая опасность, чем Звери или Волк. Путь туда займет несколько часов, а уже сейчас ей хотелось просто упасть на песок от усталости.

Алене захотелось заплакать от бессилия, осознавая, насколько ничтожны ее попытки. Она словно песчинка, бросившая вызов

пустыне. Ей представился хохочущий ураган, за секунду поднимающий в раскаленный воздух тонны песка и сдувающий ее, разрывающий на молекулы, уничтожающий саму ее суть. Что она могла сделать против этих сил?

Но может ли она не попытаться? Если не пойти за Ванькой, тогда зачем это все?

Самый темный час перед рассветом, вспомнились ей слова Игоря. Вот только кто знает, может ее самый темный час еще впереди.

***

Песок приглушал звуки и без того мертвого города. Километры тянулись за километрами. Ослепляющее солнце уже успело раскалить воздух, и с Алены ручьем лился пот, но она этого не замечала. Видимо из-за усталости лучи дневного светила сегодня воспринимались особенно болезненно, и Алена, давно потерявшая очки, прикрывала глаза рукой. Она прошла площадь белорусского вокзал, ранее полную людей и цветущих деревьев, теперь же занесенную песком, из-под которого изредка виднелись сожженные солнцем стволы лип. Вокзал провожал Алену взглядом побитых окон, словно немым осуждением — что ж вы, мол, люди, не сохранили эту красоту. Алена очередной раз пересекла усеянное остовами машин третье транспортное кольцо, минула Сатирикон. Повсюду царила абсолютная мертвая тишина. Пустые дома, которые были свидетелями того ужаса, что происходил здесь по ночам, сейчас угрюмо смотрели ей вслед. Но Алена не замечала всего этого.

Шаги не отражались эхом от домов, вместо этого их сопровождал шелест песчинок, пересыпающихся под ботинками Алены, перемешивающихся друг с другом, словно в песчаных часах, неумолимо отсчитывающих время. От жара и этого абсолютного беззвучия мир периодически становился нереальным и плыл, словно мираж. В горле пересохло, словно пустыня проникла внутрь Алены и захватывала её тело сантиметр за сантиметр. Сначала обветриваются губы, и ветер задувает в глаза мелкие песчинки, стекающие по щекам с остатками слез — организм уже начинает беречь жидкость. Потом песок скрипит на зубах. Следующее на очереди — пересохшее горло. Но пустыня не останавливается, она продолжает свой медленный, но неумолимый захват. И вот уже взгляд затуманивается, а перед мысленным взором проплывают водоемы и реки. Это первый признак

того, что пустыня подошла к последнему рубежу — разуму. И рано или поздно она овладеет им. Алена не питала иллюзий. Человек слаб, природа победила. Как ни крути — пустыня свое возьмет.

В горле пересохло, пить хотелось нестерпимо. Один раз она даже увидела мираж. Чудесное озеро чистейшего бирюзового цвета парило над проспектом. Казалось, оно не так далеко, но сколько Алена ни шла к нему, шатаясь от усталости, оно не приблизилось ни на шаг. Девушка не понимала, сколько она прошла и сколько идти еще. Казалось, вокруг ничего не меняется — одинаково мертвые дома и пустые улицы, занесенные барханами желтого песка. Только нарастал звон в ушах от опустошающей всеобъемлющей тишины.

И в этой закладывающей уши звенящей тишине Алена впервые за много дней ощутила, как она одинока. В этом бескрайнем, но при этом невыносимо пустом мире, она осталась совершенно, абсолютно одна.

Зачем идти? Зачем жить? Если мир так пуст и жесток, зачем все это? Неужели мы здесь для того, чтобы страдать? Пройти такой путь от рождения через всю жизнь, чтобы понять это? Пройти полгорода по раскаленным пескам, чтобы понять, что не способна сделать того, ради чего шла?

Алена упала на колени, и разрыдалась. Она вскинула голову, и, не в силах больше сдерживаться, закричала в пустоту пустыни:

— Зачем?!

Ее голос многократным эхом отразился от пустых домов и унесся вдаль, словно стены играли звуком ее осипшего голоса, как мячиком. Пустые, мертвые стены, не способные помочь ей.

Она упала на песок и провалилась в забытье. Город исчез, провалился в туман. Алене снилась вода, много воды. Она купалась в ней, пила жадными глотками и никак не могла напиться. Она сама была водой. Прекрасной, легкой и текучей, волшебно-бирюзового цвета, мягкой, но способной точить камень. Это был ее личный рай.

Но как только она выныривала из забытья — накатывала боль. Открыв глаза, девушка видела все тот же бесконечный песок. Ветер плавно засыпал Алену песком, и она подумала, что скоро станет одним из барханов, и никто об этом не узнает.

Ее взгляд затуманивался. Промелькнула мысль о том, что надо встать и идти, но сколько Алена не пыталась сосредоточиться на ней, она не могла вспомнить — куда и зачем.

Миражи неспешно проплывали мимо, сливаясь с окружающей картиной мертвого города и убаюкивали. Очень хотелось уснуть, и Алена никак не могла понять, почему где-то на границе сознания вертелась отчаянная мысль «не засыпай!». Девушка пыталась отогнать ее, но мысль становилась все навязчивей. Вырванная из забвения назойливой мыслью, Алена с трудом разлепила глаза, и сквозь мутную завесу тумана сна, увидела размытую фигуру, парящую над песком. Она приближалась к лежащей на песке Алене, и от этой фигуры веяло чем-то родным и близким.

— Ванька… — прошептала Алена растрескавшимся от жажды губами.

Лицо брата склонилось над Аленой. В распахнутых глазах небесное спокойствие, на губах легкая ласковая улыбка. Ванька неосязаемое коснулся ее лица рукой, словно счищая песок, который успел накидать на нее ветер.

— Тебе пора идти, — услышала Алена его голос, но он прозвучал не снаружи, а внутри. Алена моргнула и увидела силуэт Ваньки уже в нескольких метрах от себя. Он протягивал к ней руку, словно призывая. И в этом жесте уместился весь тот мир, который Алена так любила. Мир, где есть жизнь, любовь, вода, человеческое тепло. Где среди зеленых лесов текут чистейшие реки, где солнце не выжигает глаза, а ласково греет, где существа одной с тобой крови не пытаются тебя сожрать.

Алена протерла глаза. Перед ней лежал раскрытый рюкзак, в котором виднелась призма. Она светилась теплым светом и от нее исходил жар.

Мертвый мир по-прежнему безмолвно наблюдал за девушкой. Пустые дома, словно стервятники, молча стояли поодаль и ждали, когда Алена перестанет двигаться. И тогда они заберут ее душу. Алена поняла — если она не встанет, для нее закончится даже этот мир, безумный и жестокий.

Подул новый порыв ветра, приносящий вместо облегчения порцию раскаленного жара. Он закрутил небольшой вихрь на том месте, где остался отпечаток лежащего тела, словно злился, что упустил добычу. Ветер заметался вокруг, ища свою жертву, поднимая в горячий воздух одинокие песчинки, и, наткнувшись на свежие следы, уходящие цепочкой на северо-восток, бросился в погоню. Но его

хватило ненадолго, и его порыв быстро угас. Вместе с ним на оставленные в песке глубокие следы упала горсть песчинок, поднятых ветром. Словно опоздавшие на свой рейс пассажиры, они наблюдали, как вдаль уходит человек, упрямо пробивая тропу в пустыне. Сейчас она отпустила жертву. Впрочем, пустыня знал, что рано или поздно она возьмет свое.

***

Алена стояла на пустой площади. Точнее, раньше это было площадью, покрытой плиткой, сейчас же это была пустыня, и плитка была на глубине многих метров под слоями песка. Алена не бывала на ВДНХ больше года, и ее поразило то, что сделала пустыня с этим местом. Площадь занесло очень сильно — огромная арка на входе в ВДНХ уменьшилась раза в два. Впрочем, она и сейчас выглядела монументально, возвышаясь над барханами, с которых ветер сдувал пыль.

Что делать дальше было непонятно. Зиновьев не говорил про конкретное место. И вдруг Алена подумала — а что, если ученый ошибся? И здесь нет Светляков? А что, если здесь нет Ваньки? Но она тут же отбросила эти мысли. На новый переход ее сил точно не хватит. Так что это финал, и он случится здесь. С этими мыслями Алена вошла под арку.

Раньше, когда здесь еще росли деревья, стояли скамейки и над ними возвышались фонарные столбы, площадь и то казалось огромной. Сейчас же, когда всё это покоилось на глубине нескольких метров под песком, ничто не мешало обзору, и площадь выглядела как бескрайняя пустыня, с возвышающимся вдали шпилем центрального павильона, нижние ярусы которого также скрывал песок. Алена решила направиться к нему, как к единственному ориентиру.

Обойдя павильон и не заметив ничего особенного, она миновала место, где раньше был фонтан дружбы народов — воспоминание о журчащем фонтане свело горло судорогой — прошла мимо полузасыпанной ракеты «Восток» и взяла правее, обходя торчащую крышу очередного павильона. Дальше была лишь пустота. Бескрайняя пустыня, с возвышающимися вдали серыми домами. Алена остановилась. Сил идти не было, да и непонятно было куда идти. Сколько не иди, все равно придешь к полному одиночеству в центре бескрайней пустыни.

Спину стало припекать, словно лучи солнца пропустили через увеличительное стекло. «Призма» — внезапно поняла Алена. Она сняла рюкзак с плечи, расстегнула молнию и аккуратно, чтобы не обжечься, извлекал кристалл. Он вновь светился теплым светом, источая жар, и Алена на всякий случай держала его на вытянутой руке. Она чувствовала, как в теле закипает злость. Там, внутри этого кристалла, был ее враг. Он или ему подобные похитил Ваньку, или, возможно, убил. И наверняка этот враг знал куда ей идти. Только вот как его спросить?

Алена чувствовала ненависть к этому кристаллу, к миру, который ее окружал. И это пугало ее. Она вспоминала Волка. Перед глазами всплыло обезображенное лицо, налитые кровью глаза и торчащие из-под обезвоженных губ клыки. Неужели ненависть делает это с людьми? Неужели ей тоже это предстоит?

Внезапно под ногами что-то хрустнуло. Алена носком ботинка разгребла песок и блик солнца на миг ослепил ее. Внизу было стекло. Пока Алена соображала, что это может быть, стекло еще раз издало треск, и по нему, словно молния, пробежала трещина. Внезапный сильный порыв ветра разогнал песок под ее ногами, и она осознала, что стоит на стеклянной крыше павильона. Стеклопакеты под ее ногами покрылись паутиной трещин, и Алена почувствовала, как они прогибаются под весом ее тела.

«Еще чего не хватало…» — успела подумать девушка, прежде чем стеклопакет рассыпался и она вместе с россыпью стекол, искрящихся в лучах солнца, провалилась во мрак.

Падение было столь же быстрым, сколь и неожиданным, но — недолгим. От усталости Алена даже не успела испугаться. Снизу прилетел удар, резкая боль пронзила тело, дыхание перехватило. Алена почувствовала, что сползает с твердой поверхности и попыталась ухватиться руками за какую-нибудь опору, но не успела, и вновь провалилась в пустоту. Следующий удар последовал практически тут же, из чего она сделала вывод что пролетела всего пару метров. Она вновь упала на наклонную поверхность, которая помогла сгладить приземление, и покатилась вниз. Алена наугад шарила руками по гладкой поверхности, но зацепок не было. Девушка зажмурилась в ожидании нового удара, и через мгновение он последовал, погрузив сознание во тьму.

***

«Проснись!»

Боль. Боль существовала в ее сознании, но была отделена от тела — Алена могла наблюдать ее, чувствовала, что она находится где-то рядом и ждет. Чего? Алена попыталась рассмотреть боль подробнее, но такая концентрация сознания потребовала слишком большого расхода ресурсов организма, и внимание мгновенно рассеялось. Как у ребенка, которого взрослые пытаются заставить учить ненужные уроки. К чему, зачем? В этой мягкой пустоте так приятно парить! Было ощущение, словно плывешь в теплом киселе. Единственное, что смущало — это запах. До обоняния Алены еле уловимо доносился до боли знакомый неприятный звериный запах, только она никак не могла взять в толк откуда он здесь. Неспешное течение плавно несет твое сознание… куда? Алена задумалась. Она что-то должна была сделать в том, одиноком и мертвом мире. Но туда так не хочется возвращаться!

«Проснись!»

Алена попыталась сосредоточиться и увидела, как луч света медленно прорезает тьму. Поначалу она подумала, что это солнце пробивается сквозь запыленные стекла, но потом с удивлением обнаружила, что ее глаза закрыты. Девушка сообразила, что это был луч сознания, пробирающийся сквозь вязкую пелену, в которой она парила.

Лучи согревал лицо. Откуда-то сверху лился теплый свет. В голове словно стоял туман, мысли путались, пустота и тишина внутри нарушалась лишь слабым звоном в ушах. Алена открыла глаза.

Она лежала под гладкой сферой несколько метров в диаметре, с которой только что скатилась. Выше над ней на тросах висел макет космического спутника, спасшего ее от более жесткого падения. И над этим всем зияла яркая дыра в небо, обрамленная осколками разбитого окна. Оттуда сыпались мелкие песчинки, сверкая в солнечном свете то ли как снег в лучах фонарей, то ли как падающие звезды. Алена подумала, что за долгое время это самое красивое что она видела. Песчинки падали в темноту, растворяясь, словно их никогда и не было.

Девушка аккуратно покрутила головой. Она оказалась в просторном павильоне со стеклянным потолком, засыпанным песком. Свет проникал только в дыру, в которую она провалилась, остальное

тонуло во мраке. Впрочем, этого рассеянного света хватало чтобы рассмотреть некоторые детали.

Алена никогда раньше не видела стеклянный потолок под песком — это выглядело словно произведение авангардного художника. И вместе с тем возникало ощущение, словно она провалилась в потусторонний мир. Пространство вокруг как бы намекало на это.

Тут и там к потолочным балкам на тросах были повешены макеты космических шаттлов и спутников. Дальше из темноты неясно проявлялись огромные шары, похожие на планеты. «Вот он какой, внутренний космос» — пронеслось у Алены в голове.

Это же надо было так неудачно попасть! Алена была уверена, что в обычный день ее внутреннее чутье подсказало бы что впереди опасность, но сейчас, когда организм был на стадии изнеможения, чутье отказывалось работать. Ангел-хранитель перетрудился за последние дни, он наверняка уже давно нервно курил в сторонке, сорвав голос, предупреждая девушку об опасностях.

Так, нужно понять степень повреждений. Алена не чувствовала резкой боли, но знала по опыту, что боль придет позже. Сейчас адреналин бушует в крови, не давая почувствовать повреждения. Но вскоре он успокоится, и боль нахлынет волной в поврежденные части тела. Не дай бог ноги или позвоночник, тогда сразу смерть…

Леденея от страха, девушка аккуратно пошевелила пальцами ног и рук, затем медленно согнула конечности в суставах — все работало, правда с сильной болью, но, похоже, переломов не было. Было тяжело дышать, возможно она все-таки повредила ребра. «Главное, чтобы не позвоночник» — вновь мелькнуло в ее голове. Очень аккуратно Алена повернулась на бок, а затем и на спину. Тело мгновенно отозвалось болью, но девушка уже поняла, что все кости целы. Попытка встать отозвалась лютой болью, и у нее потемнело в глазах, а шум в ушах усилился. «Только не потерять сознание, только не…» — успела подумать она, прежде чем снова провалилась в мрак.

***

«Проснись!»

Боль вернулась вместе с проблесками сознания. Теперь Алена поняла, чего ждала боль — осознания. «Наверное, так буддийские монахи усмиряли телесные ощущения» — мелькнула у Алены.

«Да, именно так» — негромко прозвучало у нее в голове. Голос был явно не ее, но у Алены было слишком мало сил чтобы этого испугаться или даже сосредоточить на нем внимание. Все, что сейчас было важно — она откуда-то знала это — как можно быстрее вернуться в сознание. Вот только как?

Алена вспомнила луч света, и стала стараться его представить. Вот он вырывается из темноты, пока слабый, неуверенный, но постепенно набирающий силу, как набухающие почки весной на дереве. Луч становится объемнее, занимает все больше пустого пространства, освещают тьму, вытесняет ее из сознания. И постепенно возвращается боль. Но Алена рада ей — значит, она жива. Алена сделала судорожный глубокий вдох, словно вынырнула из глубины, и закашлялась.

Она отметила, что больше не ощущает тепло на лице. С трудом разлепив глаза она увидела все ту же дыру в небо над собой. Она не знала сколько прошло времени, но солнце ушло в сторону, и лучи света падали под углом, постепенно отдаляясь от Алены. И тут она снова уловила запах, и ее словно током пронзило. Звери! Они здесь! Алена обвела глазами пространство, и поняла, что лежит уже почти на границе света. Она не видела и не слышала никого за кругом света, но чувствовала, что рядом кто-то есть. Нужно было двигаться.

Аккуратно, чтобы не вызвать новый болевой шок, он передвинула одну руку, потом другую, и только теперь поняла, что потеряла призму. Быстро окинув взглядом освещенное пространство, она убедилась, что кристалла рядом нет. «Это проблему мы решим позже» — подумала Алена. Сейчас ее задачей было держаться света.

Тело работало, хотя и с трудом. Дальше очередь ног. Сдвиг на лишних пару сантиметров моментально вызвал резкую боль в спине, поэтому ускориться не получится. Экспериментальным путем Алена определила в сантиметрах радиус действия конечностей, и передвигала только в рамках границ боли. Упираясь руками и ногами в пол, сдвигала тело на несколько сантиметров, отчего лоб моментально покрывался испариной. Затем переводила дух, сдвигала поочередно руки и ноги, и повторяла по новой. Эти передвижения забирали остатки сил, боль ежесекундно грозила скинуть в пучину беспамятства, но Алена понимала, что это единственный выход. Думать о том, что будет когда сядет солнце не хотелось. Через

несколько минут она достигла центра круга и почувствовала себя в относительной безопасности. Но на этом силы иссякли, и она вновь провалилась в липкую тьму.

***

«Проснись!»

В этот раз сознание возвратилось быстрее, словно что-то подталкивало его. Алена выплыла из мрака с мыслью что нужно ползти. Она снова лежала на краю светового пятна.

«Иди на свет!» — снова услышала она голос в голове, далекий, словно он звучал на границе сознания. Голос был обезличенный — невозможно было определить женский он или мужской, про него нельзя было сказать, что он высокий или низкий. Скорее, это была информация в чистом виде, приходящая откуда-то извне. И снова Алене послышался высокочастотный писк в ушах, словно пронзающий голову тонкой струной.

— Но я же и так на свету… — произнесла Алена ссохшимися губами.

Хотя голос прав — надо двигаться. Алена снова собрала волю в кулак и сдвинула правую руку на несколько сантиметров. Интересно, это все вообще имеет смысл? Куда она вообще ползет? Как ни крути — солнце скоро сядет, а есть ли вообще выход в той стороне, куда движется световое пятно — неизвестно. Похоже, ничего особо не изменилось. Как и раньше, Алена не могла ответить на вопрос смысла дальнейшего движения. Для того, чтобы куда-то двигаться, нужен был ориентир. Но вокруг была лишь тьма.

«Прости, Ванька, — подумала Алена, — Похоже, мне не удастся тебя спасти…»

Она вспомнила сказку про сестрицу Аленушку и братца Иванушку, которого унесли гуси-лебеди на съедение злой ведьме. Весь ее путь был похож на эту сказку, только ничего сказочного в нем не было - лишь суровая реальность. В сказке Аленушке помогали то речка, то печка, то еще кто-то. А кто поможет ей?

«Иди на свет!» — снова пронеслось в голове Алены. Она повертела головой и вдруг заметила в глубине темного павильона свет. Он был необычно чисто белого цвета, хотя и светил достаточно тускло. Этот свет что-то ей напоминал, но она никак не могла сосредоточиться на этой мысли и понять, что именно. Новое напряжение мышц, усилие

— и правая нога сдвинута на несколько сантиметров. Иди на свет… Для нее светом был Ванька. На этот свет она готова была идти даже сквозь самую лютую тьма.

Еще усилие. Тело сдвинулось еще на пару сантиметров.

Время не ощущалось, Алена не могла с уверенностью сказать, двигалась ли она к центру пятна десять минут или час. Периодически сознание пыталось отключиться, и она вновь скатывалась в мрак, словно по скользкой ледяной горке. Там, внизу, тьма мягко облепляла, тело наливалось свинцом, словно кто-то накрывал его тяжелым одеялом. Здесь совершенно ни то что двигаться, не хотелось даже мыслить. Любая попытка сосредоточения требовала колоссальных затрат энергии.

И вновь тьму мягко осветил луч света. Алена уже была уверена, что этот свет живой. Даже не так — этот луч был лучом внимания какого-то разумного существа, которое наблюдало за Аленой. И снова на границе сознания раздался далекий, но явственный высокочастотный писк.

«Кто ты?» — спросила Алена во тьму. Если этот луч разумен — ответ придет, решила она. А если не придет, то ничего страшного. Хуже-то все равно не будет.

Ответа не последовало, зато на Алену с новой силой навалилась слабость. Тягучая, вязкая субстанция заливала ее сознание. Глаза слипались, клонило в сон, при этом девушка понимала, что она и так спит и ее физические глаза закрыты. Она хочет заснуть во сне? Что это означает?

Ответ пришел быстро. Смерть. Это означает смерть, Алена. И если ты сейчас не приложишь все усилия, ты больше не проснешься. Больше не будет Ваньки, воспоминаний о мороженом на набережной и теплых руках Дениса. Не будет солнца, ветра, неба, не будет даже вездесущего песка, хотя казалось бы — уж он-то есть везде. Не будет больше ничего, только вечная тьма.

Невероятным усилием воли Алена собрала свое внимание и направила всю энергию на одну задачу: вынырнуть из тьмы. Ей казалось, что на находится где-то глубоко под водой, и до поверхности далеко. И хотя тьма окружала ее, девушка почувствовала, что внимание неизвестного существа поддерживает ее и не дает погрузиться в бездну мрака.

«Кто ты?» — вновь спросила Алена. На этот раз она услышала ответ.

«Я — свет» — пронеслось в ее голове.

«Разве свет может быть живым?» — удивилась Алена.

«В этом мире, который вы считаете мертвым, все живое.»

«А тьма?»

«И тьма.»

Сознание Алены продолжало медленно парить в бесконечной черноте. Его уже не пыталось засосать вглубь этой тьмы, словно оно зацепилось за диалог с существом. Алена отстраненно подумала, что вообще-то этот диалог происходит в ее голове, и, похоже, у нее развилась шизофрения. Впрочем, в мире, превратившемся в мертвую пустыню, в которой люди становятся зверьми, шизофрению можно считать нормой. По крайней мере уж лучше разговаривать с голосом в голове, чем превратится в Зверя, пожирающего себе подобных.

На Алену нахлынула волна тошнотворного запаха гниения и немытых тел, и ее сознание стрелой пронзила мысль: Звери! Адреналин выплеснулся в кровь, и девушка моментально вернулась в сознание, успев заметить на границе света мелькнувшую тень. Знакомый звук когтей о кафельную плитку пола заставил тело вздрогнуть и придал сил. Алена начала судорожно ползти к центру пятна. Главное держаться на свету как можно дольше! А потом… Если ей повезет — она доберется до выхода. А что там, снаружи? Голая пустыня. Куда она денется с неработающими ногами, когда наступит ночь? Правда, скорее всего ей не повезет и до выхода она добраться не успеет. Солнечный свет истончался и приобретал кровавый оттенок, угол его падения увеличивался — солнце клонилось к закату. Что делать, когда свет исчезнет? Алена вспомнила про пистолет Волка, достала его и посчитала патроны. Девять. Она будет отстреливаться до последнего. Но девятый патрон прибережет для себя. Уже лучше так, чем быть заживо сожранной.

Алена огляделась и снова заметила белый призрачный свет в конце павильона. Видимо, это светилась призма, при ударе отлетевшая так далеко. Похоже, профессор был прав, и кристалл, наполненный энергией, превратился в аккумулятор, но чего Зиновьев не сказал — так это того, что во тьме призма испускает свет. И если он был прав, и

этот свет сродни солнечному, значит Звери должны его бояться. И тогда у Алены есть шанс.

Глядя на истончающиеся солнечные лучи, льющиеся сквозь разбитое окно, Алена поняла, что не успеет добраться до призрачного света. Солнце сядет раньше. Уже сейчас она слышала нетерпеливое рычание из темноты. Звери обступали ее круг, зная, что добыча никуда не денется. Пока Алена их не видела, они словно акулы кружили вокруг ее лодки, утопающей в бескрайнем океане мрака. Жаль только, что на этой лодке не поставить парус.

Алена сжала в руке пистолет и вздрогнула. Может, от игры света и тени, может от усталости, но ей показалось что ее рука изменилась. Как будто она стала грубее, темнее, и ногти слегка удлинились и загнулись. Она встряхнула головой, прогоняя прочь видение. Сейчас сосредоточиться на главной задаче.

До источника белого света оставалось метров пятьдесят. Ей не добраться. Солнце явно сядет раньше. Вот если бы здесь была дорожка света…

И тут Алену осенило. Ну конечно! Дорожка света! Она даже удивилась что не догадалась до этого раньше. Алена аккуратно перевернулась на спину, сняла пистолет с предохранителя, выбрала окно и нажала на спусковой крючок.

Выстрел прогремел оглушительно громко, отдача мгновенной болью разошлась по телу. Алена услышала свой собственный крик, и поняла, что резкая боль скинула ее сознание в пучину забвения. «Только не сейчас» — успела подумать она. Уже за границами осознания она услышала звук бьющегося стекла и поняла, что у нее получилось, но обрадоваться не успела — тьма нахлынула, словно океанская волна, снося последние защитные барьеры разума.

****

Осколки красиво блестели в лучах солнца, плавно кружась в вихре, танцуя вальс. Алена даже услышала отдаленные звуки оркестра. Нежные скрипки, мощные валторны, тягуче-глубокие виолончели задавали ритм этому танцу. Под их музыку осколки то взмывали в лучах света, то опадали во тьму, словно живое воплощение танцора. Зрелище завораживало, приковывало все внимание, затягивало внутрь. Алена отдавала себе отчет, что видит это не в реальности, хотя сейчас ей сложно было понять — где же истинная реальность? По крайней

мере в этой ей очень легко и спокойно, не считая назойливой мысли о том, что она что-то не доделала в том, другом мире.

Сквозь раму окна, обрамленную осколками, проливался искрящийся свет.

«Разрушение рамок ведет к высвобождению энергии».

Снова этот голос в голове.

Алена вспомнила слова Волка. Мы — венец творения. Но мы не творцы, мы разрушители.

«Почему мир так устроен?» — спросила Алена в пустоту.

«Старое отмирает, давая место новому. Нельзя создать новое, не разрушив старое. Это очищение.»

«Поэтому мир решил уничтожить человека?»

«Мир ничего не решал. Это решил сам человек.»

«Человек? Разве может человек влиять на целый мир? Исчезло все, что я любила! И никто до сих пор не может понять, что произошло!»

«Этот мир есть реакция на ваше сознание. Вы не хотите этого понять, вытесняете эту информацию. Все, что происходит — результат ваших мыслей и действий.»

«Это невозможно! Мы бы ни за что не уничтожили мир, который так любим!»

«Но вы это сделали.»

«Откуда взялась пустыня?»

«Посмотри внутрь себя, и ты найдешь там ответ. Пустыня внутри вас. Вы сами породили ее.»

Ответы невидимого собеседника сотрясали сознание Алены, парящей в бесконечном ничто. Люди породили пустыню? Как это возможно?

«Ненависть. Ненависть в душах людей. Вы выжигаете себя изнутри этим чувством. Мы не оставляете в себе любви. Вы сами превращаете себя и свой мир в пустыню.»

Алена ощутила жжение в груди и внезапно осознала, что голос прав. Она старательно выжигала себя все это время, веря, что лишь так можно выжить. Но возможен ли другой выход? И как может мир меняться от нашего внутреннего состояния?

«Человек всегда ищет виноватых вовне. Но все землетрясения, наводнения, войны, катаклизмы — все это не просто дело ваших рук.

Это результат ваших мыслей. Только вы ответственны за то, что происходит на планете.»

Разум Алены отказывался принимать эти ответы, но сейчас он был слаб, и девушка могла в полной мере прочувствовать эту информацию своей другой, более глубинной частью. Эта часть не анализировала, не сопротивлялась. Она откуда-то знала, что все, что говорит голос — правда.

«Вы привели мир в состояние, в котором сами не способны жить. Мир трансформируется, очищаясь от лишнего, сбрасывает старую кожу. Сейчас лишнее — вы. Все меняется, и человечество тоже.»

«А как же Звери? Откуда они взялись?»

«Ты сама знаешь ответ на этот вопрос.»

Алена задумалась. Что она знает про Зверей? Они живут во мраке, убивают все, что видят. Она видела, как Волк почти превратился в одного из них. Неужели?..

«Звери — олицетворение вашей темной сути. Все то, что вы в себе скрываете. То, что есть в каждом из вас. Звериная натура, жажда разрушать.»

Как сказал голос? Человечество меняется…

«Но как мы могли ими стать? Это какой-то вирус?»

«Этот вирус — ваши мысли, ваш выбор. Выбирая темную сторону, вы сами того не замечая скатываетесь в состояние диких зверей. Форма меняется под воздействием мыслей.»

Алена вспомнила превращение Волка.

«Ты хочешь сказать это наш добровольный выбор?»

«Человек — единственное существо на этой планете, которому дано право выбирать. Творить или разрушать, дарить жизнь или убивать. Вы с одинаковым успехом способны создать здесь как рай, так и ад. Выбор очевиден.»

«А как же мы? Те, кто остался?»

«Вы пока еще не определились. Но это ненадолго.»

«Значит, выбора все-таки нет? Мы все станем Зверьми?»

«Нет. Выбор есть всегда.»

Алена вспомнила странное щемящее чувство в груди при виде темноты. Это были страх, ненависть к Зверям, чувство опасности. Но там было еще что-то, и она долго не могла понять, что же. Сейчас она поняла — эта та ее часть, которая годами скрывалась под маской

человека, признать существование которой она панически боялась. Боялась потому, что однажды эта часть может вырваться наружу и завладеть разумом.

Она так тщательно скрывала ее под налетом человечности, разумности и морали, что звериное нутро проявлялось лишь изредка в моменты опасности. Чутье, безошибочно подсказывающее как действовать в критических ситуациях, обостряющее обоняние, слух, делающее мышцы более эластичными и сильными. Это было манящее состояние свободы, которому так сложно сопротивляться. Но на другой его стороне, там, за гранью, было изменение тела, жизнь во мраке, поедание себе подобных. Свобода ценой солнечного света, чужих жизней, простых радостей жизни. Алена наконец признала своего внутреннего зверя, и сейчас впервые смотрела ему в глаза, задавая себе вопрос: а свобода ли это?

Если есть тьма, должен быть свет — вспомнила она слова Игоря.

«Помни — выбор есть всегда. Решать только тебе.» — прозвучал Голос.

«Но какой выбор? Стать зверем и поедать себе подобных или остаться человеком и превратиться в добычу?»

«Сейчас ты познала свою темную суть. Теперь ты готова познать светлую.»

Алене казалось, что она начала понимать, о чем говорит Голос, но картинка не складывалась. Не хватало еще одной детали пазла. Есть разрушенный человеком мир. Есть Звери. Но ведь есть еще и Светляки. Словно электрический разряд прошел по сознанию Алены.

«Кто ты?» — повторила она.

«Сейчас это не имеет значения. Позже. Сейчас имеет значение то, что твоя темная часть пришла за тобой. Проснись!»

В покой бессознательного внезапно вторгся запах немытого тела Зверя. Алена почувствовала, как ее сознание, словно поплавок, взлетает к поверхности из темных глубин, будто кто-то помогает ему заботливой невидимой рукой. Она стремительно неслась к поверхности разума, и вместе с этим увеличивалась тревога и боль. А также запах.

Алена почувствовала зловонное влажное дыхание на своем лице и распахнула глаза. Прямо перед собой она увидела оскаленную морду зверя. Сморщенная морда, отдаленно напоминающая человеческую,

частично поросшая жесткой шерстью, ощетинившаяся клыками пасть, из которой капает слюна. «Неужели это был человек? Неужели он выбрал вот это?» — пронеслось в мозгу Алены. Она смотрела прямо в янтарные глаза цвета полной луны, наполненные яростью и жаждой крови. Она видела подобный взгляд лишь однажды, когда в детстве по телевизору показывали передачу про серийного маньяка. Зал суда, он за решеткой. Крупный план, Алена увидела его глаза и отшатнулась. Они были абсолютно спокойны, но в них было что-то гипнотическое, словно изнутри хищная змея смотрела на жертву. Абсолютно безжалостный, пронзающий взгляд, не оставляющий даже намека на выживание при встрече в темной подворотне. Ни любви, ни жалости. В этом взгляде была полная обесцененность человеческой жизни. Нет личности, нет уникальности, есть добыча. Ты просто кусок мяса до поры до времени передвигающийся по планете, любящий, страдающий. Но только пока не встретишься с этим взглядом. Алена тогда очень порадовалась что между ними решетка и экран телевизора, но даже несмотря на это она ощущала взгляд убийственных глаз. Сейчас же между ней и глазами не было ни малейшей преграды.

Зверь зарычал ей в лицо и распахнул пасть, готовясь сомкнуть клыки на тонкой шее. Пахнуло зловонием и запахом смерти. Алена судорожно вскинула пистолет, ткнула стволом в шерсть и нажала спуск. Зверь завизжал, брызнула кровь, и Алена окончательно пришла в себя, вырвавшись из мрака забвения. Круг света сместился, и она лежала практически полностью во тьме. Безумным напряжением всех мышц девушка перекинула тело в пятно света, услышав, как лязгнули когти по тому месту, где она была мгновением раньше.

Алена отдышалась. Она больше не могла позволить себе передышку — это было смертельно опасно. Но отключки сознания пошли на пользу — хотя тело нещадно болело, руки двигались бодрее.

Алена почувствовала, что лучи солнца слишком сильно жгут ее кожу. Такого быть не могло, ведь солнце уже клонилось к закату. Это вызвало смутную тревогу, и Алена мысленно прошлась вниманием по ощущениям в теле. Запахи чувствовались острее. Возможно, это было связано с тем, что рядом был Звери с их резким запахом, но что-то внутри подсказывало ей, что дело в другом. Алена осмотрела руки и вновь обратила внимание, что ногти увеличились еще больше. Теперь ей не казалось — она вспомнила превращение Волка. «В этом мире

больше не осталось ничего, кроме ненависти…» Сколько потребуется времени для превращения? Волк тогда смог сохранить рассудок, но надолго ли? В любом случае, пока есть время — она будет двигаться.

Алена отметила, что ее выстрел, приведший к последнему обмороку, попал в цель. В стеклянной крыше, засыпанной песком, который мешал проникновению света, теперь виднелись два прямоугольных проема, из которых на пол под углом падали пусть и слабые, но такие живительные лучи. Рядом с ее пятном света появилось второе. Алена переползла в него, стараясь не обращать внимания на рычание зверей вокруг. Сейчас нужно полностью сосредоточиться на своей цели.

Сколько осталось патронов? Было девять, один выстрел пришелся в окно, другой в зверя, оставившего следы крови и уползшего во мрак. Значит, еще семь. А лучше шесть — все-таки, один патрон она решила приберечь. Это тоже выбор, подумала девушка. Пусть и не тот, который она хотела.

Алена перевернулась на спину и прицелилась. Нужно рассчитать так, чтобы патронов хватило ровно на столько окон, чтобы добраться до света. Девушка задержала дыхание — лишь бы не промахнутся — и вновь нажала на спуск. Окно взорвалось брызгами стекла и песка, закрывающего солнечный свет. Лучи упали на пол, осветив путь. Из нового пятна с визгом отпрыгнуло несколько Зверей. Тропа к свету удлинилась еще на несколько метров. А значит, появляется шанс сделать новый выбор — выбор жить.

В последующие полчаса она стреляла еще пять раз. Каждый выстрел сопровождался брызгами стекла и песка, а на полу появлялось новое пятно света. И каждую минуту эти пятна удлинялись, при этом делаясь более тусклыми. Солнце неумолимо клонилось к закату.

Казалось, вместе с солнцем уходят и последние силы. Алена с трудом передвигала тело, сотрясаясь от боли каждый раз, когда нажимала курок. Сознание держалось непонятно каким чудом, ежесекундно грозя покинуть свою обладательницу.

Звери как будто чуяли это, и, словно стервятники, кружащие над умирающей жертвой, с каждым разом подходили все ближе к кругу света, в котором находилась Алена. Они таращили из темноты налитые кровью глаза и щелкали клыками, воздух был наполнен их утробным рычанием. Алена вдруг вспомнила Хому Брута из мистической

повести Гоголя «Вий». Он также сидел в круге, обведенном мелом, а со всех сторон толпились чудища, не видящие его в этом круге.

Казалось, противостояние тьмы и света достигло своего пика. В центре круга — все то человеческое, что пытался сохранить этот умирающий мир в лице Алены. А вокруг — полчища исчадий ада. Неужели это бывшие люди? Алена не могла в этом поверить, даже помня преображение Волка. Можно ли доверять тому голосу? И неужели мы сами до этого дошли?

Круг, в котором лежала Алена, стал совсем бледным и сузился. Свет из окон истончался с каждой секундой. Где-то там, наверху, солнце поспешно скатывалось за горизонт, словно поскорее желая спрятаться и не видеть то, что будут творить ночью создания, ранее носившие гордое имя «человек». Еще минуту — и свет перестанет быть, а вместе с ним и Алена. Звери, больше ничем не сдерживаемые, накинутся на нее - и тьма, наконец, поглотит свою жертву.

Призрачный свет призмы, пару часов назад бывший столь далеким и казавшийся нереальным, сейчас был всего в десятке шагов от границы спасительного круга.

Алена вынула обойму из пистолета. Последний патрон. Вот и все. Она не сможет добраться до призмы. Даже если она выбьет еще одно окно, пятно света не будет достаточно широким, чтобы безопасно доползти до кристалла.

Даже полностью отдохнувшая, она бы не рискнула попробовать проскочить расстояние, отделявшее ее от призмы. Сейчас же это и вовсе было нереально.

Неужели все? Звери сжимали круг. Алена слышала их рычание совсем близко. Может, стоит отдаться трансформации? Звери же не едят себе подобных? Но что тогда станет с ней? Алену передернуло при этой мысли, и тоска навалилась с новой силой. Тогда последняя пуля для нее. Она не станет добычей Зверей, как не станет и одним из них.

В голове пронесся образ Ваньки, и Алена мысленно попрощалась с ним. Хорошо, что он не узнает, во что превратилась его сестра.

В темноте мелькали призрачные силуэты, слышалось их алчное рычание. Алена подняла пистолет к голове.

Внезапно уши пронзил высокочастотный писк, такой силы, что она схватилась за голову, выронив пистолет. Это было оглушающе

громко и почти физически больно.

Призрачный свет внезапно стал ярче, осветив тьму между ними, и Алена почувствовала, как ее разума что-то коснулось.

«Иди на свет!»

Лучи закатного солнца практически полностью иссякли. Времени больше не было.

Алена с трудом встала на ноги. Она осознавала, что это ее последнее усилие — организм не выдержит и сознание покинет ее. Но пройти это последний путь по-другому не удастся.

Теперь Алена точно знала чей это голос. Она физически ощущала на себе внимание существа, заточенного в кристалле. И еще Алена поняла, что Светляк нуждается в ней. А она в нем. Светляку нужна ее помощь, и сейчас он готов защитить ее.

Шатаясь Алена шагнула навстречу белому свету. Тело отдалось лютой болью. Шаг, еще шаг. Сознание гаснет. Боковым зрением она видела оскаленные пасти зверей на расстоянии вытянутой руки. Где-то за спиной погас солнечный свет, круги на полу растворились, и все погрузилось во мрак — кроме Алены. Светляк высвечивал ее путь бледным светом, в котором она шла сквозь тьму навстречу своему самому лютому врагу, от которого теперь полностью зависела.

Свет слепил глаза, писк в ушах оглушал. Вот он, враг. И вот он — спаситель. На расстоянии вытянутой руки. Несмотря на слепящий свет, Алена смотрела внутрь призмы, словно пытаясь уловить движение жизни внутри кристалла, но свет начал расплываться. Тьма навалилась на Алену, ее тело обмякло, и под рычание Зверей она повалилась на пол.

И вместе с тьмой на Алену внезапно нахлынула ярость.

Враг был рядом. Главный враг ее жизни. Ненависть кипела в ней. Сейчас она наберется сил, встанет и уничтожит его, разложит на кванты. За Ваньку. За разрушенный город. За страх. За то, что человек больше не хозяин этого мира, а лишь звено в пищевой цепи.

Красная стрела ненависти пронзала все сущее Алены. Она страстно желала, чтобы Светляк обрел материальное тело, чтобы она могла зубами рвать его плоть. Вцепиться в горло, рвануть челюстью и смотреть, как кровь фонтаном покидает холодеющее тело. Девушка даже почувствовала, как ее пальцы начинают гореть, ногти твердеют и заостряются, как нестерпимо чешутся зубы, превращаясь в клыки.

Внезапно она поняла, что это не плод ее фантазии. Ее плоть менялась. Она с ужасом поняла, что превращается в Зверя! По телу проходили судороги, руки и ноги скрючило, спину выгнуло дугой. Из горла Алены раздался хриплый крик, больше похожий на рев.

Боже, что может это остановить? Она превращается в Зверя, как Волк! Но ведь он смог удержаться! Что его спасло?

Пот ручьем бежал с Алены. Под завывания Зверей она сама становилась одним из них. Она вдруг явственно увидела, что стоит на обрыве над бездной, и нечто огромное тащит ее к краю. И если она сорвется — назад пути не будет.

Край обрыва приближался. Словно огромная темная рука мирового зла тащила Алену к бездне.

Девушка усилием воли вызвала в памяти картины прошлой жизни. Город, еще не засыпанный песком. По улицам гуляют люди, по каналу плывет теплоход, с него слышится дрянная попсовая музыка…

Бездна еще на шаг ближе. Такое ощущение, что ноги скользят по чему-то липкому. Руки молотят по воздуху, пытаясь зацепиться, но не находят опоры.

Теплый вечер, набережная, запах свежемолотого кофе…

Ноги коснулись края. Вниз сорвалась пара камней, мгновенно исчезнув во мраке.

Ветер, раздувающий волосы, закат над городом, рука Дениса в ее руке…

Нога свесилась за край. Хватка тьмы очень сильна, и Алена поняла, что не справится. Ее утянет вниз. А там — регресс. Ее больше не станет. На ее место придет Зверь. Сознание растворится в абсолютной тьме. Унесется в бездну то, что она считала личностью, вместе с обрывками правил и моральных устоев. Ее внутренне «я» как будто дробилось на мириады мельчайших частиц, которые, словно песчинки, подхватывал лютый ветер, и с завыванием уносил во тьму, где они исчезали вместе с остатками угасающего разума.

«Ванька, прости…» — мысленно прошептала Алена, и из ее глаз покатились слезы. «Больше мы не увидимся… не запустим самолетик из головы Гагарина… и никогда не увидим море. Я не сберегла тебя… Прости. Я тебя люблю…»

Перед взором Алены возникло лицо Ваньки. Он улыбался своей невинной улыбкой, и в его глазах отражалось бездонное голубое небо.

Алена подумала, что это странно — вокруг тьма, Звери, бездна, как может отражаться небо, если его здесь нет? И тут же поняла — это было Ванькино внутреннее небо, с внутренним солнцем. И оно осветило Алене.

Она смотрела в его глаза и плакала. И чем больше она вглядывалась в них, тем больше они расширялись, захватывая все больше пространства. Ее втягивало в этот бескрайний голубой купол.

В этом небе было все: теплые летние вечера, запах свежесваренного кофе, тепло руки. Но было в нем и нечто, что поражало своей силой, и при этом мягкостью. Что-то, что протянуло сознанию Алены невидимые лучи, словно спасительный мостик над бездной. И сейчас как никогда раньше Алена ощутила свой дар — дар выбирать.

Тьма, разверзнутая у нее под ногами, манила своим забвением и вседозволенностью. Она всем телом ощущала эту свободу, горячий ночной ветер, обдувающий обнаженное тело, одурманивающий вкус крови на губах с привкусом металла. Свобода убивать и пить жизнь из тела агонизирующей жертвы, наслаждаться первозданным могуществом звериного тела, отсутствием сознания и хоть какой-то ответственности.

С другой стороны, было что-то другое, доселе незнакомое Алене. Оттуда бил яркий свет, и он причинял боль. Но она откуда-то знала: это временно. Очистительный свет смывал грязь, страх и ненависть, и это не могло пройти безболезненным. Там, выше этого света было что-то такое, к чему хотелось прикоснуться хотя бы краем сознания, и даже от одной мысли об этом она захлебывалась от благоговейного восторга. Там тоже была свобода, но другого рода. Свобода, подразумевающая ответственность за тот мир, в котором мы живем, который мы творим. Свобода от ненависти. Свобода любви.

И хотя Алена все еще ощущала крепкую хватку тьмы, не желавшую отпускать свою добычу, где-то глубоко в сознании укрепилась мысль, что она сделала свой выбор. Тело постепенно становилось легким, словно перышко.

«Чтобы сердце могло продолжить путь, оно должно быть легче пера» — промелькнули на границе сознания слова профессора.

И в какой-то момент Алена поняла, что тьма отпустила ее. Словно паук, чьи сети порвала чудом вырвавшаяся из них муха, тьма зло

смотрела на нее откуда-то из потаенных глубин. Алена вынырнула из мрака, тяжело дыша, покрытая липким потом, вновь вернувшись в сознание и тело, наполненное болью, но — свое, человеческое тело.

***

Она лежала на полу, освещенная слабым светом призмы. На расстоянии вытянутой руки от девушки рычали Звери, высовывая на мгновения из мрака то оскаленные пасти, то чёрные от шерсти лапы с загнутыми когтями. Они метались за границей света, пытались дотянуться до Алены, но отпрыгивали во тьму, словно обожженные огнем.

Но свет был слаб. Помещенный в призму он не мог вырваться наружу, и слабые лучи с трудом разгоняли тьму в радиусе пары шагов вокруг.

Алена ощупывала свое тело, все еще не веря в то, что она смогла удержаться. Без Ваньки у нее бы не получилось. Нужно во что бы то ни стало отыскать его!

Алена повернула голову в сторону призмы.

Вопросов было больше, чем ответов, впрочем, ситуация не располагала к долгим размышлениям. Алена подтянула поближе ноги, сев на корточки, чтобы Звери не смогли до нее дотянуться, и с замиранием сердца поднесла руки к глазам — они были совершенно такие, как раньше, без следов трансформации. Алена вздохнула с облегчением. Впрочем, вопрос о том, что делать дальше оставался открытым. Что-то подсказывало Алене, что ответы мог знать только узник призмы.

— Кто ты? — спросила она призму. В ответ кристалл продолжал светить ровным бледным светом и источать легкое тепло. Почему Алена не слышит его голос? Может, писк в ушах и есть его ответ? Она просто не понимает его язык? Но почему тогда понимала в бессознательном состоянии? Или это были галлюцинации? — Слышишь? Эй, Светляк!

Ответа не было. Сквозь разбитые окна виднелись первые звезды. Что ж, добро пожаловать во тьму! Еще одна ночь бок о бок со Зверьми, а заодно и со злейшим врагом. Хотя какая разница — день или ночь — она все равно не знает, как отсюда выбраться. Алена сжала пистолет в одной руке, призму в другой. В крайнем случае у нее всегда остается

смертельный туз в рукаве — последний патрон. И если подумать, джекпот она уже сорвала — осталась человеком.

Алена чувствовал сильную слабость, глаза закрывались сами собой. Как бы безумно это ни звучало в данной ситуации, но надо было поспать. Возможно, после пробуждения она придумает что делать дальше.

***

«Ненависть порождает тьму.»

Алена вновь парила в мягком ничто. Не было ни Зверей, ни боли. Казалось, здесь не существует даже ее тела, как и всего остального физического мира. Есть только ее внимание и Голос.

В этом состоянии эмоции были гораздо мягче. Девушка отметила, что ярость не захлестывает ее, как раньше. Она видела это чувство как бы со стороны, не вовлекаясь в процесс, отстраненно осознавая и наблюдая за алой полосой гнева, разрезающей пространство.

«Когда ты ненавидишь — ты уничтожаешь себя и свой мир.»

Голос звучал совершенно спокойно, констатируя факт. Что-то внутри подсказывало Алене, что он прав. И хотя ее больше не поглощало чувство ненависти, тем не менее она все еще осознавала это чувство как часть себя.

«Вас сложно не ненавидеть.»

«Почему?»

«Вы уничтожили моего брата. Вы зло.»

«Мир не делится на зло и добро, черное и белое. Мир создан в гармонии. Добро и зло — понятия, созданные человеком.»

«Вы уничтожаете нас — значит, вы зло».

«Уничтожение — часть созидательного процесса. Все в этом мире рано или поздно пройдет свою трансформацию, пиком которой будет смерть. Это происходит для того, что могло произойти перерождение.»

«Мы не просили об этом.»

«Вы привели этот мир к состоянию, в котором нет другого выхода. Ваша раса больше не сможет здесь существовать в том виде, к которому вы привыкли. Вы примитивны. Вы не способны выжить в этом мире.»

«Но мы выживаем.»

«Это временно. Вы больше не соответствуете частоте энергии нового мира. Вы даже не способны слышать нас.»

«Тогда почему я слышу тебя сейчас?»

«Ты не слышишь мой голос. Ты считываешь тонкие вибрации, которые я посылаю, и которые твой мозг не в состоянии воспринять. Сейчас ты трансовом состоянии. Мозговая деятельность замедлена и сейчас ничто не мешает тебе чувствовать мою энергию и интерпретировать ее в слова. Между нашими видами пропасть, и мост через нее — состояние любви и покоя.»

Алена вспомнила Ванькины бездонные глаза и ощущение безграничной любви, идущей от них. Но без этих глаз она ничего не чувствовала.

«Разве можно любить в этом мире?»

«Этот мир порождение ваших мыслей и состояний. Он такой, потому что вы привыкли ненавидеть. Но если вы переключите внимание на любовь — мир начнет меняться вместе с вами.»

«Как можно испытывать любовь, когда мир вокруг пытается тебя убить? Остается только ненависть и страх.»

«Человек боится того, чего не понимает. Бежит от неизвестности. Почему ты боишься тьмы? Что скрывается в ней?»

«В ней опасность. Звери.»

«Это тьма внешняя. Я говорю про другую тьму — внутреннюю.»

Алена задумалась. Тьма и пустота постепенно заполняли ее последние месяцы. А пустыня… Она действительно ощущала неразрывную связь с ней. Как будто они были частью одного целого.

«Ты боишься признать себе, что в тебе тоже есть Зверь. Ты тоже можешь им стать. Поэтому ты боишься заглянуть внутрь себя и увидеть во тьме свое истинное отражение.»

«Я не хочу становится такой, как они…»

«Ты можешь им стать. Можешь не стать. Это всего лишь выбор. Звери — просто форма существования, более удобная в данной среде, чем вы. Вы сами завершили свою эволюцию регрессом.»

Алена молчала. Страшно осознавать, что ты виновен в гибели целого мира, пусть и не только ты один — но ты часть этого.

«Этот мир уже нельзя спасти?»

«Ты знаешь ответ.»

Алена попыталась сосредоточиться на поиске ответа, и действительно обнаружила что знает его. Но никак не могла

зацепиться лучом внимания за него, он ускользал, как бабочка, в последний момент упорхнувшая из готовых сомкнуться ладоней.

«Человечество породило апокалипсис. Вы разрушил все то, что было создано природой, что создали сами. Вы всегда создавали все более мощное оружие уничтожения, не подозревая, что самое мощное оружие внутри вас. Это — ваши мысли. И вот это оружие уничтожило ваш мир. Так появились Звери. Так появились мы.»

«Кто вы?»

«Мы новая ступень эволюции человека, новая раса. Мы все то светлое, что есть в вас, воплощенное в физическом мире. Нам не страшна жара и холод, нам не нужно есть и спать. Мы не нуждаемся в физическом теле. Все, что нам нужно — солнечный свет, он питает нас. Мы та форма, к которой должен был прийти человек. Если бы не выбрал регресс.»

«Но вы же уничтожаете людей!»

«Мы вас не уничтожаем. Мы вас трансформируем.»

«Трансформируете? Это как превращение в Зверя?»

«Трансформация в ту форму, что вы называете Зверьми — регресс энергии до ее низшей стадии и изменение материи. Трансформация в нас — поднятие энергии до высшего уровня. Туда, где материя больше не имеет значения.»

Трансформируем… Значит Ванька… неужели?..

«Кто ты?»

«Ты знаешь кто я, Алена.»

Глаза цвета бездонного неба распахнулись перед внутренним взором Алены, и оттуда повеяло теплом и любовью.

«Ванька!» — сердце Алены дрогнуло.

«Я был им в человеческом теле. Теперь я на другой стадии эволюции и мне больше не нужно имя. Но ты можешь звать меня так.»

«Почему ты не сказал раньше! Я так искала тебя!»

«Ты искала не меня. Ты искала себя. Ты должна была пройти этот путь. Я лишь направлял тебя.»

Алена вспомнила встречу со Светляками у Сити. Тогда она четко осознавала, что они пришли за ней. Она вспомнила образ брата, звавший ее за собой, когда она уже не могла идти дальше. И призму, которая нагревалась от его энергии.

Но что, если Светляк обманывает ее? Он проник в ее сознание с целью манипулировать ей. Кто он на самом деле — враг или друг?

Что-то глубоко внутри Алены знало ответ на этот вопрос. Она чувствовала присутствие брата, его тепло. И хотя это был уже не он, что-то от маленького Ваньки было в этом свете.

«А Игорь? Он тоже теперь как ты?»

«Нет, Игорь еще слишком привязан к физическому телу. Мы уберегли его от безумия людей, но ты скоро встретишься с ним.»

«Почем он не трансформировался?»

«Люди боятся изменений. Даже такие, как Игорь. Вы пытаетесь запереть свет так глубоко, чтобы тьма скрыла его. Воздвигаете рамки, чтобы свет не мог вырваться наружу и светить. Потому что тогда вы увидите свое несовершенство, а это трудно принять. Чем ярче свет, тем ярче он освещает темные закоулки сознания. Гораздо легче спрятать это во тьме. Вы боитесь сами себя. Вы боитесь смотреть внутрь себя, потому что в глубине души вы знаете — помимо света там есть и тьма, и под вашим вниманием она может вырваться на свободу. Ваша звериная часть боится быть освещенной. Потому что свет несет перемены, которые так не любит человек. Вы так сопротивляетесь изменениям, что готовы уничтожать этот свет. Уничтожать нас. Уничтожать себя. Уничтожать мир.»

«Но это несправедливо! Почему люди должны страдать? Почему нельзя донести эту информацию до них?»

«К этой информации нужно быть готовым. Ты прошла большой путь через тьму, познание своей темной сути, прежде чем могла разглядеть свет. Ты не слышала нас, пока не была готова. И люди тоже не готовы.»

«Как происходит трансформация?»

«Ты узнаешь, когда придет время. Тебе больше не понадобится твое тело.»

«А когда придет мое время?»

«Когда ты завершишь свой путь.»

«И каков мой путь?»

«Ты знаешь. Просто делай что должна. А сейчас тебе надо поспать. Твое тело слабо, наберись сил до рассвета. Утром выйдем на поверхность. Тебе предстоит донести эти знания до людей.»

«А если они не поверят?»

«Всему свое время. Путь к свету не бывает легким. Наберись терпения — и люди пойдут за тобой.»

***

Утренние лучи пробивались сквозь разбитые стекла в крыше павильона. Алена с трудом разлепила глаза. Свет заливал пространство, Зверей не было видно – они попрятались по темным углам. Еще одна страшная и вместе с тем волнительная ночь была позади, и эта ночь принесла новые знания, а главное — Алена снова обрела брата. Она посмотрела на безмолвную призму. Не было ли это сном?

Алена прислушалась к себе. Внутри она ощущала какое-то новое чувство. Тьма, которая ночью давила, угрожая захлестнуть, словно цунами, отступила. И если посмотреть внутрь себя, можно было почувствовать, как где-то глубоко теплится искра света. И даже ее небольшой энергии хватит чтобы сдержать тьму.

Алена взяла призму в руку и медленно поднялась на ноги. Боль в теле все еще давала о себе знать, однако ночь сна помогла организму частично восстановиться. В конце павильона Алена заметила широкие двери. Скорее всего они тоже были засыпаны песком, но стоило попытаться.

Впервые за долгое время она чувствовала защищенность и даже некое спокойствие.

Обычно двери предвещали опасность — никогда не знаешь, что ждет за ними. Не знала она и сейчас, но вместо опасности в груди теплилось нечто новое, давно потерянное. Присмотревшись, она с удивлением обнаружила что это надежда.

Пусть Алена не ощущала запах свежесваренного кофе и круассана, но впервые она понимала, что за дверью кроме тьмы может быть еще и свет. Девушка протянула руку к ручке двери. Скрипнули петли, и в помещение, вместе с потоками песка, ворвались лучи солнца.

***

Алена стояла на песке и жмурилась от солнца. Оно больше не резало глаза, и Алене показалось что оно светит менее ярко, как обычно. Выход из павильона находился с подветренной стороны бархана, и его не так сильно засыпало, поэтому ей удалось выбраться на поверхность.

На бархане появился темный силуэт. Солнце светило из-за его спины, и Алена не могла понять кто это, поэтому на всякий случай сжала в руке пистолет с последним патроном. Человек бежал к ней, полы его длинных одежд развевались на бегу.

— Игорь! — воскликнула Алена и бросилась на встречу.

Он что-то кричал, но ветер сносил слова в сторону. Алена увидела, что руки человека связаны. И только когда сзади него из-за бархана выросло еще два силуэта с оружием в руках, Алена окончательно поняла, что дело дрянь.

— Беги, Алена! — наконец долетели до нее слова Игоря. Но было поздно.

Ноги Игоря завязли в песке, и он упал. Преследователи быстро настигли его.

— Не ожидала, девочка? — воскликнул тот, что шел чуть позади с человек и Алена узнала голос Сидоренкова — мэра города сорок два. Второй, его телохранитель, держал Алену на прицеле.

Они подошли ближе, и Алена заметила, что лицо мэра обветрилось, кожа шелушилась — сразу видно кто тут редко бывает на поверхности.

— Мой человек следил за вами до самого Сити! Неужели ты думала, что я доверю судьбу города шайке бандитов и девчонке? — ухмыльнулся мэр. — Но я вижу, что ты выполнила задачу. Доставка доставлена до адресата, курьер. Ты молодец. Теперь верни мне мою призму!

Мэр протянул руку к кристаллу. Его рыхлое лицо осветилось белым светом, глаза загорелись пламенем, то ли от отблесков призмы, то ли от алчности. Алена прижала призму к груди и сделала шаг назад. Рука мэра замерла. Он вонзил взгляд в глаза Алены и медленно покачала головой.

— Ты же не собираешься все усложнить? — глаза Сидоренкова сузились.

— Мы не должны использовать Светляков в качестве источника энергии! — воскликнула Алена. Призма жгла руку, и Алена поняла, что во всем мире сейчас нет для нее дороже этого предмета.

— Это тебя не должно волновать. Зачем тебе лишние проблемы? Ты хотела уехать, увидеть море? За эту работу я дам тебе достаточно денег, хватит на билет на Ковчег, — мэр сделал такое лицо, словно был

благодетелем бедных и обездоленных, только что нимб над головой не сиял. — Ты видела море? Представляешь огромные просторы воды? Больше никаких песков. Девочка, это твой шанс на новую жизнь! Просто отдай мне то, что принадлежит мне. То, что я и так получу — в любом случае. Весь вопрос в том увидишь ли ты море или твой скелет будут обгладывать стервятники за соседним барханом.

Солнце зловеще подсвечивало фигуру мэра красноватым светом, словно оно клонилось к закату. Алене очень хотелось верить этому человеку, несмотря на наполненные алчностью глаза. Хотелось, потому что Алена не могла больше терпеть эти пляски со смертью. Все, чего она хотела — сесть на этой чертов корабль или кто он там, и уехать подальше от пустыни, Зверей, от злых маленьких глаз мэра. Забыть все как страшный сон. Просто смотреть на бескрайнее море, опускать руки в прохладную воду…

Но ей не нужно было море без Ваньки.

— Если мы уничтожим Светляков, мы уничтожим самое светлое, что есть в этом мире! Мы не должны этого делать!

— Кто ты такая, чтобы мне указывать! — мэр побагровел. — За мной жизни тысяч людей! Я должен заботиться о них!

— Ты никогда о них не заботился! Ты думаешь лишь о своей выгоде!

— Да кто ты такая, чтобы судить меня! Тебе не понять, что это такое — ответственность за целый город! Если ты не со мной, значит, ты против меня — на стороне врага!

— Но Светляки нам не враги! Это новая ступень эволюции! — воскликнула Алена.

— Да мне абсолютно без разницы кто они такие! Для меня они всегда были помехой, а теперь станут топливом для моего города! Смотри, что у меня для них есть! — с этими словами мэр гордо достал из-за спины громоздкое оружие, состоящее из сплетения металлических трубок и множества непонятных Алене деталей. — Знаешь, что это? Это оружие, равных которому никогда не было! Оно способно творить настоящие чудеса! Теперь, когда Зиновьева не стало, единственный экземпляр в моих руках! Знаешь, что оно делает? Оно рвет к чертям эту материю, как тряпку, вместе с твоими Светляками! Она завязывает этот чертов мир в узел, сминая все вокруг! Как говорил Зиновьев, оно продавливает материю, словно резину! А еще говорили,

что Москва не резиновая! — Сидоренков засмеялся собственной шутке. — С этим оружием мне не страшны ни конкуренты, ни Светляки!

— Ты находишь это смешным? Уничтожая мир?

— Я уничтожаю только то, что уже отжило свой век и то, что мешает мне вести народ к свету!

— Но ты же уничтожаешь город!

— Город давно мертв! Что здесь осталось живого? Один песок! Теперь уже все равно. Что мертво умереть не может.

Внезапно мэр сделал рывок в сторону Алены и вытянул руку в попытке ухватить призму, но Алена отшатнулась и прижала кристалл к груди, словно ребенка.

— Значит, подобру не отдашь… — зло проговорил мэр. — Я не хочу тебя убивать, девочка. Ты талантливая, можешь мне пригодиться! Или ты выберешь стать частью этого мертвого города?

— Пока еще даже здесь есть жизнь! — воскликнула Алена. — И надежда!

— Какая надежда, о чем ты? — усмехнулся мэр. — Таких как ты, вечно на что-то надеющихся, легко обмануть! Ты все еще веришь в сказки вроде Ковчега, который отвезет всех к морю? Так знай: никакого спасительного Ковчега не существует. Море пересохло. Никто не покинет город, потому что отсюда некуда идти. Вокруг только пустыня, поглотившая весь мир. Пора бы уже повзрослеть, девочка!

Внезапно Алена осознала, что он прав. Она и сама подозревала, что чудесный путь к спасению может оказаться выдумкой — уж слишком похоже на сказку. Есть только пустыня, и в ее центре — она напротив зверя в человеческом обличье.

— Послушай, девочка, я же не безумец! Я мэр целого города, я должен заботиться о людях! Кто они без меня? Они же просто вымрут!

— Заботиться? Как в убежище тринадцать? — горько сказала Алена. Глаза мэра сузились.

— Значит, ты знаешь… То были непредвиденные жертвы, — Сидоренков вздохнул. — Пойми, девочка, люди делятся на тех, кто меняет мир, и тех, кто приспосабливается, выживает. Ты приспосабливаешься. Я меняю мир.

— Это ты называешь изменениями?

— Лес рубят — щепки летят! Наверняка у бога тоже не получилось с первого раза.

— Не получилось с первого раза? Ты же просто уничтожил тысячи людей!

— Они бы все равно не выжили! Системы защиты устарели, руководители не хотели ничего менять! Рано или поздно они бы все вымерли, как динозавры! Но они послужили зарождению нового города, безопасного, уникального, с прекрасной системой жизнеобеспечения! И все это сделал я, слышишь, я! Во благо людей. Во благо.

— Ты безумец!

— Нет. Безумцы — это вы. Те, кто предпочитают верить и надеяться. Как вот этот, — мэр ткнул носком сапога Игоря. — Но, если ты оглянешься на мировую историю и внимательно изучишь расцвет любого из государств, что ты там найдешь? Использование труда пленных, захваченных во время войны. Рабство. Геноцид ради ресурсов. Истребление народов ради захвата более плодородных земель. У каждого правителя руки в крови, исключений нет, но это всегда ради народа! Любой рост всегда происходит за счет того, что сильный жрет слабого, чтобы за счет жертвы кормить свой народ. Смерть порождает жизнь. Мы просто животные. Ничем не лучше хищных зверей.

— Алена, не слушай его! — сдавленно произнес Игорь, но Сидоренко пнул его ногой, и тот упал лицом в песок.

— Думаешь, жители моего города сильно расстроились бы, узнав каким образом я достал для них солнечные батареи? Да им все равно! Все хотят выжить, девочка. И не важно, каким путем.

Алена оглянулась вокруг. Песок. Бесконечный песок. Поблекшее солнце над бескрайними просторами почему-то светило еще более тускло. Мертвые дома на горизонте застыли, словно безмолвные каменные изваяния. Пустое ослепительно белое небо. Казалось, во всем мире не осталось жизни.

— Ты прав, — ответила Алена. — Мы уничтожили этот мир. Превратили цветущий город в безжизненную пустыню. И это наша коллективная ответственность. За каждый загубленный цветок, за каждую отравленную каплю воды. За каждую загубленную жизнь. За тот выбор, который мы делаем. Но жизнь еще есть. Она здесь, —

Алена прижала призму к груди, и почувствовала, как учащенно бьется ее сердце.

— Если не отдашь призму — это ненадолго, — произнес мэр.

— Ни за что! — сказала Алена, поднимая пистолет.

— Ты играешь в опасную игру, девочка! — прищурился мэр. — Я пойду на любые жертвы ради своей цели! А ты готова жертвовать?

Словно по невидимому сигналу мэра его телохранитель приставил ствол к голове Игоря.

— Брось пистолет! — скомандовал Сидоренков Алене.

— Алена, не думай обо мне! — воскликнул Игорь. — Делай, что считаешь нужным!

— Заткнись!

Алена видела, что Игорь еле заметными движениями перетирает веревки крестом, висящим у него на шее. Но что он мог сделать? Алена внезапно поняла, что не готова пожертвовать этим человеком. Если она позволит Игорю погибнуть — это будет шаг во тьму. И еще Алена ясно ощутила, что дело не в страхе перед регрессией. Просто она сделала свой выбор в сторону света.

Пистолет Алены упал к ногам мэра.

— А теперь призму! — скомандовал властный голос.

Алена прижала кристалл к груди. Она чувствовала, как он тепло вибрирует, проливая мягкий свет сквозь ее пальцы.

— Что не так, девочка? Просто отдай ее мне! Говорю последний раз!

— Внутри мой брат… — тихо произнесла Алена.

— Что поделать! Кристалл с энергией твоего брата будет служить людям, дарить им свет! Это достойная жертва для того, чтобы люди жили!

Внезапно Алена представила картину, как мэр сидит в своем роскошном кабинете, обильно освещенным энергией жизни ее брата. Словно вампир, восседающий на троне из костей и черепов, Сидоренков будет продолжать жрать жизни людей, пока кто-нибудь его не остановит.

Алена протянула призму мэру. Тот вытянул навстречу руку, но в последний момент Алена развернулась и, размахнувшись, запустила кристалл в недра темного павильона Космос.

— Иди теперь Зверей уговаривай отдать тебе призму! — выпалила она в лицо Сидоренкова.

— Нееет! — раздался дикий крик мэра. — Как ты посмела!

Гримаса ненависти исказила лицо Сидоренкова. Воспользовавшись моментом, Игорь вскочил и тяжелым крестом огрел телохранителя. Тот, как подкошенный, упал на песок. Игорь кинулся к мэру, но тот нажал на курок раньше. Мимо лица Алены что-то просвистело, и за ее спиной раздался громкий хлопок.

— Алена, беги! — крикнул Игорь, но его голос потонул в страшном рёве сжимающегося воздуха — словно его всасывало через огромную турбину. Внезапно стало сложно дышать. Песок под ногами зашевелился и вдруг, словно живой, устремился в ту сторону, откуда донесся взрыв. Алена не стала оборачиваться. Мышцы резко сократились, ботинки взрыли песок, и девушка сорвалась с места.

Она не видела, что происходит сзади, да и не хотела — судя по звукам, там ломалась сама материя. Песок, словно скатерть, стягиваемая со стола невидимой рукой, волнами устремлялся мимо ног Алены, обнажая погребенные под ним павильоны ВДНХ. Бежать с каждой секундой становилось все труднее, незримая сила тянула назад. Внезапно образовался встречный ветер и Алена поняла, что это воздух втягивается в разверзнутую пасть новой Черной Дыры. Нужно было во что бы то ни стало выбежать за горизонт событий, где притяжение дыры, пока только набирающее силу, перестанет действовать.

Алена увидела, как начинают изгибаться опоры павильона, как выскакивают стекла из рам, раскалываясь на части и проносясь мимо смертельным ураганом осколков, как рушатся стены, обнажая внутренности зданий. Фасады на глазах разбирались по кирпичику, слоями слезала штукатурка, и ее тут же подхватывал невидимый ветер. Весь мир стремился в пасть невидимого Аленой монстра, словно там, внутри, был обетованный рай. Прямо из-под ног девушки безумная сила вытягивала песок, заставляя ноги проскальзывать, на плечи словно накинули рюкзак с кирпичами, который каждую секунд прибавлял в весе. Рев исчезающего в Дыре воздуха был подобен звуку истребителя, и, казалось, сама бездна стонет в приступе адского голода, готовая поглотить этот бренный мир. Дышать уже было

практически нечем. Грудь обжигало огнем, легкие судорожно сжимались в попытках глотнуть ускользающий кислород.

В какой-то момент Алена поняла, что не успевает. Дыра набирала силу, сминая основы бытия, искривляя само пространство и время, и, если Алена не поднажмет — навсегда исчезнет в бесконечном ничто, где нет ни пространства, ни времени. Но это не будет иметь для нее значения, ведь перед этим ее тело разорвет на тысячи мельчайших фрагментов, и оно разлетится на мириады атомов и молекул.

Из последних сил ринувшись вперед Алена вдруг почувствовала, что хватка дыры ослабевает. Еще несколько шагов, и двигаться стало легче. Еще немного — и она почувствовала, что притяжение отпустило. Алена пересекла горизонт событий и без сил рухнула на песок.

Она снова ушла от тьмы, но вряд ли это было надолго. Сидоренко, отчаянно матерясь пытался перезарядить разрушительное оружие, пока его телохранитель пытался прийти в себя после удара. Игорь, каким-то образом умудрившийся развязать руки, подбежал к девушке и помог подняться.

Так и не справившись с перезарядкой, Сидоренко в гневе откинув оружие в сторону, схватил с песка пистолет Алены и быстрым нервным шагом направился в её сторону. Вот и последний патрон для меня, мелькнуло у Алены. Они с Игорем стояли на границе притяжения Черной Дыры, и даже здесь Алена чувствовала, как неведомая сила колышет ее волосы.

Черная Дыра до неузнаваемости изменила местность, словно опухоль на теле разрушенного города, уродующая из без того умирающий мир. Выросшие из-под песка павильоны были частично разрушены, выгнутые балки опор торчали, словно переломанные ребра выброшенного на берег кита. Все, что попало за горизонт событий, навсегда исчезло в ненасытной пасти Дыры. Ближе к Дыре песка уже не было, обнажался вздыбленный асфальт, который исчезал по мере приближения к центру. Дальше все начинало меркнуть — из Черной Дыры не пробивались даже лучи света. Изогнутый фонарный столб, оказавшийся на границе зоны притяжения, колыхался, словно от ветра — сила Дыры здесь слабела, не в состоянии утащить его в свою бездонную глотку.

Солнце заливало песок кровавым светом, лучи стали острее, и внезапно Алена поняла в чем дело. Она посмотрела на солнечный диск — тот уменьшался на глазах. От барханов протянулись длинные тени. И, словно по дорожке из тьмы, в одной из этих теней быстро перемещался человекоподобный силуэт. Он двигался по-волчьи стремительно и бесшумно, обходя со спины мэра и его телохранителя. И судя по траектории двигался он именно к ним.

— Вернется тьма, и во второй раз заслонит солнце… — прошептал Игорь одними губами.

Тьма, которую Алена так боялась все это время и которую так отчаянно подавляла внутри себя, теперь могла стать единственной помощницей.

— Не захотела по-хорошему, значит будем по-плохому, — Сидоренкова трясло от гнева. — По твоей вине умрут тысячи людей! Ты! Это все ты! Ты ответишь за это!

Мэр вскинул пистолет. Кровавый луч солнца скользнул по его лицу. Затмение набирало силу, мир плавно погружался во тьму, но Сидоренков, казалось, не замечал этого в приступе ярости.

За спиной мэра послышался шорох песка. Его телохранитель начал оборачиваться на звук, но не успел — темный силуэт набросился на него и сбил с ног. Раздался короткий крик и на песок щедро плеснула кровь.

Мэр застыл с расширенными от ужаса глазами.

— Ты!.. — прохрипел он, поднимая руку с пистолетом.

Существо подняло голову от растерзанной шеи телохранителя, захлебывающегося собственной кровью. В последних лучах солнца блеснули глаза, заполненные болью и ненавистью, и Алена с трудом узнала Волка.

Лицо его заострилось и поросло жесткой щетиной. Глаза впали, прячась под надбровными дугами, челюсть выдалась вперед, в ней блестели окровавленные клыки. Одежда была изодраны, но было ощущение, что она уже не нужна Волку. Он еще был человеком, но Зверя в нем было уже больше. Теперь он как никогда раньше был похож на волка.

Мэр выстрелил, но Волка уже не было там, куда угодила пуля. Он стремительным движеньем отпрыгнул в сторону и встал во весь рост. Будучи боевой машиной еще в человеческом облике, сейчас Волк стал

воплощением смерти. Могучие мышцы были видны сквозь обрывки одежды, кое-где уже поросшие шерстью, вместо ногтей сталью отливали острые когти.

— Сдохни, тварь! — прорычал Сидоренков и вновь нажал на спусковой крючок.

Пистолет сухо щелкнул, выстрела не последовало. Мэр нажал на курок, потом еще раз, и еще, но в ответ слышались лишь щелчки курка. Глаза Волка и Сидоренкова встретились, и мэр прочитал в них смертный приговор. Мэр попятился назад. Он все понял.

Каким-то внутренним взором Сидоренков увидел, как еще не отошедший от ночной трансформации Волк, шатаясь, пришел ко входу в убежище сорок два, прикрывая слепнущие на свету глаза обожженной солнцем рукой. Как он втягивал горячий воздух, пытаясь учуять мэра. Как по его следам бывший охотник дошел до ВДНХ, держась в тени домов. Мэр буквально кожей ощутил, как Волк всеми силами старался удержаться в человеческом состоянии только ради того, чтобы днем по солнцу настигнуть жертву.

Волк, молча и неспешно, словно растягивая удовольствие, двинулся к нему. В его глазах была смерть, но он не спешил. Это была походка хищника, уверенного в том, что добыча никуда не сбежит.

Песчинки, потревоженные ботинками мэра, отрывались от своих собратьев, и, постепенно ускоряясь, срывались в безумной гонке навстречу черному провалу в никуда. Волосы на голове Сидоренкова пришли в движение, полы его одежды приподнялись, словно от невидимого ветра. Он приближался к горизонту событий.

— Я не могу поступить иначе, Волков, пойми, не мог! — в ужасе заорал мэр. Волк молча приближался, Сидоренков сделал еще шаг назад. И здесь мэр понял, что это был последний шаг в его жизни.

Словно невидимые, но очень мощные руки оплели его сзади, и медленно потащили по обнажившемуся асфальту. Сидоренков принялся перебирать ногами, но было поздно. Мэр истошно заорал.

Волк остановился и молча смотрел в его глаза. Сидоренков бессвязно орал и протягивал руки, но на лице бывшего охотника не шевельнулась ни одна мышца. Бывший мэр неуклюже повалился на землю, его тело закрутило, поволокло по вздыбленному асфальту, ускоряясь с каждой секундой. Сидоренков умудрился зацепиться за мощную изогнутую арматурину, торчащую из земли, и на мгновение

завис. Крика уже не было слышно, хотя рот мэра был широко раскрыт. Внезапно его тело стало неестественно вытягиваться, руки Сидоренкова разжались, и он исчез во мраке. Где-то там, откуда уже не проникали лучи света, неумолимая сила ломала кристаллические решетки в теле Сидоренкова, делила его на молекулы, крушила атомы, разрывая на электроны и протоны, чтобы после уничтожить и их, пока от бывшего мэра подземного города сорок два не осталось даже электромагнитного импульса.

***

С мэром было покончено. Волк пустыми глазами смотрел в глубину Черной Дыры. «Осталось ли в нем хоть что-то человеческое? — промелькнула мысль в голове у Алены. — Или звериная суть раз и навсегда взяла верх?»

Солнечное затмение набрало силу, огненный диск почти полностью скрылся из виду, и пустыню накрыло мраком. Из полуразрушенного павильона Космос послышался вой и на песок выскочили с десяток зверей. Вздыбленная шерсть, слюна, капающая с клыков и горящие голодом глаза, устремленные на двух людей, не оставляли сомнения в их намерениях. Последний луч солнца коснулся лица Алены. Мрак спустился на землю, освещаемую лишь этим призрачным лучом, да глаза Зверей горели яростным огнем.

Алена почувствовала, как Игорь взял ее ладонь в свою. Их глаза встретились. Чтож, хоть одно желание сбылось, правда она представляла себе его несколько иначе.

— Закрой глаза, — прошептал Игорь и тоже зажмурился.

Раздалось рычание Зверей, Алена отчаянно зажмурилась. Она уже почти физически ощущала, как впиваются острые клыки в ее шею, а когти рвут податливую плоть. Но Звери медлили. Внезапно прекратилось даже рычание. Алена аккуратно открыла глаза.

В неясном свете она увидела широкую спину Волка между ними и Зверями. Его шерсть стояла дыбом, слышалось негромкое рычание. Как ни странно, Звери, только что готовые растерзать людей, теперь скулили и жались к земле.

«Нет, не странно, — подумала Алена. — Чуют вожака.»

Она не видела глаз Волка, но могла представить их холодный блеск. Его взгляд, словно отточенные кинжалы, пронзал и

обезоруживал, заставляя подчиняться. Волк нашел свою новую стаю. Звери признали в нем вожака.

Волк последний раз взглянул солнце, подогнул колени и опустился на четыре конечности. Ни разу не обернувшись на замерших людей, неспешной рысью он побежал в противоположную от солнца сторону. Стая, беспрекословно подчинившись, устремилась за новым вожаком и исчезла за ближайшим барханом.

Наступила тишина, нарушаемая лишь легким дуновением ветра да шелестом песчинок, который он сдувал в пасть черной Дыры.

— Мы что, живы? — не веря себе спросил Игорь.

— Похоже на то, — произнесла Алена.

— И что теперь делать?

Алена взглянула на него, развернулась и исчезла во тьме. Она смело шагнула в недра павильона Космос, и вскоре вышла оттуда с призмой в руках. Словно Прометей, несущий людям огонь, она подняла кристалл над головой. Он светился чистым белым светом, заливая темное пространство вокруг.

«Теперь мы снова вместе»…

— Это восхитительно красиво! — промолвил Игорь, глядя на свет призмы, отражающийся в глазах девушки.

Алена огляделась. Вокруг по-прежнему было темно.

— И что теперь делать? — неуверенно спросила она.

— Как что? — удивился Игорь. — Ты — курьер. Твоя задача — доставлять людям то, что им больше всего необходимо. И сейчас это свет.

Они смотрели на мертвый город. Тьма по-прежнему окутывала мир. Но это было снаружи. Внутри Алена внезапно обнаружила тишину и покой. Она отчетливо поняла, что мир больше не будет прежним. У нее есть знания, которыми она просто обязана поделиться с людьми. Чтобы каждый узнал, что у него есть выбор.

— Вот ты и познала свою Темную Ночь Души, — сказал Игорь.

— Ты о чём?

— Бывает так, что все настолько плохо, что кажется будто хуже быть не может. И ты опускаешься на самое дно жизни. И там, найдя новый смысл, ты отталкиваешься и поднимаешься наверх, к солнцу.

— Знаешь, что я поняла? Сейчас у нашей планеты Темная Ночь Души. И мы должны помочь ей ее пройти. Потому что иначе никак.

Алена почувствовала, что на ее глазах наворачиваются слезы. Но эти были не слезы боли или потери, это были слезы облегчения. Так бывает, когда заблудился в темном лабиринте и очень долго блуждал по нему, а потом внезапно вышел на свет. И вдруг осознал зачем, ты проходил этот лабиринт.

Алена ощутила, как Игорь взял ее за руку. Впервые за долгое время она вновь чувствовала тепло чьей-то ладони, и внезапно поняла, что одиночества больше нет. А какое может быть одиночество, когда ты несешь благую весть всему миру? Она заглянула в глаза Игоря — в них была спокойная уверенность. Пожалуй, впервые она чувствовала, что больше не является слепой игрушкой судьбы. Они способны все изменить.

Алена прижала призму к груди, и кристалл откликнулся теплом. Черный диск, закрывающий солнце, медленно приходил в движение. Одинокий луч солнца коснулся их лиц. Затмение заканчивалось, но это была лишь вторая фаза тьмы. Главная битва была еще впереди.

В кармане что-то зашуршало. Алена сунула руку, достала спичечный коробок и аккуратно вытряхнула на ладонь скарабея.

— С восходом небесного светила жук расправляет крылья и улетает в бесконечную даль, — вспомнила Алена слова профессора Зиновьева.

— Ну что, священный символ, взошло твое солнце? — Игорь аккуратно коснулся пальцем скарабея.

Жук потоптался по ладони, словно собираясь с мыслями, потом внезапно с треском распахнул крылья. Неуверенно поводил ими в воздухе, словно пробуя, и вот они уже замелькали со скоростью пропеллера. Лапки жука оторвались от ладони Алены. Скарабей с жужжанием поднялся в горячий воздух и полетел навстречу солнцу.

Апрель-декабрь 2022